

К63.3(2)622
Г52-КУ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ УРАЛЬЦЕВ

Теодор
Гладков

Николай КУЗНЕЦОВ

Памятник Н.И. Кузнецову в Екатеринбурге

*Н.И. Ельцина (в центре) перед возложением цветов к памятнику
Н.И. Кузнецову. Июль 2010 г.*

ЖЗУ

**ЖИЗНЬ
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
УРАЛЬЦЕВ**

Серия основана в 2011 году
по инициативе Правительства
Свердловской области

ВЫПУСК

2

К 63.3(2)622
Г 52 - КХ

Теодор Гладков

- 121682-

Николай КУЗНЕЦОВ

ЕКАТЕРИНБУРГ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

СОКРАТ

МУ «Централизованная
библиотечная система»
ГО Красноуральск

ББК 63.3

Г 52

Гладков Т.К.

Г 52 Николай Кузнецов. — Екатеринбург: Издательский дом «Сократ», 2011. — 384 с., 48 с. ил. (Жизнь замечательных уральцев: вып. 2).

ISBN 978-5-88664-365-7

В пер.: 5000 экз.

Документальная повесть известного историка разведки, писателя Т.К. Гладкова широко раскрывает жизнь и деятельность выдающегося разведчика времен Великой Отечественной войны, Героя Советского Союза уральца Н.И. Кузнецова. В книге приводится множество фактов из закрытых до сих пор материалов, хранящихся в архивах ФСБ. Многие работы автора отмечены премиями КГБ СССР, Службы внешней разведки РФ, Федеральной службы безопасности РФ и др.

Издание посвящается 100-летию со дня рождения Н.И. Кузнецова.

ББК 63.3

ISBN 978-5-88664-365-7

© Гладков Т.К., 2011.

© ИД «Сократ», 2011.

Война оказалась естественной объединяющей силой, чувство локтя никогда еще не было так сильно, в чем-то оно приблизилось к понятию «свобода», потому что стремление защитить страну было не вынужденным, то есть почти не нуждавшимся в принуждениях. Одновременно она показала — силою обстоятельств — самоотверженную преданность стране — какой бы она ни была.

В. Каверин

ПРОЛОГ

Размеренным шагом, неторопливо он шел по Дойчештрассе — главной улице Ровно, обычный пехотный обер-лейтенант с Железным крестом первого класса и «Золотым знаком отличия за ранение» на груди, ленточкой Железного креста второго класса, продернутой во вторую петлю френча, в лихо сдвинутой набекрень пилотке. На безымянном пальце левой руки поблескивал золотой перстень с монограммой на печатке. Приветствовал старших по званию четко, с достоинством, чуть небрежно козырял в ответ солдатам.

Самоуверенный, спокойный хозяин оккупированного украинского города, само живое олицетворение дотоле победоносного вермахта.

Обер-лейтенант Пауль Вильгельм Зиберт.

Он же «Пух».

Он же Рудольф Вильгельмович Шмидт.

Он же Николай Васильевич Грачев.

Он же «Колонист».

Он же Николай Иванович Кузнецов.

Советский разведчик и партизан.

Часть I

Глава 1

В списке населенных мест Камышловского уезда Пермской губернии, составленном на 1908 год, о родной деревне Николая Кузнецова сказано: «Деревня Зырянская расположена в трех верстах от ближайшей церкви и библиотеки в селе Балаир; в 93 верстах от уездного города Камышлова, в 19 верстах от ближайшей железнодорожной станции, почтовой конторы, телеграфа. Число дворов 84. Население: мужчин — 202, женщин — 194, бывшие государственные крестьяне, православные и раскольники, русские».

Урал в последующие за революцией два десятилетия неоднократно подвергался новому административно-территориальному переделу. Ныне деревня Зырянка относится к Талицкому району Свердловской области.

Отец героя нашей книги Иван Павлович Кузнецов — один из 202 упомянутых русских крестьян мужского пола — был в деревне человеком приметным. Действительную службу — долгих семь лет — он проходил не где-нибудь, а в самом столичном граде Санкт-Петербурге в гренадерском полку. Служил добросовестно, за меткую стрельбу, в частности, пожалован был серебряным рублем, часами и голубой кружкой с портретами молодых царя и царицы под сенью двуглавого российского орла.

Вернувшись со службы, Иван Павлович женился на местной девушке Анне Петровне Баженовой.

Деревня Зырянка застроилась вдоль невеликой речушки Березовки, трижды образующей, благодаря плотинам, небольшие пруды. Напротив среднего и поставлена была изба Кузнецовых. Иван Павлович обладал природным умом и хозяйственной хваткой, был к тому же человеком трудолюбивым, любознательным и склонным в крестьянском занятии к новациям. Когда-то таких земледельцев — самостоятельных и пытливых — называли опытниками. Иначе говоря, он не довольствовался столетиями сложившимися традициями мужицкого сельского хозяйствования, но внедрял

на уральской земле все то новое, что постигал из книг и журналов, выглядывал в других местах, а то и доходил своим умом. Одним из первых в волости Кузнецов ввел в севооборот кормовые травы, прежде всего — клевер, использовал удобрения, купил металлический плуг современной конструкции и повел зяблевую вспашку почвы, устроил пасеку. Окрепнув же, активно участвовал в создании кредитного товарищества и потребительского общества. Немудрено, что в небогатой округе хозяйство Кузнецовых к войне с германцами считалось уже зажиточным. Обстоятельство это — казалось бы, только тому и радоваться — впоследствии едва не сыграло в жизни семьи роковую роль.

Первыми детьми в молодой семье стали девочки Агафья и Лидия. Надо отметить, что, в отличие от многих односельчан, Иван Павлович всегда твердо желал, чтобы дети его получили образование, и не делал в том различия между дочерьми Агафьей и Лидией и появившимися вслед за ними сыновьями Никанором и Виктором. Старшая дочь, по-домашнему Гася, еще до революции успела закончить в Камышловле пять классов женской гимназии, что давало право стать сельской учительницей, каковой и проработала всю жизнь, сначала в родной деревне, а потом и в других местах.

Третий ребенок в семье Кузнецовых появился на свет 27 июля 1911 года и наречен был Никанором, по-домашнему Никой, или Никошой. Следует сразу предупредить, что в биографии Николая Кузнецова по сей момент еще много неясностей, и первая связана как раз с днем и годом его рождения. Дело в том, что Иван Павлович был из старообрядцев (по приведенному выше «описанию» — раскольников) и многих обрядов официальной православной церкви не признавал, да и вообще, в отличие от богомольной Анны Петровны, был почти что нерелигиозен, а потому детей своих не крестил. Как известно, церковь в дореволюционной России от государства не была отделена, и когда в 1916 году старшей дочери Агафье потребовалась метрика, то ее, а заодно и остальных троих детей, приобщили к церкви особым обрядом. Не слишком грамотный местный священнослужитель при этом так замысловато сделал запись, что не только день, но и год рождения Никанора можно было трактовать с расхождениями. В результате и двадцать лет спустя в некоторых документах Кузнецова проставлен

год рождения — 1912, встречаются расхождения даже в его собственных письмах родным и друзьям.

Как бы то ни было, по официальным документам позднейшей поры, а также воспоминаниям сестры Лидии и брата Виктора, полагать днем рождения Николая Кузнецова следует именно 27 июля 1911 года.

Второй неясностью в биографии будущего разведчика стала история с его именем. Как мы уже знаем, родители нарекли его Никанором. Имя это мальчику почему-то не нравилось. Подростком он предпочитал называть себя Николаем, но когда официально поменял имя, в точности неизвестно. В комсомольских документах, относящихся к началу 1930 года, он значится Никанором, а в 1931-м — уже Николаем. Паспортов тогда еще в нашей стране не существовало. Паспортная система с обязательной пропиской начала вводиться в СССР лишь в 1932 году, выдавались новые документы жителям городов не одновременно, и к тому же — не всем. Жесткая сталинская реформа, означавшая на деле установление поголовного контроля за каждым гражданином страны, крестьян оставила без паспортов, то есть приковала к колхозам, лишила их права свободно избирать место жительства. Кузнецов к тому времени был уже горожанином. Покидая Кудымкар и перебираясь в Свердловск, он имел на руках паспорт на имя Николая.

Первой учительницей Ники стала старшая сестра Гася. С ее помощью крепкий и шустрый сероглазый мальчуган научился бегло читать, а затем и писать уже в шесть лет. С этого же возраста он навсегда пристрастился к чтению. Иван Павлович грамотой владел не свободно, но книги, хоть и немногие, в доме держал. Относились к ним с особой уважительностью, даже почтительностью. Их берегли, раскрывали, предварительно вымыв руки, с некоторой торжественностью, и читали долгими вечерами вслух, неспешно, так, что каждая перевернутая страница откладывалась в памяти мальчика глубоко и надолго. Не только читали, но и рассказывали сказки и старинные предания, в частности Иван Павлович любил все, связанное с ратной историей русского народа, от сказаний о былинных богатырях до солдатских притч о геройских защитниках Севастополя. И не случайно, по воспоминаниям родных, первым стихотворением, которое запомнил наизусть Ника Кузнецов, уже

тогда отличавшийся необычной памятью, стало «Смерть Сусанина» — героическая песнь патриота, поэта и революционера Кондратия Рылеева.

И уж тем более не случайно, что и «Смерть Сусанина», и лермонтовское «Бородино» тридцатилетний Кузнецов не раз декламировал в глубоком тылу гитлеровцев товарищам по отряду возле партизанского костра...

Ныне традиция семейного чтения вслух в России и на селе, и тем более в городе утрачена безвозвратно. А жаль. Конечно, беглое чтение про себя позволяет воспринять гораздо большее количество информации. Но чтение вслух значительно сильнее воздействует на чувства маленьких слушателей, пробуждает их фантазию, живость воображения, развивает слуховую память. Не говоря о том, что само это занятие сближает родителей и детей, братьев и сестер, укрепляет семейные узы.

Само собой разумеется, что все юные Кузнецовы, как заведено было испокон веков, сызмальства приучались к труду — и в хозяйстве и по дому. Посильному, но обязательно полезному и целесообразному. Обязанности каждого не определялись как-то специально отцом или матерью, но складывались сами собой, в соответствии с вековым укладом деревенской жизни, полом и возрастом.

Мировая война обошла стороной дом Кузнецовых. Как единственный кормилец семьи Иван Павлович мобилизации ни по какому разряду не подлежал. Иначе сложилось с ним в войну гражданскую.

Советская власть после Октября просуществовала на Урале и в Сибири недолго. Первый удар по ней нанес атаман Дутов, затем последовал чехословацкий мятеж, а в ноябре 1918 года здесь повсеместно установилась жестокая диктатура «Верховного правителя Российского государства» адмирала Колчака.

Местным крестьянам тоже довелось полной и горькой мерой узнать, что такое белый террор. Неподалеку от Зырянки расположено волостное село Балаир. Многие зырянцы и балаирцы связаны узами родства и свойства. Сюда летом 1918 года ворвался отряд казаков-карателей. Под плач детей и женщин выволокли из домов сельских активистов и сочувствующих советской власти. Шестерых порубили шашками на людях. Среди казненных был и свойственник

Кузнецовых — муж тетки со стороны матери Иосиф Васильевич Дерябин, дядя Ося. Похороны жертв в братской могиле на всю жизнь запомнил потрясенный и напуганный Ника, которому только-только исполнилось семь лет.

Власть омского правителя длилась в Зауралье недолго. Уже через год под ударами Красной Армии белогвардейские войска покатались на восток. Колчаковцы орудовали на временно захваченной ими земле не только огнем и мечом, но и словом. Потерявшим в круговерти гражданской войны ориентацию людям твердили, что красные разоряют хозяйства, отбирают скот, грабят, насилуют. Тяжко жилось трудовому крестьянству под Колчаком, но перемена власти все же пугала именно потому, что измученные люди уже ничего хорошего ни от каких перемен, ни от какой власти не ждали.

Даже знаменитый Декрет о земле, который привлек на сторону советской власти крестьянские массы Центральной и Южной России, Украины, Белоруссии, здесь особой роли не сыграл: местное крестьянство никогда безземельным не было, а после столыпинских реформ каждый хозяин мог получить фактически такой надел, какой был в состоянии обработать.

Как бы то ни было, поддался общим тревожным настроениям и Иван Павлович Кузнецов. И винить его в том никак нельзя, можно только посочувствовать и ему самому и семье его.

Увидев в потоке беженцев, уходивших на восток, подводы знакомых крестьян из соседней деревни, Иван Кузнецов собрал домашний скарб и двинулся в сторону Тюмени...

Курс «гражданской академии», как потом говорил сам Иван Павлович, закончился для него быстро. Колчаковцы, уходя от наседавших красных частей, открыто начали грабить мирное население. Отобрали лошадей и у Кузнецовых.

Ивану Павловичу довелось пройти на восток аж до самого Красноярска. На сей раз в составе Пятой армии Восточного фронта, которой командовали вначале Михаил Николаевич Тухачевский, а затем Генрих Христофорович Эйхе. Кузнецов участвовал в боях против колчаковцев, перенес сыпной тиф, а в марте 1920 года, как достигнувший сорокапятилетнего возраста, был «во исполнение приказа войскам 5-й армии, уволен в первобытное состояние».

Наконец Иван Павлович вернулся в родную деревню и начал восстанавливать разоренное хозяйство.

Учиться Ника Кузнецов начал в 1918 году — в родной деревне, где имелась начальная земская школа. Потом, как мы знаем, был перерыв. Во второй класс он пошел после возвращения в Зырянку, уже осенью 1920 года.

В деревне к тому времени произошли важные изменения: на бывших поповских землях, как раз там, где погибли мученической смертью балаирские активисты, была организована коммуна «Красный пахарь». Создали ее крестьяне сами, без нажима из уезда. Поэтому дела в коммуне сразу пошли на лад. Полного обобществления всего и вся, вплоть до кур, в коммуне не было. Просто работали люди сообща, по настоящему товариществу, властям сдавали что положено, остальной урожай делили по справедливости. Получалось лучше, нежели в индивидуальном хозяйстве.

Люди потянулись к грамоте, а потому Иван Павлович Кузнецов отдал в коммуну под избу-читальню две горницы в своем доме. Читальня просуществовала несколько лет. Особенно любили люди, и малолетний Ника то хорошо запомнил, рассматривать страницу за страницей и читать популярный в двадцатые годы на Урале сельский иллюстрированный журнал с необычным названием «Товарищ Терентий».

В родной деревне под началом родной же сестры Ника закончил с хорошими отметками и второй, и третий класс. На том в Зырянке был предел. Родители многих местных ребятишек считали: чтобы сеять, косить, молотить, ходить за скотиной, трех классов достаточно. В семье Кузнецовых продолжение образования считалось делом решенным, и осенью 1922 года Ника стал ходить в балаирскую школу — в четвертый класс. Каждый день отмеривал он, и в ненастье и в стужу, в два конца добрый десяток километров.

Давно выведено правило: человек, и взрослый и маленький, ценит всего более то, что достается с трудом и трудом, а не валится как манна с небес, безо всяких к тому собственных усилий. И отшагивал немалое для своего возраста расстояние каждодневно Ника Кузнецов уж не для того, чтобы отсиживать часы в классе, абы числиться присутствующим. Он учился хорошо, и вот что характерно: учителя обеих школ и много лет спустя единодушно отмечали редкостную память Кузнецова. За вечер мальчуган был способен выучить

наизусть без особого напряжения почти столько же стихотворений, сколько прочитать. С одного раза запомнил он и всю таблицу умножения. Позднее, в отличие от большинства одноклассников, он без малейшего затруднения и, что удивительно, без искажений запоминал латинские названия деревьев, кустарников, трав. Превосходная зрительная память позволяла ему всю жизнь, и не уча особо правил, почти что избегать грамматических ошибок.

Ника и говорил чисто, устной речью владел свободно, мысли сызмальства выражал четко, слов-паразитов и ненужных междометий не употреблял, не сквернословил. Позднее, переехав в Москву, а по некоторым воспоминаниям того раньше, легко избавился от неистребимого, как полагают некоторые, воздействия местных говоров.

Незаметно подоспело и первое расставание с отчим домом. Дело в том, что единственная в округе семилетка имела лишь за двадцать пять верст — в Талице. Вот и пришлось Нике Кузнецову к осени 1924 года переехать в этот городок на берегу речки с очень уральским названием Пышма. За небольшую плату и со своими харчами тринадцатилетний паренек был поселен на частной квартире — знакомой семьи Александры Васильевны Прохоровой, по улице Большие Пески, 31. После смерти мужа, рабочего-кузнеца, Александра Васильевна осталась с тремя сыновьями и дочкой на руках. С одним из сыновей — Колей Ника учился сначала в школе, а позднее и в техникуме.

Четверо мальчиков спали валетом на двух кроватях. Старший из братьев — Михаил впоследствии рассказывал, что Ника часто разговаривал во сне. Эта особенность сохранялась у Кузнецова вплоть до прибытия во вражеский тыл, и ему стоило огромных усилий от нее избавиться.

Хоть и невелика Талица, а все же город, не чета Балаиру, тем более — Зырянке. Сначала она, подобно многим уральским городам и поселкам, называлась Загородом — Талицким Загородом. До революции самым богатым человеком в городе и округе был именно владелец дрожже-спиртового завода Поклевский. Память о нем и его семье сохранилась в названии ближайшей железнодорожной станции.

Как и положено, имела в Талице центральная площадь, где находилось здание райисполкома и райкома партии, бывшая церковь, а почти напротив школа-семилетка,

бывшее министерское училище. Восточнее площади была плотина, образовавшая искусственный пруд; из пруда, питаемого ключами, вытекала речка Барданка.

Рядом со школой располагалось пожарное депо, а попросту сарай. Местная команда обладала единственной ручной пожарной машиной на телеге. При пожарке числилась и дежурная лошадь, которую впрягали при надобности в дроги с пузатой бочкой.

На главной улице — имени Ленина, бывшей Большой Дороге, имелся клуб, где происходили самые значительные события культурной жизни Талицы. В клубе этом Ника Кузнецов впервые смотрел знаменитый кинофильм «Броненосец “Потемкин”». При нем же на площади установили перед райисполкомом столб, на котором одноглазый техник Огурцов в присутствии множества заинтересованных жителей и, конечно же, ребятишек установил первый на весь город, долгое время и единственный, громкоговоритель с огромным коробчатым раструбом.

Еще следует добавить, что вокруг Талицы простирались богатые леса, и потому самым достопримечательным, можно сказать, главным заведением города был лесотехнический техникум — ТЛТ, студенты коего выделялись своим независимым, даже гордым нравом и... форменными фуражками с зелеными бархатными околышами и блестящими кокардами.

Талицкая семилетка, уже в силу своей единственности в районе, была относительно многолюдной и уж точно — шумной. Казалось, затеряется в ней новичок из глухой деревушки, растворится в среде более развитых да бойких товарищей. Но этого не произошло. Ника очень быстро, причем без какого-то к тому особого стремления стал в классе заметной фигурой. Его не только признали своим, но и полюбили.

Заслуженная учительница республики Анна Зиновьевна Снегирева, в те годы заведовавшая талицкой школой, еще тогда занесла в свой дневник: «Новичок — собранный мальчик, с большими задатками, подготовлен для учебы хорошо, при живости характера на удивление внимателен».

А вот характерное воспоминание еще одного преподавателя — математика Василия Михайловича Углова: «Мне казалось, что он из семьи кадровых военных. Об этом говорила его выправка. Постоянная собранность — типичная черта

Ники Кузнецова. Вот таким он и остался в моей памяти».

Люди, близко знавшие Кузнецова-разведчика, действовавшие вместе с ним во вражеском тылу, отмечая такие его качества, как изумительные лингвистические способности, умение молниеносно перевоплощаться, обаяние, находчивость, мужество, тоже ставили на первое место в его характере именно собранность и выдержку.

По-человечески убедительно и остроумно звучит еще одно воспоминание — преподавателя обществоведения Виктора Федоровича Чашихина. Он рассказывал, что за сорок лет педагогической деятельности перед ним прошли сотни молодых людей. Многих он забыл. Хорошо запомнились лишь четверо: один был его собственным племянником, второй — одноклассником, третий — потому, что в детстве объездил с родителями весь мир, вплоть до Гавайских островов. Только Ника Кузнецов — четвертый — запомнился именно как незаурядный ученик.

В то время еще не было радио в каждом доме, не добились в Зауралье выездные гастрольные труппы, с запозданием и далеко не в каждую семью приходили газеты, тем более журналы. Школа и все, с ней связанное, были потому естественным центром жизни учащейся молодежи. И те скромные кружки, которые зародились тогда в ее стенах — литературный, драматический, музыкальный, — стали, по сути, своеобразными окнами из деревенской глуши в большой мир. В них как океан в капле воды отражалась бурная, кипящая накалом огромных дел жизнь страны.

Пареньки и девочки со всем пылом и непосредственностью юности обсуждали здесь большие и малые события, которые волновали республику, спорили азартно и непримиримо о дальнейшем развитии мировой революции, выносили порой излишне безапелляционные, но всегда искренние оценки внешних и внутренних событий.

И приучались любить искусство — страстное, революционное искусство двадцатых годов, не осознавая, конечно, всей его противоречивости, иногда даже антигуманности, когда классовые, понимаемые к тому же очень узко и прямолинейно, интересы ставились превыше и общенародных, и общечеловеческих. Настоящим событием для всей округи стала постановка на школьной сцене отдельных эпизодов из знаменитой пьесы Константина Тренева «Любовь Яровая».

Разумеется, все кружковцы рвались к героическим ролям своих — «красных», особенно матроса Шванди. Семиклассник Ника Кузнецов несколько раз сыграл роль комиссара Кошкина. А потом просто поразил всех тем, что сам вызвался сыграть... врага, умного и неординарного поручика Ярового. И сыграл... Да так, что дожившие до наших дней участники и зрители того непритязательного спектакля, по-видимому в последующие годы и свердловских и московских артистов, и поныне помнят Нику в этой совсем необычной для подростка (к тому же деревенского) трудной роли.

Можно предположить, что удивительная способность будущего разведчика Кузнецова к перевоплощению проявилась именно в скромном школьном драмкружке, которым руководила учительница русского языка Фаина Александровна Яблонская. Надо сказать, что в дореволюционной России культура любительских спектаклей и музицирования (ужасающего термина «художественная самодеятельность» и в помине, конечно, не было) с давних времен находилась на чрезвычайно высоком уровне. На любительских подмостках начинали свою карьеру многие выдающиеся актеры и актрисы. И традиционно видную роль в этом прекрасном любительстве играли учителя и преподаватели, особенно в провинции.

В школьном же кружке, который вел преподаватель пения, музыки и каллиграфии Иван Михайлович Угрюмов, Ника научился играть на гармонике и балалайке. Угрюмов же нашел у мальчика хороший голос — тенор. В школьном хоре Кузнецов пел охотно, даже солировал. Но от предложения петь в церковном (Иван Михайлович был и регентом в местном храме) отказался. Мальчик к этому времени, как и многие сверстники, естественным путем утратил веру в Бога и перестал носить нательный крестик.

В талицкие годы проявились впервые незаурядные способности Кузнецова к языкам. Известно, какую важную роль играет первый преподаватель, хотя бы потому, что именно от него зависит, увлечется ли ученик предметом, или будет относиться к нему всю жизнь, как к зубной боли. Известно также, что долгие годы изучение иностранных языков в советской школе полагалось делом если и не совсем бесполезным, то уж по сравнению с той же арифметикой второстепенным, чуть более важным, чем уроки пения и физкультуры.

В этом отношении Кузнецову повезло — Нина Николаевна Автократова великолепно знала немецкий язык (как, впрочем, и французский) — в свое время она получила образование в Швейцарии. Поскольку отличное владение Кузнецовым немецким языком факт — достаточно хорошо известный, можно полагать, что со своей основной задачей его первая учительница справилась более чем успешно.

Не довольствуясь занятиями в классе, Кузнецов отдавал много часов загадочной для его товарищей дружбе с преподавателем труда. Секрет объяснялся просто: учитель этот — Франц Францевич Явурек — был бывший военнопленный чех, осевший на уральской земле. С ним Ника упражнялся в разговорной речи, набирался, в частности, живых фраз и выражений, в том числе таких из солдатского жаргона, каких в арсенале Нины Николаевны не было и быть не могло. Третьим наставником Кузнецова стал провизор местной аптеки австриец Краузе.

Не один Кузнецов, надо полагать, получал у Автократовой формально хорошие отметки, но только он понял и осознал, что грех упускать такую возможность — говорить по-немецки с людьми, быть может, и не столь образованными, как Нина Николаевна, но для которых все же этот язык родной. А поняв, не забыв на следующий день, не отложил благое намерение на понедельник, а немедленно приступил к намеченному.

Еще выделяло Нику в школе пристрастие к чтению. Это отмечают в воспоминаниях решительно все его одноклассники и учителя. Он был постоянным посетителем скромной школьной библиотеки, которой ведала Елизавета Зиновьевна Снегирева. Он даже заслужил право — единственный из всех! — получать ключ от огромного, три метра в высоту и столько же в ширину, шкафа, где хранился архив школы еще со времен, когда она была министерским училищем, а также сберегалось множество старых книг и журналов.

Елизавета Зиновьевна вспоминала:

«Иногда зайдет, стоит, немного прищулив один глаз. Значит, нужен ключ. Спросишь: «Ключ?» Молча мотнет головой. Как сейчас вижу: откроет архив, поставит лесенку (была такая же массивная, как и шкаф, лесенка, чтобы достать что-либо с верхней полки), найдет в

архиве что его интересовало. Сидит на лесенке, нога на ногу, читает.

Тогда он мне о многом поведал. Говорил, что в чтении книг придерживается строгой системы. Рассказал, что со второго класса ведет запись прочитанных книг. А с пятого и характеристику героев.

Говорил, что намечает план действий, что должен сделать в какой-то отрезок времени. Например, прочитать такие-то книги. Намеченное обязательно выполнит, пускай на это потребуется несколько месяцев или год».

Круг чтения Ники в школе, разумеется, значительно расширился, но заметное предпочтение он по-прежнему отдавал произведениям героико-романтическим. Так, соученик Андрей Яковенко хорошо помнит, что любимой книгой Кузнецова в тот период были «Северные рассказы» Джека Лондона.

На вторую школьную зиму Ника сменил квартиру. Теперь его соседями по дому оказались три студента лесотехнического техникума. Один из них — Александр Колотыгин так описал знакомство: «Я тогда учился на последнем курсе ТЛТУ. Осенью после возвращения с полевых лесоустроительных работ я с моими товарищами Ваней Голиковым и Сашей Дудиным сняли комнату в частной квартире у Екатерины Павловны Масловой. И вот в один из сентябрьских дней у нас появился еще один сосед — знакомый хозяйки из деревни Зырянки. Это был коренастый, сероглазый мальчуган, ученик выпускного класса талицкой школы-семилетки.

Поселился он в одной из комнат хозяйки, спал на сундуке, а в холодные ночи забирался на русскую печь или приходил в нашу комнату.

...Ника был ростом немного выше своих сверстников, как-то по-особому подтянут. Одевался в белую рубашку, черную курточку, брюки навывпуск. На курточке приколот значок ОСОАВИАХИМА, который он носил постоянно.

...Ника был веселым, общительным парнем. Умел в свои четырнадцать лет неплохо играть на гармошке и балалайке. Не стеснялся, не забивался в угол среди более взрослых парней и девчат. Любил петь. У него оказался хороший слух, сильный, приятный голос... Танцевал с девушками вальс, польку, кадрили. Умел плясать русскую и лихо отбивал чечетку.

МУ «Централизованная
библиотечная система»
10 Красноуральск

...Любил играть в шахматы и нередко обыгрывал кого-нибудь из нас. Он самостоятельно решал шахматные задачи, хорошо играл и в шашки.

Ника любил купаться и с наступлением теплых дней постоянно ходил со школьными друзьями на Пышму. Плавал он хорошо и Пышму (около двухсот метров в ширину) переплывал туда и обратно без передышки. Хорошо нырял, для чего выбирал крутые берега. Увлекался рыбалкой. По утрам до школы всегда «крутился» на турнике, который сам и сделал».

В седьмом классе у Ники неожиданно появилось еще одно увлечение. От кого-то из знакомых ребят он услышал, что есть такой человек в городе — Суэтин Сергей Александрович, который для школьников-семиклассников и студентов ГЛТ организует кружок. Совершенно необычный. В нем будут изучать международный язык! На нем можно разговаривать с людьми любой национальности — и все тебя поймут. Это казалось невероятным, и взволнованный Ника побежал к Автократовой, разузнать, так ли это.

Нина Николаевна подтвердила, что такой язык действительно существует. Его изобрел в 1887 году варшавский врач Людвиг Лазарь Заменгоф. В языке этом всего шестнадцать правил, из которых нет никаких исключений. Изучить их можно всего за десять уроков, чтобы запомнить слова (а они основаны на лексике, общей для многих европейских языков), потребуется, конечно, времени побольше.

Свой проект Заменгоф подписал псевдонимом «Доктор Эсперанто». Новоизобретенный международный язык тоже получил наименование «эсперанто». Нина Николаевна к будущему эсперанто относилась с известным скепсисом, но вреда в его изучении не видела, справедливо полагая, что уже сам по себе интерес подростка к делу, а не безделью заслуживает поощрения. Ника, конечно, эту педагогическую тонкость не уловил, немедленно записался в кружок и ринулся в изучение языка, на котором можно изъясняться в любой стране мира...

23 июня 1926 года Никанор Кузнецов получил свидетельство об окончании семилетки. На семейном совете решено было единогласно — нужно учиться дальше, да так, чтобы уже приобрести и хорошую профессию. Но где? Выбор был

невелик, он ограничивался теми средними специальными учебными заведениями, которые имелись поблизости — в уральско-сибирском, разумеется, измерении. Более всего самому Нике хотелось поступить в лесотехнический техникум в той же Талице. Однако из этого ничего не вышло. На первый курс ТЛТ в тот год принимали всего двадцать пять человек, желающих же было свыше двухсот. Предпочтение отдавалось молодым людям, физически крепким, уже поработавшим, то есть с трудовым стажем. Пятнадцатилетнему Кузнецову отказали, сказав, что он может еще и подождать.

Было, конечно, обидно, но ждать Кузнецов не хотел, да и не мог. И он отправился в Тюмень. Здесь его без каких-либо треволений и сложностей приняли на агрономическое отделение сельскохозяйственного техникума.

На сем завершилось отрочество Никанора Кузнецова.

Началась юность.

Глава 2

Тюмень тех лет отличалась от Талицы, по существу, лишь размерами да численностью населения. Общий облик, тип построек, уклад жизни в обоих городах был почти один и тот же. Поэтому сам по себе переезд в Тюмень и годичное пребывание в этом западносибирском городе, тогда еще глухо провинциальном, никакого особого впечатления на Нику Кузнецова не произвели. Вот что он действительно остро ощущал — так это отсутствие старых товарищей. Впервые он испытал, что такое одиночество среди людей, что такое скучать по дому. Тюмень — не Талица, просто так на выходной в родную Зырянку не смотаешь. Накладно для тощего студенческого бюджета. С деньгами было туго, выручали родительские посылки с деревенскими нехитрыми харчами.

Впрочем, общительный по натуре, приветливый паренек очень скоро вошел в круг новых однокашников, обзавелся знакомыми и друзьями, перестал чувствовать себя чужаком, деревенским нескладнем.

Сельскохозяйственный техникум занимал одно из лучших в городе большое, даже величественное двухэтажное здание с метровыми стенами, просторными светлыми классами и рекреациями. До революции в нем размещалось

реальное училище, в числе выпускников которого числился знаменитый инженер и революционер Л.Б. Красин. Преподаватели в техникуме были достаточно квалифицированными, а сами предметы знакомы Нике с сызмальства, так что с учением никаких сложностей ему разрешать не пришлось.

Еще в Талице Ника разузнал, что в Тюмени тоже есть кружок эсперантистов, и загодя обзавелся адресом — Иркутская улица, 17. Руководил кружком юрисконсульт Тюменского речного пароходства (город был заложен на судоходном притоке Тобола Туре) Георгий Николаевич Беседных. Окончание фамилии юрисконсульта безошибочно указывало на коренное сибирское происхождение. В отличие от молодежного талицкого кружка тюменский гордо именовался клубом и состоял в основном из взрослых, в большинстве — сослуживцев Георгия Николаевича. Размещался клуб в замшелом, наполовину вросшем в землю деревянном домике. Зато покосившиеся ворота украшал красный круг с зеленой пятиконечной звездой, в центре которой золотой краской были выведены загадочные для непосвященных прохожих буквы: «SEU». Круг со звездой и аббревиатурой был официальной эмблемой Союза эсперантистов советских республик — *Sovetrepublikata Esperanto Unio*. Внутри домика Ника, к приятному удивлению, обнаружил кроме хорошо известного ему учебника Кара и Панье целую библиотечку книг на эсперанто.

Довольно быстро выявилось, что пятнадцатилетний паренек, куда менее начитанный, нежели его взрослые коллеги по клубу, говорит на эсперанто гораздо лучше их, почти с той же скоростью, что и на родном русском. В результате через какой-то месяц он фактически стал как бы заместителем руководителя клуба по разговорной речи.

Георгий Николаевич не мог нарадоваться на такого старательного, хотя и очень уж юного помощника. Но даже он, знавший Нику лучше, чем другие, был поражен, когда на очередном занятии в клубе Кузнецов прочитал сделанный им перевод на эсперанто любимого с детства стихотворения — «Бородино».

Успехи Ники в изучении искусственного, но прекрасного в звучании (более всего похожего на итальянский) международного языка были официально признаны: его приняли в Союз эсперантистов с вручением членского билета за № 47001.

На праздничной демонстрации 7 ноября 1926 года тюменские эсперантисты пронесли по улице Республики — главной в городе — свой транспарант с надписью: «Vivu la 9 jaro de granda Oktobra Revolucio!»¹

Тогда такое не только не возбранялось, но и было встречено приветственными возгласами тюменцев. Увы, пройдет совсем немного времени, и Союз эсперантистов советских республик будет распущен, а точнее — разогнан. Международные связи энтузиастов интернационального языка трудящихся вызовут мрачные подозрения, многие из них будут объявлены агентами иностранных разведок и репрессированы. Изучение эсперанто прекратится, а само звучное слово почти забудется.

Общение со взрослыми кружковцами на равных или почти на равных не только обогащало, но вообще сыграло очень значительную роль в формировании мировоззрения Ники Кузнецова, становлении характера, просто накоплении жизненного опыта. Как-никак, занятия велись хоть и на эсперанто, но разговоры шли на темы, самые актуальные для того времени: международное положение СССР, дела в народном хозяйстве, решения XIV партсъезда об индустриализации. Обсуждали, конечно, книжные новинки, советские и заграничные фильмы, доходившие до Тюмени.

Порой разгорались горячие споры. И тут Ника самостоятельно нашел, даже вывел очень важное для изучения, тем более свободного владения чужим языком правило: когда говоришь, никогда не переводи мысленно с русского — это раз, не бойся совершать ошибки, говори как складывается, не отвлекаясь на правила, но быстро — два. Именно предварительный перевод, мучительный страх нарушить какую-либо лингвистическую норму сковывает до немоты уста многих, приступивших к изучению иностранного языка. Вот так и получается, что сегодня многие выпускники даже не средней — высшей школы знают английскую грамматику лучше русской, а говорить по-английски стесняются или еле-еле изъясняются, заикаясь от неуверенности.

11 декабря 1926 года Кузнецов был принят кандидатом в члены ВЛКСМ сроком на полтора года.

¹ «Да здравствует 9 годовщина Великой Октябрьской революции!»

Комсомол тех лет был организацией по-настоящему боевой, самостоятельной и авторитетной отнюдь не только в молодежной среде. С комсомолом считались даже самые ответственные партийные, советские и хозяйственные работники.

Ника Кузнецов вступал в комсомол не ради карьеры и не потому, что так поступали многие его сверстники. Кстати, тогда в ВЛКСМ приходили далеко не все достигшие уставного возраста юноши и девушки. А из подавших заявление принимали тоже не каждого.

Ника Кузнецов был комсомольцем убежденным. Свято и бескорыстно верил в коммунистические идеалы, как и миллионы его сверстников. Широко распространено мнение, что мировоззрение человека складывается прежде всего из чтения книг, применительно к мировоззрению марксистскому — изучения так называемых первоисточников, то есть произведений Маркса, Энгельса, Ленина, а с конца двадцатых и Сталина, а позднее и преимущественно Сталина. Это верно лишь отчасти, когда мы имеем дело с действительно глубоким проникновением в философские основы данной идеологии. Большинство партийцев и комсомольцев двадцатых годов не продвигались дальше бухаринской «Азбуки коммунизма», а тридцатых — пресловутого «Краткого курса истории ВКП(б)». Но в реальной жизни наши убеждения на раннем этапе формируются преимущественно под воздействием прямых встреч и контактов с живыми, реальными носителями, приверженцами тех или иных идеалов. Религиозность, как известно, начинается не с чтения Библии или Корана, а с молитвы, которую над колыбелью младенца напевает мать, позже — от восприятия проповеди священнослужителя в стенах храма или воздействия средств массовой информации.

Лучшими, самыми значительными людьми, которых встречал до сей поры пятнадцатилетний Ника Кузнецов, кроме, естественно, родителей, были коммунисты и комсомольцы. Он им и поверил — на всю жизнь.

Понятно, что их взгляды стали его собственными взглядами и убеждениями. Последующие жестокие разочарования при столкновении совсем с иными обладателями партийных и комсомольских билетов никак не могли пошатнуть эту убежденность в исторической правоте коммунистической идеологии.

В этой цельности была сила поколения, в том же скрывалась его будущая трагедия. Миллионы и миллионы комсомольцев двадцатых-тридцатых годов были воспитаны так же, как Ника Кузнецов. Они в массе своей были кристально чистыми и честными людьми, по первому зову партии шли укреплять военно-воздушный и военно-морской флот, строить Комсомольск-на-Амуре и московское метро, возводить ДнепроГЭС и крушить храм Христа Спасителя. Одинаково не задумываясь, они шли под кулацкие обрезы и реквизировали хлеб у тех, кто взрастил его собственным, до седьмого пота трудом. Они, эти восторженные и наивные, бескорыстные и бескомпромиссные юноши и девушки порушили едва не до основания то, что строил народ веками, но они же приняли на себя всю страшную, неподъемную тяжесть Великой Отечественной войны. «Плохая им досталась доля, немногие вернулись с поля...»

Другой поэт, тогда неведомый Кузнецову, его современник и будущий однополчанин, Семен Гудзенко написал иначе: «Нас не надо жалеть, ведь и мы никого не жалели...»

Те, кто вернулся, быть может, вправе упрекнуть себя за безоглядную, порой даже слепую веру. Но мы им, Спасителям Отечества в самую лихую годину — не судьи.

Старая истина гласит: пути Господни неисповедимы. Не случись беды, скорее всего Ника Кузнецов так и проучился бы в тюменском сельскохозяйственном техникуме положенных три года, избежал того жестокого удара, что едва не искалечил всю его жизнь, получил диплом. Затем, кто знает, мог продолжить образование и в знаменитой Тимирязевской академии, и уж, во всяком случае, долгие годы работать в Зауралье или в Сибири колхозным агрономом.

Судьба распорядилась иначе.

Еще в мае Ника получил тревожное письмо от Лиды. Младшая из сестер сообщала, что отец их, Иван Павлович, простудившись на молотье, тяжело занемог, уже и с постели не встает. Ждет только не дождется, когда Ника сдаст экзамены за первый курс и приедет домой. Лида просила брата не задерживаться в Тюмени ни одного лишнего дня. А пятого июня из дома пришли почему-то две одинаковые телеграммы: папа накануне скончался от скоротечной чахотки всего в 56 лет.

Выехать сразу пассажирским поездом не удалось. Пришлось добираться до ближайшего «Четырнадцатого разъезда»

на товарном, понятно, «зайцем», садиться и спрыгивать на ходу. В Зырянку Ника попал лишь на другой день после похорон.

Со смертью отца Ника оказался в семье за старшего мужа, выходит, за хозяина. По крестьянской традиции на его плечи теперь ложились все заботы о хозяйстве, хоть и порушенном изрядно за военные годы, но все ж почтившимся крепким. Имела семья из шести человек двух рабочих лошадей, жеребенка, корову, двух телят и одну овцу. По любым меркам и здравому смыслу хозяйство могло считаться лишь середняцким, продукции дававшим лишь на собственное пропитание и уплату налогов.

Первым намерением Ники было — техникум оставить, заняться крестьянским делом. Но Анна Петровна, а за ней и Лида с Витей запротивились: «Отец, царствие ему небесное, — набожная мать перекрестилась на образа, — наказывал тебе, Никоша, учиться. Так тому и быть. А мы выдюжим, дождем тебя...»

В последних словах матери, всегда такой мягкой и уступчивой, прозвучала дотоле необычная твердость. На том и согласились. Однако Ника решил: коль так уж сложилось, надо перебираться ближе к дому, чтобы иметь возможность хоть в страдную пору помогать семье. Он снова сделал попытку поступить-таки в ТЛТ. В Тюмени к Нике отнесли с пониманием. Выдали, хоть и с явным сожалением, документы.

Конкурс в ТЛТ в 1927 году был столь же велик, что и в предыдущем. Но на сей раз судьба была к Нике более благосклонна, сказала и тюменская подготовка — его зачислили на первый курс. Кузнецов стал полноправным «короедом» — такое прозвище носили учащиеся техникума в городе.

Талицкий лесной (позднее лесотехнический) техникум был превосходным учебным заведением со славными традициями и высоким уровнем преподавания. История его восходит к 1896 году, когда видный сибирский педагог и знаток леса Сергей Григорьевич Вронский основал в Талицком Заводе Лесную школу. Готовили в ней, как тогда говорили, лесных кондукторов, то есть образованных лесников для всей Сибири и Урала. Школа располагала прекрасной производственной базой. Лесная дача занимала около 35 тысяч гектаров, произрастала на них в основном знаменитая сибирская высокоствольная сосна. При техникуме был и

богачейший дендрарий, иначе — лесопитомник, заложенный в 1897 году тем же Вронским. В нем было собрано 57 видов древесных и кустарниковых пород — всех имевшихся в Сибири и экзотических.

Дендрарий, и в том, слава Богу, оказались не в состоянии помешать ни революция, ни гражданская война, поддерживался в должном порядке. Допускались сюда не только учащиеся, но и жители Талицы, которые справедливо считали его главной достопримечательностью города, гордились им и всячески оберегали. Бывал здесь, конечно, и Ника Кузнецов. Еще в школе он научился с первого взгляда различать все деревья, кустарники и травы, как местные, так и доставленные из дальних краев. Знал не только ель, пихту, красавицу лиственницу, но и пришельцев с юга: белую и бородавчатую березу, пробковое дерево, дуб, маньчжурский орех, остролистный клен. Особенно любил бывать в дендрарии весной, когда цвели липа, черемуха и сирень.

В 1929 году ТЛТ получил новый двухэтажный кирпичный корпус с химической лабораторией и лабораторией по выращиванию семян.

Учиться в техникуме было нелегко, но интересно. В программу полного курса входили русский язык, обществоведение, гигиена и физвоспитание, военно-допризывная подготовка, математика, физика с основами метеорологии, химия, ботаника, лесоведение с основами почвоведения, таксация и лесоустройство, лесозащита с основами лесной технологии, строительное и лесоинженерное дело, зоология с основами охотоведения, геодезия и черчение, основы кооперации и некоторые другие дисциплины.

Само собой разумеется, что будущий лесничий должен свободно ориентироваться на местности, превосходно ходить на лыжах, хорошо стрелять. Летом учащиеся под руководством лесовода Петра Ивановича Чудникова ходили на Алешкинский кордон: изучали состояние лесных культур, готовили почву площадками, засеивали семенами хвойных пород, брали почвенные пробы на предмет наличия личинок майского хруща, который повреждал корневую систему молодых сосенок. На других практических занятиях проводили теодолитную и буссольную съемку.

Хоть отбавляй дел было и по общественной линии. Нику избрали в комитет профсоюза техникума, он возглавлял

ячейку Осоавиахима, организовывал соревнования, собирал деньги на постройку самолета «Уральский рабочий». После того как Нику из кандидатов 27 декабря 1927 года, то есть досрочно, приняли в члены ВЛКСМ, его избрали и членом бюро ячейки комсомольской.

А тут еще суточные дежурства на метеостанции, утомительные многочасовые обходы в лесопитомнике, занятия в спортклубе «Орленок», в кружке эсперанто, в художественной самодеятельности, разовые комсомольские поручения, военизированные походы, иногда в противогасах.

И на все нужно время, на все нужна энергия. Очень немногие, лишь самые близкие друзья знали, как ухитряется еще Ника Кузнецов почти каждый выходной день побывать в Зырянке, чтобы помочь родным по хозяйству.

Кузнецов по-прежнему много и целеустремленно читает. Круг его литературных интересов уже вполне определился — он любит произведения, герои которых способны из патриотических побуждений на подвиг, даже самопожертвование. Кузнецов читает все, что может достать, о выдающихся людях отечественной и мировой истории. Его интересуют не только факты биографии героев, но главное — что стояло за их делами и подвигами, что придавало не знающую преград силу их духу.

Занятия эсперанто не остудили более давнего увлечения немецким языком, за круговертью дел и хлопот оно не отошло на второй план. Кузнецов выкраивает время, чтобы регулярно часок-другой поболтать с объездчиком с Качкарихинского кордона Эдуардом Фердинандовичем Гунальдом. Сожалеет лишь, что в Талице невозможно добывать книги на немецком языке, те немногие и случайные, что имелись, он давно прочитал. И не только прочитал: так, разысканную в библиотеке ТЛТ «Энциклопедию лесной науки» Гундесгагена он даже принялся переводить на русский.

В конце концов такая перегрузка сказалась, усугубило ее и то, что после смерти отца Ника бедствовал, не то что справиться новую одежду — порой еды купить было не на что. Редких теперь поступлений продовольствия из дома хватало едва на несколько дней.

При очередном медосмотре врач Мухин нашел у Ники слабость легких, порекомендовал усиленное питание.

Смирив самолюбие, Кузнецов обращается в дирекцию техникума с просьбой изыскать ему стипендию — до сих пор он ее не получал как выходец из «зажиточной семьи». По тогдашней всеобщей бедности стипендию получали совсем уж неимущие учащиеся. Не получив никакого ответа, 18 ноября 1928 года, через месяц, Кузнецов пишет повторное заявление:

«Прошу стипендиальную комиссию дать мне стипендию. Временными трудностями я доведен до такого состояния, что сейчас не имею ни одной копейки для существования, кроме того, я с начала занятий 20 сентября не платил за квартиру. Так в дальнейшем продолжаться не может. Кормился я на остаток от заработка летом (...заработал 55 рублей). От плохого питания и усиленного занятия чувствую ненормальности в легких. При осмотре Мухин советует питаться молоком и вообще улучшить условия питания, я же питаюсь как нельзя плохо, что могут подтвердить мои сожители Белоусов и Захаров. В дальнейшем без стипендии я буду вынужден продать всю одежду, купленную на заработок (костюм юнг-штурма, брюки, шубку)».

Упомянутые Никой в заявлении 55 рублей появились у него благодаря доброму отношению к нему и нескольким товарищам объездчика Гунальда. Объездчик в лесном деле второе лицо после лесничего, под его началом находятся несколько лесников. После практики летом 1928 года Ника с друзьями копал в его кварталах площадки — полтора на полтора метра, и через каждые двадцать сантиметров высаживал сосновые саженцы. Платил Гунальд за эту работу наличными деньгами, и ребята были довольны.

Стипендию в размере 15 рублей Кузнецову наконец-то дали. Еще раньше его освободили и от платы за обучение. Когда техникум построил новое здание общежития, Ника получил в нем место. Жить стало легче.

Между тем назревали большие события. Страна вступала в 1929 год, долгие десятилетия именовавшийся у нас «годом великого перелома». К коллективизации уральской деревни, хорошо лишь в качестве агитаторов, привлекли и комсомольцев Талицкого лесного техникума. Идею коллективизации 15—16-летние подростки, безоглядно верившие партии и в партию, приученные уже не сомневаться в мудрости ее

решений, приняли восторженно. И в голову не могло им прийти, что преступно искаженные до неузнаваемости идеи сельскохозяйственной кооперации приведут к трагедии крестьянства и всего народа. Увы, жестоко заблуждались тогда отнюдь не одни юные помощники партии, но и подавляющее большинство их старших наставников-коммунистов. Они, старшие, ответственны перед историей и за «великий перелом», и за миллионы погибших в результате массовых репрессий и голода крестьян, и за обманутых в лучших чувствах молодых и неопытных энтузиастов. В числе этих миллионов, не ведавших, что творят, был и талицкий комсомолец Ника Кузнецов. Однако, если судить по совести, ничего, о чем можно было бы горько сожалеть и десятилетия спустя, он лично не совершил.

Совершенно справедливо Ника рассудил, что лучшей агитацией за колхоз должен быть личный пример. Это был вопрос принципиальный. По его пылкому и настойчивому настоянию 13 мая 1929 года, то есть за полгода до начала в этой местности массовой коллективизации, семья Кузнецовых вступила в коммуну «Красный пахарь», передала в общее пользование весь сельскохозяйственный инвентарь, скот, надворные постройки. На центральную усадьбу в рощу между Зырянкой и Балаиром был перевезен даже родительский дом.

Еще в первые годы существования коммуны коммунары выложили в центре усадьбы большую земляную звезду в честь зарубленных почти на этом месте земляков. Ежегодно в честь освобождения Урала от Колчака — 15 июля — здесь устраивали митинг, на который сходилась вся округа. Ника бывал на этих «Днях памяти» еще мальчишкой, но летом 1929 года он впервые участвовал в них как полноправный коммунар.

Нет, не вина Ники Кузнецова, что из всех возможных путей кооперации, известных ныне миру и себя безусловно оправдавших и оправдывающих во многих развитых аграрных странах, в нашей державе был избран тот, что привести мог только к краху...

Той же весной 1929 года Ника впервые использовал на практике знания, приобретенные за три года в Тюменском и Талицком техникумах, — помог землякам составить правильный, обоснованный план посевных площадей. Это

была серьезная помощь, так как крестьяне, привыкшие иметь дело с узкими индивидуальными наделами, на первых порах чувствовали себя неуверенно на больших участках с перепаханными межами.

Носить имя сельского комсомольца-активиста в ту пору было небезопасно. Кулацкий террор, никак не оправдывавший, конечно, массовые репрессии против крестьянства в целом, не был выдумкой, хотя масштабы его заведомо и сознательно преувеличивались. Но он действительно имел место и проявлялся порой в самых жестоких формах. Нике приходилось бывать с поручениями райисполкома не только в родной Зырянке, где его все знали сызмальства, но и в других деревнях, в том числе Чулине того же Талицкого района. В этой деревне кулаки застрелили из обрезка комсомольца Гошу Пылкова, зарубили топорами комсомольца Митю Козлова и активиста Петра Козлова, члена сельсовета Анастасию Козлову забили до смерти железным ломом.

Еще в дни сдачи вступительных экзаменов Ника познакомился, а потом и крепко сдружился с Федей Белоусовым и Володей Захаровым. После зачисления они старались и жить вместе, маленькой коммуной. Федор Александрович Белоусов много десятилетий спустя рассказывал автору: «Жили мы очень бедно. Володя и я получали стипендию. Ника долгое время стипендию не получал, считался обеспеченным. Мама Ники наезжала в Талицу, привозила продукты, помню замороженное молоко кружками. Я до поступления в техникум работал, у меня были кое-какие деньжонки и костюм бостоновый. В этом костюме мы по очереди ходили на танцы в Ургинский сад, да изредка на спектакли, которые в городском клубе давали порой приезжавшие из Камышлова артисты тамошние.

Зимой 1928—1929 года мы совсем оголодали. Продукты из лавок стали исчезать, а на субботних базарах цены стали совсем несусветные. У меня от лучших времен имелось бельгийское охотничье ружье. Пришлось продать, а перед тем застрелил из него свою собаку Шельму, помесь пойнтера и гончей. Кормить ее было нечем...

Учились мы в одной группе. Уровень преподавания и требования к нам были очень высокими. Ника, помнится, всех превосходил в очень важном для нашей профессии

предмете — черчении. Надо сказать, почему-то об этом никто не писал, что Ника Кузнецов одинаково свободно владел обеими руками. Я встречал, конечно, левшей, но так, что обеими — знал только Нику. Так вот, самые тонкие обозначения на чертежах и планах лесонасаждений, особенно на левой кромке чертежа, он делал левой рукой. Работы его шли на выставки.

Прекрасно давалась ему и математика. Сильнее Ники в этом предмете был только Володя Захаров, вообще очень одаренный паренек. Позднее он поступил в Уральский лесотехнический институт. Не сомневаюсь, что вышел бы Володя в большие ученые, но на третьем курсе его арестовали — на него из зависти и давней неприязни донес наш же бывший однокурсник. Из лагеря Володя Захаров не вернулся. Сгинул...

Собственных вещей, кроме того, что на нем, у Ники почти что не было. Только гармошка-однорядка, которая, кажется, досталась ему от каких-то родственников. Брились мы все трое одной бритвой — она у меня до сих пор хранится.

Все годы в техникуме Ника участвовал в самодеятельности — в любительских спектаклях, пел тенором под свою же однорядку. Любимая песня была «По муромской дороге стояли три сосны»...

Нас поражала точность Ники — он никогда и никуда не опаздывал, хотя часов, разумеется, не имел. И аккуратность. Не терпел, к примеру, если у кого из нас пуговица болталась на живой нитке, тут же заставлял пришить как надо. И никогда не врал, даже по мелочам.

Из увлечений — любил лыжи, ходил после уроков хоть час, даже в сорокаградусные морозы».

Между тем обстановка в ТЛТ менялась к худшему. В стране в связи с массовой коллективизацией начиналась вакханалия всевозможных проработок и чисток, предшественница «Большого террора». Ее первые всплески докатывались и до далекого уральского городка. Над многими учащимися техникума сгушались тучи.

Летом 1929 года исключили из комсомола Федю Белоусова. Ему вменили в вину защиту на диспуте непролетарского поэта Сергея Есенина и происхождение — отец, дескать, поп. Первое обвинение абсолютно соответствовало истине, Федя действительно превыше всех поэтов русских ставил

именно Есенина и защищал его от яростных нападков фанатичных приверженцев Маяковского, который, правда, к пролетариату тоже никакого отношения не имел. Что же касается происхождения, то Федя сумел доказать, что отец его никакой не поп, а вовсе неграмотный крестьянин из села Баштарского. Это спасло его от исключения из техникума.

Потом взялись за добродушного здоровяка Колю Киселева, который действительно имел неосторожность родиться в семье деревенского священнослужителя. Киселеву, однако, повезло: его оставили в ТЛТ, но лишили стипендии. Наделенный недюжинной физической силой, он стал прирабатывать на жизнь разгрузкой и погрузкой вагонов на метизном заводе и станции Поклевской.

Следом исключили из комсомола (потом, правда, восстановили) однокашника еще по школе Андрея Яковенко. А через несколько недель тяжелый и незаслуженный удар обрушился и на Нику.

Активность Кузнецова, его принципиальность и популярность пришлось не по вкусу некоторым его однокурсникам. Сплелись в тугой узел задетое самолюбие, обыкновенная зависть и — главное — пустившая уже глубокие корни в обывательское сознание «политическая бдительность».

Как-то Нику вызвали в бюро ячейки. Дело обычное. Ничего не подозревая, он вошел в хорошо знакомую комнату, как всегда приветливо поздоровался с секретарем. Не ответив на приветствие, секретарь — они были хорошо знакомы, некоторое время даже жили в одной комнате — непривычно жестко бросил:

— Садись, Кузнецов!

Не по имени... Ника сел.

— Билет с собой? — последовал вопрос.

— Конечно.

— Предъяви.

Все еще ничего не понимая, Ника вынул из нагрудного кармана юнгштурмовки аккуратно заправленный в картонную корочку комсомольский билет. Протянул секретарю. Тот, насупив брови, долго и придирчиво стал изучать каждый листок, словно видел впервые, словно не сам какую-то неделю назад представлял в нем отметку об уплате очередного членского взноса. И вдруг каким-то вороватым движением

смахнул билет в ящик стола и молниеносно запер его на ключ. Ника растерялся.

— Ты что?! — только и спросил изумленно.

— За обман комсомола будешь отвечать перед ячейкой! — отчужденным голосом отчеканил секретарь, глядя сквозь Нику пустыми глазами.

Первые дни Ника полагал, что все происходящее — дурной сон, явное недоразумение, во всяком случае. Но это был не сон и вовсе не недоразумение. Настоящий заговор со всем арсеналом подлых средств — от грубого нарушения устава и подтасовки протоколов (не было созвано общее собрание, на заседание бюро умышленно не пригласили ребят, хорошо знавших Нику и его семью) до прямой клеветы.

Кузнецова обвинили в кулацком происхождении, в дружбе с «сомнительными элементами», в том, что отец его служил офицером в белой армии, убивал коммунистов, что сам Ника бежал от красных к Колчаку...

Абсурдность всех пунктов обвинения была очевидна, но на то и существует демагогия, чтобы белое выдавать за черное, а черное за белое. Увы, комсомольский аппарат, даже в микро-модели первичной ячейки, уже успешно овладевал методами проворачивания так называемых «персональных дел».

Сильный и чистый молодой человек, Ника был готов к любым испытаниям, но только не к испытанию подлостью. Он не понимал, что юные карьеристы не нуждаются в прояснении истины, что они уже предрешили исход дела.

Ника обращается за поддержкой в коммуны. Вскоре в техникум поступил такой документ:

«Выписка из протокола № 4 общего собрания ячейки ВКП(б) коммуны «Красный пахарь» от 18 ноября 1929 года.

Присутствовало 10 человек.

Председатель собрания Бычков, секретарь Желнин.

Слушали: письмо тов. Кузнецова Никанора Ивановича, члена коммуны «Красный пахарь».

Постановили: зачитав письмо тов. Кузнецова, ячейка дает характеристику Кузнецову. За время его пребывания в коммуне никаких противопартийных поступков замечено не было, всю возложенную на него работу выполнял аккуратно и в срок, вел общественную и политпросветработу, в пьянке не замечен, связи с чуждым элементом не было, комсомолец примерный, на что и дается характеристика.

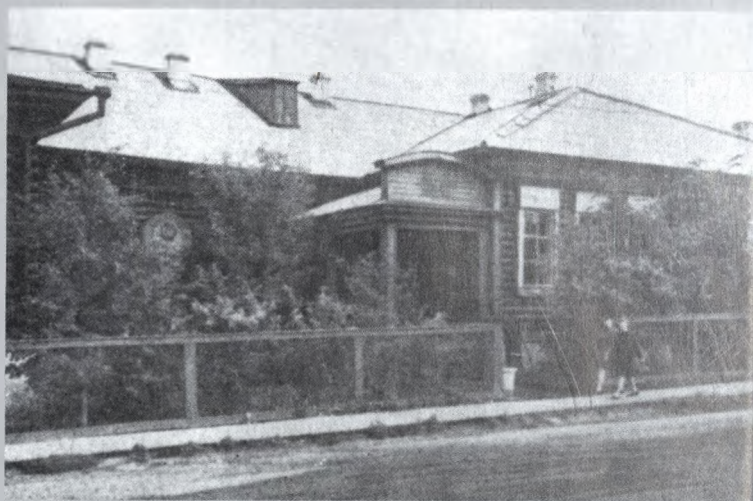
Деревня Зырянка, где 27 июля 1911 г. родился Н. Кузнецов

*Иван Павлович
и Анна Петровна Кузнецовы
с дочерьми Агафьей и Лидией*

Агафья Кузнецова. 1918 г.

В этой школе-семилетке в Taliце учился Н. Кузнецов

*Н. Кузнецов (первый слева) среди выпускников
Tалицкой школы-семилетки. Июнь 1926 г.*

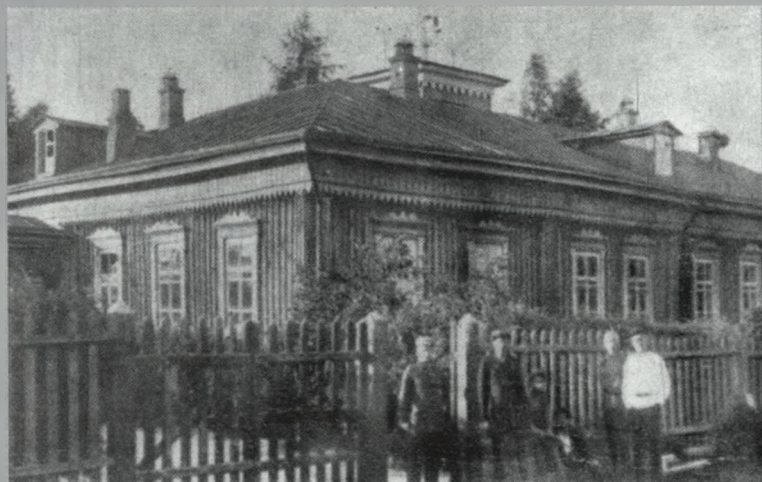

*Николай Кузнецов — студент
Талицкого лесного техникума.
Июль 1928 г.*

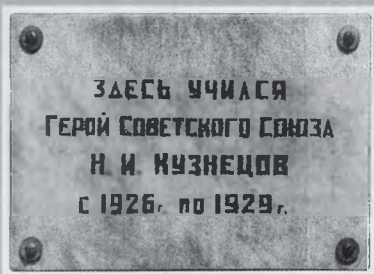

*Н. Кузнецов в комсомольской
форме — юнштурмовке.
Ноябрь 1928 г.*

*Старое здание Талицкого лесного
(позднее лесотехнического) техникума*

*Мемориальная доска на
новом здании Талицкого
лесотехнического техникума*

*Новое здание Талицкого
лесотехнического техникума*

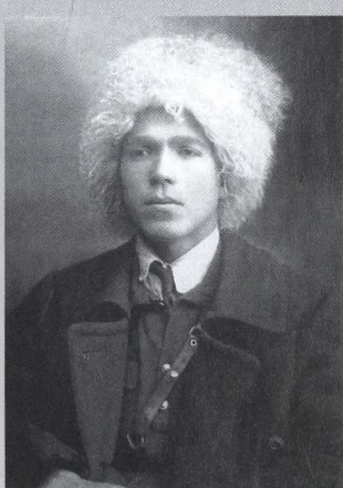
*Н. Кузнецов (показан стрелкой) — студент 3-го курса Талицкого
лесного техникума на практике с однокурсниками на Широковском
кордине Талицкого учебно-опытного лесничества. Лето 1929 г.*

*Николай (сидит) с товарищем по учебе
Федором Белоусовым. Декабрь 1928 г.*

*Н. Кузнецов перед отъездом
в Кудымкар. 1930 г.*

*Таксатор Николай Кузнецов.
На снимке, подаренном родным,
надпись по-немецки: «Июль 1931 г.
В память о работе в Кудымкаре»*

*Участники пленума Коми-Пермяцкого окрустпромсоюза.
Н. Кузнецов в третьем ряду второй справа. 1932 г.*

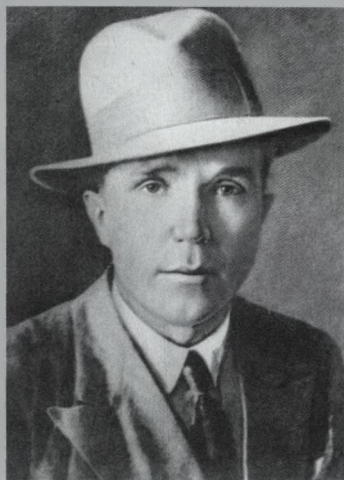
Сотрудники Уралмашзавода у обелиска «Европа–Азия».
Н. Кузнецов в третьем ряду, второй справа. Свердловск, 1930-е гг.

Н.И. Кузнецов (третий слева) с сотрудниками конструкторского отдела Уралмаша. Свердловск, 1930-е гг.

Н.И. Кузнецов (вверху второй справа) на отдыхе за городом среди друзей по работе. Свердловск, 1930-е гг.

*Н.И. Кузнецов во время работы
на Уралмашзаводе. 1935-1936 гг.*

*Н.И. Кузнецов (вверху) на отдыхе за городом
среди друзей по работе. Свердловск, 1930-е гг.*

*Памятная встреча. Николай (справа), Лидия и Виктор Кузнецовы.
Свердловск, февраль 1932 г.*

Н.И. Кузнецов. Москва, 1939 г.

*Н.И. Кузнецов. Ленинград,
январь 1940 г.*

Н.И. Кузнецов. 1940 г.

Паспорт Н.И. Кузнецова на имя
Рудольфа Вильгельмовича Шмидта

ПАСПОРТ
10 января 1945 г.

1. Имя, отчество, фамилия: *Шмидт Рудольф Вильгельмович*

2. Время и место рождения: *1918 г. урлхут Маринского, Тайинного р-на, Голденск*

3. Национальность: *Немец*

4. Фотография:

5. Социальное положение: *Служащий*

6. Отношение к военной службе: *Военнообязанный*

7. Как выдан паспорт: *19 отделен Ф.К. Миллици 2. Москва*

8. На основании вступил в законную силу паспорт: *Паспорт № 117 № 733105 64910/1-55 Кудым - Карелия Р.О. Ф.К.ИИ.*

9. Подпись: *Кузнецов*

10. Дата выдачи: *10 января 1940 г.*

Х-РТ № 652385

А. Подпись владельца паспорта.

«Конспиративная встреча» Р. Шмидта (Н. Кузнецова) с секретарем посольства Словакии Г.-Л. Крно, агентом немецкой разведки. Оперативная съемка скрытой камерой, 1940 г.

Дом № 20 по Старой Басманной улице (тогда имени К. Маркса), в котором жил Н.И. Кузнецов до августа 1942 г.

*Н.И. Кузнецов в форме старшего лейтенанта ВВС.
На обороте фотоснимка надпись: «Лиде и Вите от
брата в память событий, предшествовавших
счастливному дню 12 марта 1940 г.»*

Н. Кузнецов на аэродроме перед
отправкой в тыл противника.
Москва, лето 1942 г.

Письмо Николая Кузнецова другу.
Июль 1941 г.

Москва 8 июля 1941 г.

Михаил Федя!

В этот грозный день нашей бо-
льшой Родины я, я решил, что
маленькому другу моего
высотного полка, моему
А еду после завтра на фронт
направить я на самолете с двумя
участок в парашютно-десантных
полках. Будет высшим офицером
обеспечивать задачи нашего
командования. Мало шансов на
то, что я останусь живым в этой
грозной борьбе с ненавистным
врагом, но если потянусь,
то десант высадится не
для прощания и медали. Но если
иредно умрет, то я до конца
жизни буду помнить
этих дней, последние на
Свободу нашу землю, которую
маленький полк и Красная Ар-
мия города Нева по-прежнему
будет удерживать их как

Николай Кузнецов в форме
офицера люфтваффе. 1942 г.

Молодцы дады бастонадны!
И сам пошлю в ро путь атаки
наши в нашей дружбе будет
всегда с тобой, мой друг, тогда
ограничи фашистский кадан
за мной, сам приведи, не
такой ни позадн. Мой друг
Виктор Францевич уже на
передней линии, он был
в Армии в Барановках, всегда
мне, помог пошлю, буду мстить
и за него. Я палом сознаним
что наше дело правое, и мы
утвердим фашистского
изверга. Тогда ли буду мстить
космогонного Писага с фронта,
но сам будет возможность ро
нашину, сам буду жев
Привет всем друзьям
Твой друг конюга Ника

Москва, 27 июля 1942.

Дорогой братик Витя!

Получил от тебя письмо с твоим открытием о переводе в Ко-
зелки. Я все еще в Москве, но в ближайшее время
отправлюсь на фронт. Иду на самое. Буду,
твоя любимая брат и боевой товарищ,
поэтому я хочу быть с тобой открытием перед
отправкой на выполнение своего задания.
Война за освобождение нашей Родины от фашист-
ской нечисти будет жесток. Наивысшим призывом
я прошу много своей крови, чтоб наша
любимая Отчизна цвела и развивалась, и чтоб
нам тогда жить свободно. Дев победы над врагом
нам народ не знает самого дорогого - своей
жизни. Жестоким мученики и я хочу открытием
сказать тебе, что очень мало шансов зато,
что я вернусь живым. Когда это произой-
дет за то, что придется пойти на самопо-
жертвование. И я совершенно спокойно и
спокойно иду на то, т.к. я глубоко
сознаю, что отдаю жизнь за светлое пра-
во дело за наше будущее и цветущее буду-
щее нашей Родины. Мы умираем за свободу,
мы знаем о ее цене. Как верно будет по-
нимать Россию, счастливые дни будут жить о
нас песни и марши с благодарностью
и благословениями будут рассказывать детям
о том как в 1942 г. мы отдали жизни за
Родину!

Письмо Николая Кузнецова брату Виктору.
Июль 1942 г.

Относительно его отца ячейке ничего не известно, и от этого она воздерживается.

Выписка верна.

Секретарь собрания Желнин.

Отв. секретарь ячейки ВКП(б) Субботко».

Прислала справку Рухловского сельсовета Талицкого района Тюменского округа и мать Никоши:

«Дана настоящая гр-ке Кузнецовой Анне Петровне в том, что ее муж Кузнецов Иван Павлович при жизни своей занимался исключительно сельским хозяйством, торговлей не занимался и наемной силы не эксплуатировал».

Но суровое комсомольское следствие не нуждалось ни в этом документе, ни в каких-либо других. В том числе бесспорном официальном свидетельстве, что отец Кузнецова служил вовсе не в белой, а в Красной Армии.

В декабре 1929 года Ника Кузнецов, как выходец из семьи антисоветского «чуждого нам элемента, от которого мы очищаем комсомол», был исключен из ВЛКСМ. Более того, по настоянию бюро ячейки его поспешно отчислили и из техникума — всего за полгода до окончания. На руки вместо диплома дали филькину грамоту — справку о прослушанных предметах и производственной практике.

...Кузнецов не сдается. Он пишет в окружную контрольную комиссию ВЛКСМ:

«Ошибка, что я якобы скрыл, что сын кулака, участвовавшего в арестах и убийствах коммунистов. На собрании не слушали — бюро и сразу РК. Не дали представить оправдательные документы.

Отец — зажиточный крестьянин, после революции середняк. После свержения царя отец избран председателем Зырянского сельского общества. Служил до 8 июля 1919. До переворота за 3 недели отец взял семью и спрятал в лесу за 40 верст неподалеку от Сибирского тракта. Белые нашли, взяли с телегами 3 лошади и угнали. Вернулся 15 июля 1920 года из Красной Армии, где служил добровольцем (44 года). Ни коровы, ни лошади не было...»

Особенно тяжело переживал Ника, что к нему прилепили ярлык «негодного элемента»: «Марка негодного — как кол в горло, забудешься, начнешь говорить, вспомнишь, и слово с языка не идет».

Он направляет заявление и в ЦК ВЛКСМ. Возмущенно указывает, что это сушее головотяпство ставить ему в вину, что он в восемь лет последовал за отцом...

Нужна была недюжинная сила воли, чтобы выстоять, не впасть в отчаяние, не озлобиться, не растерять веры в людей и людскую справедливость.

Кузнецов выстоял. Доказательство тому — вся его последующая жизнь. Но что ему оставалось делать тогда, в декабре 1929 года, когда, казалось, все рухнуло?

Решение подсказал, как оно часто бывает, случай. В ТЛТ учился Ваня Исыпов, по национальности коми-пермяк. У Вани была своя беда — его необоснованно лишили стипендии, и он, как и Ника, бился за восстановление справедливости. Вместе они ездили в Свердловск, где Ване удалось найти какой-то заработок. Исыпов два лета подряд проходил практику на своей родине, в лесоустроительной партии Коми-Пермяцкого окружного землеуправления. Он-то и рассказал Нике, что в Кудымкаре позарез нужны специалисты по лесному делу, уверял, что его могут взять на работу и без диплома, по справке об окончании двух с половиной курсов ТЛТ.

Так оно и оказалось. Проработав несколько месяцев дома, в коммуне, Ника Кузнецов отправился в столицу Коми-Пермяцкого национального округа город Кудымкар, где 20 апреля 1930 года был зачислен на скромную должность помощника таксатора в местном земельном управлении.

Так закончилась юность Николая Кузнецова. Началась взрослая жизнь.

Глава 3

В тридцатом году семья Кузнецовых навсегда распростилась с родной деревней. Возможно, учитывая последующие события на селе и судьбы крестьянства, оно было и к лучшему. Первой уехала старшая сестра Гася — учительствовать под Тобольск. Затем, как мы знаем, Ника. За ним последовала сестра Лидия, она устроилась секретарем Больше-Ефремовского сельсовета того же Талицкого района. Некоторое время оставались дома Анна Петровна и Виктор, работавший трактористом.

Но тут, в связи с начавшейся сплошной коллективизацией, по команде сверху коммуну «Красный пахарь» расформировали, вместо нее на этих землях образовали зачем-то два колхоза: «Большевик» и имени Энгельса. В этой реформации Виктору что-то здорово не понравилось. А потому он, забрав с собой мать, перебрался в поселок при станции Поклевская, где устроился на лесопильный завод.

Еще через год Лидия и Виктор окончательно утратили связь с селом, поселившись в бурно развивавшемся Свердловске. Сестра, закончив курсы, стала работать делопроизводителем-машинисткой на мебельном комбинате, брат — трактористом на строительстве Уралмаша.

Сохранилось одно из писем Ники Анне Петровне и Виктору, отправленных вскорости после обоснования в Кудымкаре:

«Здравствуйте, мои родные мама и Витя!

У меня дела идут хорошо. Работаю помощником таксатора в окружном земельном управлении. Работа нравится. Люди хорошие, по национальности коми-пермяки. Начал изучать язык коми. Очень своеобразный. Не похож ни на какие европейские языки. Уже немного разговариваю. Снял комнату, купил небольшой книжный шкаф, но он еще почти пустой. Понемногу начинаю заполнять. Купил несколько книг Горького, томик Маяковского, один том произведений Гете на немецком.

Витя, приезжай ко мне погостить. Посмотришь городок, повидаемся, поговорим о будущем; увидишь, как я работаю. Ехать нужно до Перми поездом, дальше пароходом по Каме до пристани Усть-Пожва. От нее, братец, пешочком или подводой, если посчастливится, до Кудымкара.

Мама, отпусти Витю ко мне. Дорожные расходы поделим по-братски. Труднее, пожалуй, ему будет отпроситься с работы, но думаю, что отпуск на семь-десять дней ему дадут.

Чуть не каждый день захожу в райком комсомола, а для меня пока ничего нет.

До свидания, дорогие. Ваш сын и брат Ника».

Такое вот, еще по-деревенски обстоятельное и уважительное письмо. Небольшое по объему, но сообщающее много о характере и интересах отправителя. Заметьте, что первое, о чем пишет Ника, — не о здоровье, не о жилищных

условиях, даже не о жалованье — но о работе. И брату, приглашая погостить, пишет не «посмотришь, как я живу» или «как устроился», что было бы совершенно естественно, но — «увидишь, как я работаю».

Второе — огромное уважение и подлинная симпатия к малочисленному народу коми-пермякам, коих и сегодня насчитывается всего-то около ста пятидесяти тысяч человек. Ничего похожего на великорусское высокомерие. Наоборот, с первых же дней активное изучение своеобразного и, добавим от себя, очень трудного языка. Скольких межнациональных конфликтов могли бы избежать наши соотечественники, живущие среди других народов, если бы не считали, что поступаются принципами, запоминая хоть десяток-другой слов на местном языке!

Далее — на первые заработанные на новом месте деньги, надо полагать, не Бог весть как большие, Ника покупает не одежду или обувь, а книжный шкаф и книги. В том числе томик Гете на языке оригинала.

И, наконец, последнее. Важное и очень серьезное. Ника сообщает родным, что до сих пор нет ответа, положительного, на его письма во все более и более высокие комсомольские инстанции. Еще 30 марта он написал в окружной комитет комсомола: «Прошу сообщить результат моего дела о восстановлении в ряды ВЛКСМ. Запросите характеристику в РК Талицы и партячейку нашей коммуны. Пожалуйста, поторопитесь с решением, а то трудно ждать».

Глухо...

Почти что в отчаянии уже перед самым отъездом в Кудымкар Кузнецов пишет в Москву, секретарю Центрального Комитета ВЛКСМ:

«Сейчас, смотри мою психологию, считаю, что ленинец, энергии и веры в победу хватит, а меня считают социально чуждым за то, что отец был зажиточный... Головоотяпство и больше ничего. Я с 13 мая 1929 года, когда у нас о коллективизации еще и не говорили, вступил в коммуну в соседнем сельском Совете, за две версты от нашей деревни. А сейчас район сплошной коллективизации. Работаю и сейчас в коммуне... руковожу комсомольской политшколой (!) и беспартийный, обидно. В окр. КК дело обо мне не разрешено, не знаю, долго ли еще так будут тянуть. У нас сейчас жарко, работы хватит, кулака ликвидировали, коллективизация на 88 процентов

всего населения. Посевкампания в разгаре, ремонтируем, сортируем... Знай, что я КСМ в душе, не сдам позиции».

В Зырянке Ника ответа на этот крик своей души не получил. Напрасно ходил он в райком и весь первый год жизни в Кудымкаре.

...А Виктор таки навестил брата в его кудымкарской квартире в доме 33 по Пермьской улице, живописно сбегающей к речке Иньве. Пробыл неделю.

Есть некоторые основания полагать, что за все годы жизни в Кудымкаре Николай Кузнецов лишь единожды — в феврале 1932 года — приезжал в отпуск в Свердловск. Сохранилась фотография Николая с Виктором и Лидией, сделанная в тот приезд.

Кузнецов был и прав и не прав, когда писал брату, что коми-пермяцкий не похож ни на один европейский язык. В самом деле — уральский юноша мог иметь представление о звучании славянских, немецкого, английского, французского, итальянского языков. Между тем коми-пермяцкий принадлежит к угро-финской группе. В Европе на языках этой группы говорят сравнительно немногочисленные народы: финны, эстонцы, карелы, венгры... Вряд ли Николай мог встречать представителей этих народов у себя в Талице, слышать их речь или видеть письменность.

Предки нынешних коми-пермяков появились на Урале еще в IX веке. В конце XV столетия они вошли в состав Русского государства, были обращены в православие. Занимались в основном земледелием, но развиты были и такие промыслы как ткачество, обработка дерева, рыболовство, пчеловодство, кузнечное дело.

В 1925 году местное коренное население впервые в своей истории получило государственность: в составе Уральской области был образован Коми-Пермяцкий национальный округ (ныне в составе Пермской области) с центром в Кудымкаре. Это был первый национальный округ в СССР вообще.

Нынешний Кудымкар впервые упоминается в официальных документах XVI века. В петровские времена весь этот огромный край стал фактически вотчиной знаменитой семьи уральских предпринимателей графов Строгановых. Несколько столетий Кудымкар считался селом, лишь 20 июня 1933 года он получил статус поселка городского типа, а еще через пять лет и города.

До революции никакой серьезной промышленности в Кудымкаре не существовало. Учебных заведений имелось всего два: городское четырехклассное и женское училища. В 1929 году здесь был открыт лесотехнический, а в 1930-м и сельскохозяйственный техникум. Кудымкар становился настоящим центром лесного и сельского хозяйства, культурной жизни края.

В этом полугороде-полуселе предстояло Кузнецову провести очень важные четыре года своей жизни. Здесь он обрел многое, в том числе — то имя, с которым вошел в историю: Николай.

Как известно, приказом по ОкрЗУ Кузнецов был зачислен на должность 20 апреля, а через две недели он уже выехал в лес и приступил к устройству участков Кудымкарской лесной дачи. В конце июня лесоустроительная партия была разбита на две части. Кузнецова назначили старшим одной из них, под его началом оказались съемщик и практикант, учащийся местного лесотехникума. Следующие два месяца он работал совершенно самостоятельно и ответственно на Мечкорском участке. Порученная ему территория за этот срок была точнехонько поделена на ровные квадраты, изрезана визирными ходами. Затем настал черед собственно таксации. Кузнецов составляет, как положено, описание кварталов, определяет состав лесонасаждений и их запас.

Потом группа перешла на Лекубский участок, и тут, надо же случиться, заболел серьезно съемщик. Кузнецову пришлось одному устроить около двух тысяч гектаров. Завершал эту работу уже по снегу.

В следующем, 1931 году партия Кузнецова за сезон устроила около 14 тысяч гектаров лесных угодий.

В ноябре 1931 года на несколько дней Кузнецов выезжал в первую в своей жизни командировку, в областное управление лесов местного значения. По возвращении в Кудымкар Кузнецову пришлось, как говорится, хватить лиха. И дело не только в том, что из-за нехватки рабочих рук ему самому каждодневно приходилось браться за топор и мерную ленту. Но ноябрь в этих краях — уже лютая зима. Работали в морозы, отогревались у костра, тут же отрабатывали и записи.

Примечательно, что, вернувшись в город, Кузнецов счел первоочередным долгом представить к премиям двух своих

рабочих. Содержание и форма сохранившегося документа донесли до нас дух того времени:

«Считаю необходимым премирование практиканта-съемщика выдвигенца Мелентьева А. П. за ударную работу в полевой период с.г. Работа производилась в исключительно тяжелых условиях (снятие со снабжения, задержка прод. нормы, кризис в рабочей силе, без полной спец. одежды и т.д.), т. Мелентьев показал себя способным к работе в ударном порядке, несмотря на эти трудности. Предлагаю Мелентьеву дать костюм за 50 рублей. Старшему рабочему Чугаеву И.В. за эту же работу предлагаю выдать брюки за 30 рублей.

Таксатор 2-й партии Н. Кузнецов»

Докладная записка была одобрена, и оба рабочих заслуженные премии получили.

П.Ф. Мелентьев, односельчанин упомянутого выше А.П. Мелентьева, через много лет вспоминал:

«В моей памяти навсегда остался случай, когда я нечаянно рубанул топором по ноге. Кузнецов весь день был с нами. Он оказал мне первую помощь, разорвал свою рубашку на ленты, перевязал мне рану, вынес меня на себе из лесной чащи на поляну, где находилась наша стоянка, привел лошадь. На ней довез до Кондовки, откуда на другой лошади отправил меня с запиской в Кувинскую больницу, а сам вернулся в лес, помочь Максиму прорубить все остальные визирь. Когда я болел, Кузнецов несколько раз навещал меня... Тогда мне шел всего лишь четырнадцатый год».

Наконец-то завершилась двухлетняя борьба Николая за восстановление в ВЛКСМ. Только 19 ноября 1931 года президиум Уральской областной конфликтной комиссии ВЛКСМ (протокол № 35) рассмотрел заявление Кузнецова Н.И.: «...в комсомоле с 1926 г., сын зажиточного крестьянина, сам служащий. Работает в Коми-Пермяцком округе лесозаготовителем. Исключен Талицким райкомом за скрытие социального происхождения, как сын кулака, участника белой банды. Кузнецовым Н.И. представлены документы, опровергающие это обвинение».

Далее формулировалось: учитывая, что предъявленное Кузнецову Н.И. обвинение не доказано — отец был в

Красной Армии, — решение об исключении отменено. В комсомоле Кузнецов Н.И. восстановлен.

В характере Кузнецова странным образом сочеталась расположенность к людям, способность легко, но без навязчивости завязывать знакомства, с определенной внутренней скрытностью, даже замкнутостью. Во всяком случае, есть основания полагать, что он ничего не рассказывал и не писал родным об одном очень важном событии в своей личной жизни...

Вскоре по приезду в Кудымкар Кузнецов познакомился с сестрой хирургического отделения окружной больницы Леной Чугаевой. Девушка закончила Пермский медицинский техникум в январе 1930 года и приехала по распределению в Кудымкар на несколько недель раньше Кузнецова.

В небольшом городке они оказались в тесном кругу молодых специалистов, более того, однокурсница Лены была женой сослуживца Николая.

Лена Чугаева была секретарем комсомольской ячейки больницы и приняла живое участие в хлопотах Ники по восстановлению в ВЛКСМ. Товарищеские отношения сами собой переросли в иные, более близкие.

2 декабря 1930 года в местном загсе был зарегистрирован брак Чугаевой Елены Петровны с Кузнецовым Николаем Ивановичем.

Да-да, не Никанором, а именно Николаем. Эта запись — первое официальное упоминание Кузнецова как Николая. К сожалению, записи о перемене имени в архивах Кудымкарского загса не обнаружено. Не исключено, что таковой никогда и не совершалось. В беспаспортные времена такого рода самодеятельные поправки в документах были делом несложным и достаточно распространенным.

Молодые поселились на частной квартире у Татьяны Николаевны Суворовой на улице Ленина, 22. Но прожили вместе всего несколько месяцев. В феврале 1931 года внезапно и необъяснимо для многих знакомых семья распалась, и 4 марта брак был расторгнут. Как водится, точным объяснением случившегося мы не располагаем. Мнения общих друзей разделились. Одни считали виновником разрыва Николая, другие — Лену. Их пытались примирить — безуспешно. Вскоре Лена уехала из Кудымкара...

Кудымкарский краевед Г.К. Конин спустя несколько десятилетий разыскал Е.П. Чугаеву (ныне покойную) и встретился с ней. Выяснилось, что впоследствии она закончила медицинский институт в Перми, долгое время служила военным врачом на Дальнем Востоке. Последние годы жизни провела в Алма-Ате. И никогда никому не рассказывала, что в далекой молодости была женой легендарного разведчика. Заслуживает внимания, что Николай Кузнецов тоже никогда и никому не рассказывал, что был женат.

Это обоюдное молчание может означать многое. А может — и не объяснять вовсе ничего. Что скрывается за ним, мы, скорее всего, так никогда и не узнаем. Да и не нужно узнавать. Пусть эта тайна и останется тайной двух уже давно ушедших из жизни людей...

Жизнь в Кудымкаре Николаю нравилась. Отношение окружающих — куда уж лучше. Грамотных работников в отдаленных, глухих местностях, каким считался Коми-Пермяцкий округ, тогда не хватало, и каждого дельного человека старались использовать со стопроцентной отдачей его способностей и энергии, не говоря уже о знаниях.

Кроме основной работы Николай непрестанно выполняет задания исполкома в проведении различных сельскохозяйственных кампаний. Изъездил, исколесил, пешком обошел за первые же два года не только прилегающие к Кудымкару места, но и территорию всего округа, до самых дремучих его углов. В частых разъездах Кузнецову пришлось встречаться со многими людьми, оказавшимися на коми-пермяцкой земле не по своей воле. Сюда в начале тридцатых годов были высланы тысячи крестьянских семей из разных областей Украины и Белоруссии. Селили их в самых дремучих местах Гайнского, Косинского и Кочевского районов. Приезжие обживались в безлюдных местах, рыли землянки, возводили бараки, заготавливали лес. Условия их существования были крайне тяжелыми, порой невыносимыми. От эпидемий вымирали подчас целые поселения.

В округе и в самом Кудымкаре жили также специалисты из старой интеллигенции, сосланные из Москвы, Ленинграда, Минска, других крупных городов. С некоторыми ссыльными Кузнецов поддерживал знакомство. Один из

них, к примеру, был его прямым начальником по службе. С другим — образованнейшим преподавателем лесного техникума А.А. Кружецким, он дружил на почве общего интереса к немецкому языку.

Отношение к ссыльным у местных жителей было своеобразным. За настоящих «врагов народа» их никто не принимал, приглашать в дом, тем паче нанимать на работу не опасался. Придерживались известной поговорки: «Лес рубят, щепки летят». Жалели про себя как людей, которым просто не повезло, но никому и в голову не приходило, тем более высказать вслух, что это несправедливо, жестоко, бесчеловечно.

Молчали вовсе не только из-за страха перед ОГПУ. Дело обстояло сложнее. Пережитые две истребительные войны, империалистическая и особенно гражданская, девальвировали и деформировали едва ли не все моральные и духовные ценности народа. Трагедию ссыльных (через несколько лет в крае появятся настоящие лагеря) воспринимали уже как нечто обыденное, а потому и не возмущались и не протестовали. К тому же страна уже настолько была вымуштрована в слепой вере в непогрешимость партии и гения Сталина, что никому голову не приходило усомниться в правильности того или иного решения, постановления, закона высшей власти.

То, что из-за очевидной несправедливости или дурости не укладывалось в эти представления, рассматривалось как перегибы местного начальства. И уповали с надеждой — «товарищ Сталин не знает», «Москва поправит». И снова фатальное — «лес рубят, щепки летят». И это еще до появления знаменитой теории, что по мере продвижения к социализму борьба классов не затихает, но обостряется.

Мог ли деревенский паренек, воспитанный уже советской властью и комсомолом, стать выше заблуждений и предрассудков своего времени и среды?

Увы... Люди, всегда и все знавшие о преступлениях сталинского режима и избежавшие репрессий, объявляться стали во все возраставшем числе лишь после XX съезда КПСС.

По воспоминаниям, Николай Кузнецов в те годы был строен, сухощав, носил ладно сидевшую на нем юнгштур-

мовку, или полувоенное пальто, перехваченное португеей, форменную «лесную» фуражку летом, а зимой — единственную на весь Кудымкар кудлатую белую папаху. Приметен был жизнерадостностью и удивительно ровным характером. Не курил и с абсолютнейшим равнодушием относился к алкоголю.

В отличие от многих сверстников, он умел рассчитывать свое время. Во всяком случае, товарищи его, постоянно встречавшие Нику на работе, на занятиях в кружке поллитграмоты, в самодеятельности, на собраниях, лыжных и стрелковых соревнованиях, даже и не подозревали, что он еще ухитряется выкраивать время, чтобы готовиться к поступлению в институт и продолжать изучение языков. Кроме немецкого, Кузнецов серьезно взялся за очень трудный коми-пермяцкий, так как справедливо полагал, что нельзя успешно работать с местными жителями, если не владеть их родной речью, не знать историю, культуру, традиции.

Учебников коми-пермяцкого языка еще не существовало, письменность на русской графической основе только прививалась. Поэтому изучать язык можно было единственным способом прямых контактов с его носителями. Даже словарь Николай составлял для себя сам, самостоятельно же формулировал и грамматику.

Видимо, это у него получалось хорошо. Во всяком случае, познакомившийся с ним коми-пермяк Андрей Кылосов, ставший впоследствии в Свердловске известным скрипичным мастером, вспоминал, что Николай настолько хорошо владел языком, что он, Кылосов, даже принимал поначалу Кузнецова тоже за коми-пермяка.

В изучении языка и истории края Николаю очень серьезно помог местный поэт Степан Караваев. Ученик оказался настолько способным, что пробовал даже складывать стихи на родном языке учителя. Позднее Караваев отразил этот факт в поэме, посвященной памяти Николая Кузнецова:

Как нашей Пармы житель коренной,
С открытым сердцем, с дружелюбием братским
Ты спорил о поэзии со мной
На нашем языке коми-пермячком.

Однажды с Кузнецовым едва не случилась беда. Ночью в глухом месте на него совершила нападение группа бандитов из местных кулаков. Жизнь Николаю спас старый револьвер «смит-вессон», выданный ему накануне, — в те годы многие советские работники, лесоустроители в том числе, имели право ношения личного оружия.

В связи с нападением Николаю пришлось давать показания уполномоченному Кочевского райотдела ОГПУ И.Ф. Овчинникову, коми-пермяку по национальности. Иван Федорович с изумлением обнаружил, что молодой русский лесоустроитель, так смело и успешно отбившийся от бандитов, свободно говорит по коми-пермяцки. Позднее он вспоминал: «У меня о Кузнецове с первого взгляда создалось очень хорошее впечатление, а после беседы с ним я понял, что он человек эрудированный, разбирающийся в разных вопросах. От многих вновь прибывших к нам на работу мне приходилось слышать отрицательные отзывы о нашем округе и населяющем его коми-пермяцком народе. Они считали округ отсталым, а его население — примитивными и недалекими людьми. Но мнение Кузнецова по этому вопросу показало, что он — человек добрый, умный и политически грамотный».

Этот эпизод оказался не единственным — в Кузнецова во время его поездок по округе еще дважды стреляли. Тогда же ему довелось проявить свое мужество не только под пулями: как-то вынес из пылающего барака женщину, на которой уже горело платье...

Есть основания предполагать, что именно тогда незаурядные способности и личные качества Николая Кузнецова привлекли к нему внимание органов государственной безопасности.

Жил Кузнецов в Кудымкаре более чем скромно. Собственного жилья у него не имелось, и за четыре года он четырежды менял квартиру. Снимать частным образом комнату стоило изрядно, даже при тогдашней дешевизне, то, что оставалось от зарплаты, уходило на питание. Продовольствие дорожало, после коллективизации в Кудымкаре, как и во всей стране, стало ощутимо голодно.

Чтобы прокормиться, Николай вынужден всерьез, а не только для развлечения и отдыха, заниматься охотой, отстреливать не только зайцев, но и голубей, собирать грибы, ягоды, орехи, съедобные травы.

Характерное для тех лет происшествие: отлучилась на несколько дней семья друзей. В их отсутствие квартиру обокрали. Из вещей почти ничего не взяли, но унесли... мешок с мукой, запас на несколько месяцев. Семья с малым ребенком оказалась в отчаянном положении. Николай пошел по кругу общих знакомых, из скудных пайков люди собрали пострадавшим муки, сколько могли, чтобы дотянули те до следующей выдачи.

Несмотря на все трудности тогдашнего убогого быта, Николай жил в Кудымкаре жизнью достаточно насыщенной, интересной. Кроме уже названных друзей, у него появился очень примечательный новый знакомый — преподаватель педагогического техникума Николай Михайлович Вилесов, хорошо владевший восемью языками! Вилесов учил Николая говорить на коми-пермяцком, помогал совершенствоваться и в немецком. Он же давал Николаю книги из своей хорошо подобранной домашней библиотеки.

Краеведы установили любимые места Кузнецова в Кудымкаре: Красная горка, парк культуры и отдыха, окружной краеведческий музей. Сотрудникам музея он помогал собирать коллекцию. В частности, подарил гербарий, собранный еще в годы учения в Талицком техникуме. Когда был создан Коми-пермяцкий драматический театр, Николай стал ходить на его спектакли, не пропускал и новые фильмы в кинотеатре «Пролетарий».

Все шло хорошо, но вдруг...

4 июня 1932 года в доме А.В. Игнатьева по улице Ленина, 8, где Кузнецов снимал комнату, был произведен обыск, а сам он арестован. Некоторое время его содержали под стражей, а затем освободили под подписку о невыезде до суда. Что же произошло?

Непосредственный начальник Кузнецова и еще несколько сослуживцев составляли подложные ведомости, присваивали незаработанные деньги и продукты. Николай, заметив неладное, решил объяснить с начальником. Тот на него сначала наорал, потом попытался подкупить.

Возмущенный Кузнецов, поняв, что явно совершается уголовное преступление, обратился в милицию. Местные следственные органы, не сразу разобрав, что к чему, пона-

чалу арестовали всех работников лесоустроительной партии, в том числе и Николая.

Суд состоялся 17 ноября 1932 года. Руководитель лесоустроительной партии был осужден к 8 годам, еще трое подсудимых — к 4 годам лишения свободы. Поскольку с тех пор прошло много десятилетий и эти люди давно умерли, вряд ли уместно сегодня называть их фамилии. Нам важно знать одно: Николай Кузнецов ни к каким хищениям причастен не был. Но все же суд признал его виновным в халатности, за что наказал, но не лишением свободы, а исправительными работами по месту службы.

Уже после войны Верховный суд РСФСР, пересмотрев дело, этот приговор отменил.

В 1933 году Кузнецова постигло тяжелое горе — 21 марта после недолгой болезни умерла мать — Анна Петровна. Николай даже не смог поспеть на похороны.

В конце 1933 года лесоустроительная партия была ликвидирована, и в последующие месяцы Николаю пришлось сменить несколько мест работы. Истек год, который по приговору суда Кузнецов обязан был отработать в Кудымкаре, и для себя он твердо решил, что дальше здесь не останется.

Куда податься? Разумеется, в Свердловск, где уже обосновались Лидия и Виктор...

Глава 4

Итак, простившись с друзьями, Николай перебирается в столицу Урала. 15 мая 1935 года Николай Кузнецов поступает работать на знаменитый «Завод заводов» — Уралмаш, сердце индустриального Свердловска — до 28 января 1936 года он здесь расцеховщик бюро технического контроля конструкторского отдела.

В служебные обязанности Николая в БТК входит обеспечение чертежами всех цехов и отделов завода-гиганта. Дело вроде бы нехитрое для грамотного парня, но требующее внимательности и аккуратности.

Уралмаш стал для Кузнецова не только важной производственной, но и жизненной школой. До сих пор он жил

в маленьких городках, работал в учреждениях, где сотрудников — раз, два и обчелся.

Теперь он жил в крупнейшем тогда городе Урала и Сибири, работал на заводе с многотысячным трудовым коллективом. Совсем иная обстановка, среда, атмосфера. Следовательно, нужны иные формы общения с людьми, иной стиль поведения. И все это «иное» жадно впитывает в себя вчерашний кудымкарский служащий.

На Уралмаше Кузнецов получил практически неограниченную возможность совершенствоваться в немецком языке.

В те годы здесь, как и на других предприятиях, еще работало много иностранных инженеров и мастеров, особенно из Германии, так как своих, отечественных, специалистов у нас не хватало.

Это были разные люди. Некоторые из них приехали в СССР только для того, чтобы заработать побольше денег (платили им в твердой валюте, прикрепляли к особым продовольственным распределителям и столовым, селили в относительно благоустроенных по тем временам и представлениям домах). Другие искренне стремились помочь тому государству, что они полагали «республикой труда», своими знаниями в строительстве и освоении индустриальных гигантов. Наконец, были и такие, как шеф-монтер фирмы «Борзиг», демонстративно носивший на пальце массивный серебряный перстень с черненой свастикой на печатке.

Обаятельный и общительный, умевший легко сходитьсь с разными по социальному и должностному положению, уровню образования, возрасту людьми, Кузнецов вскоре завел знакомство с несколькими такими специалистами. Он встречался с ними и на работе, и в свободной обстановке во внеслужебное время. Беседовал по-немецки на разные темы, одалживал книги и грампластинки.

Инженеры, с которыми он общался, были родом из разных земель Германии, благодаря этому Николай стал теперь практиковаться не в немецком языке «вообще», так называемом «хохдойч», но изучать многие его диалекты и наречия. Это чрезвычайно помогало ему впоследствии, когда, вращаясь повседневно в среде немецких офицеров и чиновников оккупационных властей, он, в зависимости от обстоятельств, выдавал себя за уроженца той или иной местности Германии.

Недаром гаулейтер Восточной Пруссии¹ Эрих Кох после получасовой беседы с Николаем Ивановичем не только ничего не заподозрил, но без тени сомнения признал в оберлейтенанте Зиберте своего земляка.

Бывший инженер Уралмаша Н.И. Баранов вспоминал:

«Летом 1935 года Николай Иванович некоторое время жил у меня на квартире по улице Стахановцев, 10. Я удивлялся той настойчивости, с которой он отработывал разговорную речь на немецком языке. Встану утром рано, часов в пять, а его уже нет. Значит, сидит у дома в скверике и штудирует словарь... Когда я задал вопрос, зачем он столь глубоко изучает иностранный язык, для чего это ему нужно, он ответил: «Для современного культурного человека недостаточно знать только свою родную речь, только нравы и обычаи своего народа. Знать два языка — прожить две жизни».

С немецкими инженерами Кузнецов не только разговаривал о всякой всячине, но стремился перенять у них и знания, и манеру поведения, выпытывал обычаи и традиции.

Первое время Кузнецов жил у сестры Лидии по улице Тургенева (дом 6, квартира 8). Потом, когда она вышла замуж, у брата Виктора (улица Индустрии, дом 17, квартира 23).

Уже став работником Уралмаша, он жил, а точнее ночевал, как уже было сказано ранее, у нового сослуживца инженера Баранова.

Наконец произошло маленькое чудо: Николай получил свою комнату в доме 26 по улице Уральских рабочих. Через год он переехал в дом 54 по улице Ленина. С первых же зарплат он купил, как тогда выражались, «приобрел» патефон с кучей пластинок. Были среди них и немецкие. С их помощью разучивал немецкие песни, и народные, и шлягеры.

Если не считать патефона, имевшегося тогда далеко не в каждой семье, обстановка в комнате была самая спартан-

¹ Должностное лицо в нацистской партии Германии, осуществлявшее всю полноту власти на вверенной ему административно-территориальной единице — гау. Назначался непосредственно фюрером. Вся территория страны была поделена на 42 гау. К отдельному гау приравнивалась организация «Заграничные немцы». Выше гаулейтеров в партийной иерархии были только рейхслейтеры. Как правило, гаулейтеры были обладателями и высших эсэсовских званий — от бригадефюрера до обергруппенфюрера. (Здесь и далее — прим. автора.)

ская: железная кровать, письменный стол, два стула, книжная полка и зеркало. На стене большая карта СССР. Все.

Скромность обстановки Кузнецов в известной мере компенсировал хорошей одеждой. Остались в талищкой и кудымкарской молодости юнштурмовка, высокие сапоги и кудлатая папаха. Не из пижонства, но сознательного желания выглядеть европейцем Кузнецов решительно меняет манеру одеваться. Разумеется, скромная зарплата и скудный ассортимент тогдашних магазинов не позволяли ему иметь богатый гардероб, но ту одежду, что Николай мог купить, он научился носить непринужденно и элегантно. Отутюженный костюм, мягкая шляпа, надетая как положено — бабочка на ленте слева, правильно подобранные по цвету рубашки и галстуки.

Иногда Кузнецов появлялся на людях в костюме, с точки зрения окружающих, экстравагантном: серое полупальто с широким поясом, американские ботинки на непривычно толстой подошве, брюки-гольф, высокие носки с рельефным рисунком или кожаные краги, серое кашне в крупную клетку...

От прежнего внешнего облика неизменными остались лишь подтянутость и аккуратность.

На улице, среди очень просто, скорее даже бедно одевавшегося тогда свердловского люда, Кузнецова вполне могли принять за иностранца, тем более что он весьма умело воспринимал у западных специалистов и манеру поведения.

Кузнецов той поры — завзятый театрал, не пропускающий ни одной премьеры, ни одного концерта именитых гастролеров, организатор веселых пикников за городом и шумных товарищеских вечеринок. Он по-прежнему увлекается лыжами и стрельбой, по-прежнему превосходно читает «Сказки об Италии» Горького, отрывки из «Анны Карениной».

Неожиданно появилось еще одно увлечение — туризм и даже альпинизм. Николай записался в заводскую секцию, вместе с другими энтузиастами выезжал на тренировки на Чертово Городище возле железнодорожной станции Исеть, на скалы Семь Братьев под Верх-Нейвинском. У одного сослуживца и товарища по секции Валерия Шеломова имелся фотоаппарат «Фотокор» (снимал на пластинку). Как-то на Московском тракте он сфотографировал группу туристов у обелиска Европа—Азия. Среди них — и Николай Кузнецов.

Большой библиотеки у Николая Кузнецова никогда не было. Материальные возможности и ограниченная

жилплощадь не позволяли. Но отдельные хорошие книги, даже редкие, тогда вполне можно было недорого купить в букинистических магазинах, а то и на базаре. Николай и покупал, не часто и с большим разбором. Так, на его полке стояли «История государства Российского» Н.М. Карамзина, «Всемирная история» Брокгауза и Ефрона, томики В.А. Жуковского.

В характере Кузнецова вдруг прорезалась новая черта: он любит и умеет, к тому же весьма убедительно, мистифицировать случайных, а то и давних знакомых. Отголоски этих мистификаций дошли и до наших дней. И сейчас можно читать и слышать, что Кузнецов учился — по одному варианту в Индустриальном институте, по другому — в институте иностранных языков.

Того же происхождения и легенда о якобы успешной защите дипломной работы на... немецком языке. Мол, Кузнецов вроде бы показывал кому-то газету с информацией о столь необычном событии.

Автор должен признаться, что одно время он тоже всерьез принимал эти очень завлекательные, но абсолютно ничем не подтвержденные, хотя и устойчивые легенды.

В архивах ни одного свердловского вуза нет и малейших следов о пребывании в них студента Н.И. Кузнецова. Да и не могло — по здравому рассуждению — быть. Николай не имел необходимого для поступления в институт свидетельства о наличии законченного среднего образования. Можно только гадать, почему в Кудымкаре, где имелся свой лесотехникум, он не сдал всего-навсего несколько экзаменов, необходимых для получения полноценного диплома. Впрочем, тому, с моей точки зрения, имеется объяснение. Формально-юридически неопровержимое. ТЛТ почти закончил учащийся Кузнецов НИКАНОР. В Кудымкаре же работал Кузнецов НИКОЛАЙ. То есть, всего лишь однофамилец.

Для устранения сложившейся несурaziцы потребовались бы непомерные усилия: сбор документов, свидетельских показаний и т. п.

С Кузнецова вполне хватило нервовотрепки с восстановлением в комсомоле. Возможно, позднее он занялся бы и защитой диплома о специальном среднем образовании. Но жизнь дала крутой поворот...

Разными биографами подняты подшивки всех выходивших в Свердловске газет, включая многотиражки крупных заводов. Газеты с таким сообщением, конечно же, не обнаружено. Потому что раз не было обучения в институте, очного или заочного, не могло быть и защиты диплома. Тем более — на немецком языке. Если даже допустить, что Кузнецов в ту пору уже настолько хорошо владел немецким, что был способен написать на нем специальную дипломную работу, то нужно было бы еще образовать такую экзаменационную комиссию, которая этот текст хотя бы могла прочитать...

Жаль, но это всего лишь красивая сказка...

О Николае Кузнецове их сочинено много, в том числе о его участии в войне с «белофиннами», о том, что по заданию разведки он в конце тридцатых годов якобы объездил всю Европу, что весной 1944 года остался жив, а сообщение о его смерти придумало НКГБ, чтобы скрыть очередную длительную командировку за рубеж, что его взяли в плен, перевербовали и отправили... в Канаду, наконец, что его убили свои, так как он «слишком много знал».

Впрочем, некоторые объективные основания для подобных слухов имелись. В читальном зале Индустриального института работала в те годы Александра Федоровна Овчинникова. Кузнецов часто приходил в этот зал, рекомендуясь студентом-заочником, иначе его попросту не стали бы обслуживать. Овчинникова запомнила начитанность Кузнецова, его аккуратность. А также то, что он был одним из немногих постоянных посетителей, регулярно бравших немецкие технические журналы.

Но дело не только в недоразумениях, превратно истолкованных фактах, наконец, невольных ошибках чьей-то памяти.

Автор позволит себе высказать некоторые предположения, способные, во всяком случае, кое-что объяснить. А именно: Кузнецов, быть может предполагая, кем ему предстоит стать, уже занимался тем, что в театральных школах-студиях называется постановкой этюдов...

Он играл. Разных лиц: студента-заочника, иностранца, позднее — инженера-испытателя авиационного завода, командира Красной Армии, наконец, немецкого офицера... И с каждым днем делал это все более убедительно.

(К сожалению, очень скоро он оказался просто вынужден скрывать не только от знакомых, но и самых близких родственников, чем он занимается с некоторых пор.)

Вот почему нельзя полностью принимать на веру все, что Николай сообщал в письмах ряду лиц — о своей работе, скажем, в авиационной промышленности, никакого отношения к которой он никогда не имел.

Многие друзья, а также сестра и брат не одобряли знакомств Николая с иностранцами. Хороший знакомый Андрей Кылосов, единственный коми-пермяк, избравший делом своей жизни удивительное занятие — изготовление скрипок, прямо как-то спросил Кузнецова:

— Зачем ты связываешься с иностранцами? Сам видишь, время беспокойное, не дай Бог...

— Не волнуйся, Андрико, — ответил Николай. — Я патриот, а к патриотам грязь не пристанет.

Прямой начальник Кузнецова на заводе тоже как-то с тревогой задал ему прямой вопрос:

— Почему вы так часто встречаетесь со спецами? Они на удочку вас не подцепили? Смотрите, как бы плохо не кончилось.

— Не беспокойтесь, — сказал в ответ Николай Иванович. — Я же не зря ношу голову на плечах. Я лишь практикуюсь. Отношения с Германией у нас не самые приятные. Дело может дойти и до войны. Большой войны. Знание немецкого языка пригодится. Я молод, и воевать мне придется.

Тут самая пора раскрыть то, что автор до поры оставлял как бы за скобками и о чем ранее в многочисленных публикациях о жизни нашего национального героя никогда не сообщалось. А именно, что Николай Кузнецов уже в кудымкарскую пору стал сотрудником негласного штата органов государственной безопасности — ОГПУ¹.

¹ В 1934 году Объединенное государственное управление — ОГПУ СССР было упразднено. Его функции перешли в ведение обновленного Народного комиссариата внутренних дел, в котором было образовано Главное управление государственной безопасности — ГУГБ НКВД СССР. Наркомом НКВД был назначен Г.Г. Ягода, которому первому было присвоено звание генерального комиссара государственной безопасности. Это звание впоследствии носили еще только два человека: Н.И. Ежов и Л.П. Берия. Все трое расстреляны.

Ранее уже упоминалось, что на Кузнецова первым обратил внимание уполномоченный райотдела ОГПУ Иван Овчинников — когда Николай сдал экзамен на мужество под бандитскими пулями. В своем отчете о происшествии он отметил и другие положительные качества Кузнецова.

В ОГПУ лучше разбирались в людях, чем в комсомольских комитетах. Чекисты той поры прекрасно знали цену и доносам, и демагогическим изобличениям. Их не смутило ни происхождение Кузнецова («сын кулака и белобандита»), ни вскоре последовавшая судимость. К слову сказать, тогда в Кудымкаре многие подозревали и открыто говорили, что уголовное дело было состряпано, чтобы свалить вину за действительно имевшее место хищения более высоким лесным начальством на «стрелочников» из лесоустроительной партии. Метод, как известно, доживший и до наших времен.

Фактически же активное сотрудничество Кузнецова с контрразведкой развернулось в Свердловске с его многочисленными военными заводами и научно-исследовательскими институтами, конструкторскими бюро и т. п. Уже тогда некоторые профессиональные чекисты, оценившие верно природные способности и характер Кузнецова, видели его будущность именно в сфере разведки, во вражеской среде, возможно, даже за рубежом с нелегальных позиций. Скорее всего — в Германии, где в январе 1933 года к власти пришли нацисты, а их фюрер Адольф Гитлер стал рейхсканцлером.

Давно подмечено серьезными и объективными зарубежными наблюдателями, что Россия — во всех отношениях страна крайностей, особенно в части нашего национального менталитета.

С одинаковой бездумной, а то и с безумной легкостью мы отвергаем то, на что вчера еще молились истово, и возносим на пьедестал столь же рьяно то, что напрочь отвергали и клеймили гневными словами.

Прискорбно, что безоговорочно и наотмашь мы, вслед за экс-президентом США Рональдом Рейганом, стали называть «империей зла» страну, что существовала на одной шестой части земной суши семьдесят с лишним лет. Как удобно и просто объяснять все потрясения, горести, беды, трагедии, выпавшие на долю народов СССР, тиранией Ленина и Сталина, вреднейшей книгой «Капитал» Карла Маркса (словно ее кто-то читал, кроме горстки профессоров политекономии), изначальной преступностью коммунисти-

ческих идей, бесовщиной, личной кровожадностью Ягоды, Ежова, Берии, злодейскими происками кайзера Вильгельма II (пресловутое немецкое золото и «пломбированный вагон»), коварством масонов и сионистов (эти вообще виноваты во всем и всегда)... И конечно безбожием, вдруг, словно по мановению дьявольской, колдовской палочки, охватившим до того богобоязненный стопятидесятиmillionный российский народ... И свалились на него все эти напасти, должно быть, с Марса, а народ, следовательно, то есть все мы вместе и каждый в отдельности, ни в чем не повинны, а коль не повинны — то и приносить покаяние за содеянное должен кто-то другой, а нам оно ни к чему...

И вот уже единым махом перечеркнуты все подлинные победы и достижения, выстраданные, вымученные, оплаченные морем пота, крови и слез наших дедов, отцов, матерей, старших братьев и сестер...

Все было гораздо сложнее и трагичнее. Почему никто не желает понять, что мы вовсе не потеряли никакую Россию, потому как великая страна — не кошелек, который можно ненароком обронить на базаре, ту Россию мы погубили все и всем скопом — и красные и белые, а благословенные самодержцы виноваты во всем не меньше, чем охваченные дьявольским вожделием всемирной революции Ленин и Троцкий.

Пора признать, что в каждой революции, в каждом массовом восстании, в каждом бунте в любой стране и в любые времена более повинны не те, кто свергает, а те, кого свергают, кто довел народ до полного отчаяния, когда ничего иного не остается, как хвататься за топоры и вилы, потому как сил больше нет терпеть распроклятую жизнь. Тем-то и отличаются революции от дворцовых переворотов, что совершают ее массы, а не кучка властолюбивых заговорщиков.

Другой вопрос, другое дело — удастся ли народу, свергнувшему прежнюю власть, его вождям построить то «царство свободы», которое виделось им в мечтах.

У нас — не удалось. Почему не удалось — еще долго будет предметом размышлений и изучения последующих поколений, но совершенно очевидно, что не из-за личных качеств Ленина и Дзержинского, Сталина и Ежова, тем более — Маркса и Энгельса. И уж тем более Советский Союз развалился вовсе не из-за волюнтаризма Хрущева, пристрастия к орденам Брежнева, бездарности Черненко, родимого

пятна Горбачева... И уж вовсе ничего не значили подписи трех беловежцев Ельцина, Кравчука, Шушкевича. Важно понять следующее: Советское государство в силу причин и объективного и субъективного свойства с первого и до последнего дня своего существования носило двойственный характер, потому как решало задачи двойственные, порой совпадающие, порой противоречащие друг другу. Эта двойственность и противоречивость распространялась решительно на все партийные и государственные структуры, все общественные институты и организации, всю внешнюю и внутреннюю политику. История и жизнь страны как бы протекала в двух сложно соприкасающихся и взаимопроникающих пространствах. В одном происходили события и преобразования, объективно отвечающие вековым и глубинным интересам страны, народа, общества, в другом — только эгоистичным интересам правящей элиты. Легко заметить, что, в сущности, СССР в этом отношении ничем не отличался от Царской России.

В одном пространстве возникали новые отрасли индустрии, неслыханного расцвета достигали многие отрасли науки, культуры, просвещение и искусство, строилась мощная современная армия, разгромившая непобедимый до того гитлеровский вермахт. Ему, этому пространству, принадлежали песня «Широка страна моя родная», портреты пионерки Мамлакат, ансамбль Моисеева, кинофильмы «Цирк» и «Семеро смелых», перелеты через Северный полюс в Америку, папанинская эпопея, победы юных музыкантов на международных конкурсах и шахматные триумфы гроссмейстера Ботвинника:

В другом — существовали неслыханная тирания, расстрелы сотен тысяч ни в чем не повинных людей, многомиллионный архипелаг ГУЛАГ, «голодомор» на Украине и в Казахстане, откровенная нищета подавляющего большинства поселенцев бараков и коммуналок и кремлевские «спецпайки».

Одни и те же, скажем к примеру, профсоюзы строили санатории, детские сады и пионерлагеря (путевки льготные, почти бесплатные) и, как «школа коммунизма», организовывали пресловутое «социалистическое соревнование», то есть, прикрываясь орденами, красными знаменами и почетными грамотами для победителей, способствовали безудержной эксплуатации трудящихся администрацией и государством якобы тех же самых трудящихся.

Не являлись исключением и органы государственной безопасности. Они тоже на всем протяжении истории ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ-КГБ играли двойственную роль, иногда героическую, иногда преступную. А чаще всего — одновременно.

С одной стороны, им вменялось в обязанность выполнять функции традиционной тайной полиции, всячески оберегать диктатуру партийной верхушки, а с какого-то момента единоличную власть всемогущего вождя Сталина, подавлять любое сопротивление, любое несогласие или даже подозрение на вольнодумство. И делать это самыми жестокими методами, вплоть до пыток арестованных, чудовищных лагерных сроков и расстрелов. Всякого усомнившегося в правоте своего дела чекиста ждал тот же подвал и пуля в затылок, выпущенная вчерашним сослуживцем. Регулярно расстреливались и не усомнившиеся ни в чем, лишь потому, что слишком много знали. Таких в общей сложности за годы сталинщины набралось свыше двадцати тысяч человек, в том числе — множество первоклассных, безусловно переданных Отечеству разведчиков и контрразведчиков.

С другой стороны, нужно было обеспечивать подлинную безопасность страны, оберегать ее государственные и военные тайны, проникать в замыслы враждебных держав, выявлять настоящих шпионов и диверсантов.

Люди, которые честно и добросовестно занимались этой трудной, необходимой любому государству работой, зачастую сидели в соседних кабинетах с мастерами лепить фальсифицированные дела, костоломами и палачами. И те и другие назывались чекистами, носили одинаковые фуражки с голубым верхом, сидели рядом на партийных собраниях и ведомственных совещаниях, иногда даже вместе получали ордена из рук одного и того же благодушного старичка в очках, с козлиной бородкой и такими же наклонностями.

Случалось, увы, и нередко, еще более сложное переплетение добра и зла в одном и том же человеке, палаче и жертве в одном лице... Такие люди были в числе будущих непосредственных руководителей и Николая Кузнецова, с ними читателю еще предстоит встретиться.

Предложение работать в негласном штате ОГПУ Николай принял вполне в духе того времени, в силу своего

глубокого патриотизма, комсомольского энтузиазма, всех достоинств и недостатков тогдашнего мировоззрения, наконец, юношеского романтизма. Следует учитывать и то, что тогда, в конце двадцатых— начале тридцатых годов, мало кто мог предвидеть наступление и размах «Большого Террора» (тем более в глухой провинции), широкие круги населения еще доверяли чекистам, направление на работу в ОГПУ воспринималось за честь и доверие, оказываемые далеко не каждому партийцу, тем более комсомольцу. И Кузнецов не был, да и не мог быть исключением. Не принять предложения он, активный комсомолец и патриот, просто не мог. И ни один «правдолюб» нынешнего разлива ни сегодня, ни завтра не вправе упрекнуть его за это. Как не вправе никто кинуть камень в адрес Артузова, Берзина, Зорге, Маневича, Короткова, Зарубина, Абея (Фишера), Борцов с нацизмом из «Красной капеллы».

В окружном отделе ОГПУ Коми-Пермяцкого автономного национального округа 10 июня 1932 года Кузнецову присвоили кодовый псевдоним «Кулик», в Свердловске в 1934 году он стал «Ученым» и, наконец, в 1937 году — «Колонистом». Последний в будущем послужил основанием для рождения еще одного мифа. Некоторые авторы, когда этот псевдоним был обнародован, не мудрствуя лукаво, стали утверждать, что Кузнецов, дескать, вырос в немецкой колонии, поэтому-то так хорошо знал немецкий язык.

Нетрудно догадаться, что места работы, иногда фиктивные, Кузнецов не всегда выбирал по собственному усмотрению — в этом ему помогали местные контрразведчики, при их же содействии ему дали хоть и скромное, но весьма желанное собственное жилье. Кое-какие факты его биографии потребовалось прикрыть или изменить — поэтому при официальном зачислении на работу в карточках по учету кадров он писал в соответствующих графах, что иностранным языком не владеет, что от действительной службы в Красной Армии освобожден по болезни¹, военнотчетная специальность нестроевая и т. п. По этой же причине при случайных

¹ На самом деле Кузнецов был физически абсолютно здоров. Лишь через несколько лет, в начале войны, когда Николай Иванович проходил обязательную медкомиссию перед парашютной подготовкой, врачи обнаружили у него незначительный дефект зрения, который не помешал допуску к прыжкам.

встречах со старыми знакомыми ему приходилось рассказывать о себе вещи, не соответствующие действительности. Впоследствии это вводило в заблуждение многих биографов Кузнецова, в том числе и автора.

В одной из характеристик еще свердловского периода отмечалось: «Находчив и сообразителен, обладает исключительной способностью завязывать необходимые знакомства и быстро ориентироваться в обстановке. Обладает хорошей памятью».

Забегая вперед, можно отметить, что эти качества «Кулика», «Ученого» и «Колониста» особо ярко проявились, когда Кузнецов работал в Ровно в обличе немецкого офицера.

Как уже было сказано ранее, в январе 1936 года Кузнецов уволился из конструкторского отдела Уралмаша. С той поры он больше никогда и нигде, ни в Свердловске, ни в Москве, не работал, а только выполнял задания органов государственной безопасности в качестве спецаргента, а также агента-маршрутника.

Между тем уже начиналась кровавая полоса, вошедшая в историю страны под названием «ежовщина», — полоса массовых репрессий, обескровивших все слои советского общества, хотя началась она еще при предшественнике Н. И. Ежова на посту наркома НКВД — Г. Г. Ягоде.

Поначалу аресты носили выборочный, так сказать пристрелочный характер. Позднее тяжелейший удар обрушился на партийное, советское хозяйственное руководство столицы Урала. Круги террора расходились все шире и шире, захватывая работников уже среднего и низового звена, рядовых рабочих и специалистов, в том числе иностранных.

В числе прочих были арестованы и расстреляны первый секретарь обкома ВКП(б) Иван Кабаков, в прошлом тульский рабочий, знаменитый директор Уралмаша, герой гражданской войны Леонид Владимиров и его жена Евгения, за несколько дней до этого получившая в Кремле орден Ленина, первый секретарь Орджоникидзевского райкома партии (в этот район входил Уралмаш) Леопольд Авербах, в недавнем прошлом руководитель пресловутого РАППа. На этом посту Авербах, сам третьеразрядный литературный критик, нанес неисчислимый вред советской литературе, но расстреляли его конечно не за это, а потому

главным образом, что приходился шурином бывшему наркомому НКВД Генриху Ягоде (тот был женат на его сестре Иде. Мать Леопольда и Иды Софья Михайловна Авербах была родной сестрой покойного председателя ВЦИК и секретаря ЦК партии Якова Свердлова).

Ставленники нового наркома, полусумасшедшего алкоголика и кровавого карлика Николая Ежова, повсеместно вырубали чекистский аппарат, уничтожая не только «людей Ягоды», но и опытных, объективно честных профессионалов. Им на смену приходили новые сотрудники, направленные из партии и комсомола, как правило, воспитанные уже не в духе преданности коммунистической идее (как ни оценивай мы ее сегодня), а лично Сталину, готовые из карьерных побуждений на все — вплоть до разрешенных уже официально Центральным комитетом ВКП(б) в лице его генсека Сталина «мер физического воздействия», а попросту избиения и пыток подследственных.

Волна репрессий не обошла стороной и Николая Кузнецова. Еще в октябре 1934 года он был арестован. Справедливости ради отметим, что он действительно по неопытности и горячности допустил в работе ошибки, которые признал и о которых искренне сожалел. Но никакого преступного умысла в его действиях не было и в помине, а между тем ему едва не вменили жуткую «пятьдесят восьмую», контрреволюционную, расстрельную статью...

В подвалах внутренней тюрьмы Свердловского управления НКВД Кузнецов провел несколько месяцев. По счастью, нашлись люди, сумевшие, быть может рискуя собственным положением, добиться его освобождения. Много позже Кузнецов случайно встретил в Свердловске друга юности Федю Белоусова, которого не видел с тех пор, как покинул Талицу. Николай рассказал ему, что в заключении прошел через жуткие испытания, у него даже выпали волосы на голове.

Вакханалия необоснованных арестов между тем набирала силу, а жизнь, странная жизнь в двух пространствах, продолжалась. Кто-то в подвалах всесоюзной Лубянки выколачивал из несчастных ложные показания и оговоры о мифических заговорах, вредительстве, актах террора, а кто-то, быть может за соседней дверью, обязан был скрепя сердце, понимая, что в любой момент могут прийти и за ним, обеспечивать настоящую безопасность страны. Обо-

ронная промышленность Большого Урала по мощности и разнообразию производимой военной техники и боеприпасов не имела себе равных, и ее требовалось оберегать специфическими методами контрразведки.

Наряду с другими сотрудниками, порой чудом уцелевшими в ежовской мясорубке, добросовестно и честно выполнял этот свой долг и Николай Кузнецов.

И тут Николаю повезло еще раз: судьба свела его с хорошим человеком, недавно приехавшим из Москвы новым наркомом НКВД Коми АССР Михаилом Ивановичем Журавлевым.

Перед направлением в Сыктывкар Журавлева вызвали к большому начальству и поручили, в частности, навести порядок в заготовках на Северном Урале и прилегающих территориях леса (тогда еще не было здесь на лесоповале многих десятков тысяч узников ГУЛАГа). Дела этого Журавлев, в прошлом ленинградский заводчанин и партийный работник, разумеется, не знал, а руководить одними «вливаниями» не умел и не хотел. Ему нужен был помощник, квалифицированный специалист в области лесного хозяйства. В качестве такового в поле его зрения попал Николай Кузнецов.

Журавлев успешно выполнил приказ Москвы, заслужил поощрение Центра и справедливо полагал, что в какой-то степени обязан этим Кузнецову. За время их сотрудничества он хорошо изучил Николая, оценил его разнообразные способности (особо поразил Журавлева тот факт, что Кузнецов свободно владел языком коми). Вскоре это самым непосредственным образом сказалось на всей дальнейшей жизни и судьбе Николая Кузнецова.

Глава 5

До самого последнего времени оставалось неизвестным, при каких обстоятельствах Николай Кузнецов очутился в Москве, как вообще негласный сотрудник периферийных органов госбезопасности оказался в поле зрения Центра. Об этом незадолго до своей кончины автору рассказал человек, к этому перемещению причастный лично — один из

руководителей советской контрразведки в те годы, бывший генерал-лейтенант Леонид Федорович Райхман¹.

«После перевода из Ленинграда в Москву я был назначен начальником отделения в отделе контрразведки Главного управления госбезопасности НКВД СССР. Кроме того, я преподавал некоторые специальные дисциплины на курсах в Большом Кисельном переулке, где готовили руководящие кадры для нашего ведомства. С одним из слушателей, Михаилом Ивановичем Журавлевым — умным и обаятельным человеком, мы подружились. Возможно потому, что он тоже из Ленинграда, где работал сначала, кажется, на заводе «Красный путиловец», а потом стал вторым или третьим секретарем райкома партии.

Всю войну, к слову, Журавлев уже в генеральском звании был начальником Московского управления НКВД. По окончании курсов Журавлев сразу получил высокое назначение — наркомом НКВД в Коми АССР. Оттуда он мне часто звонил, советовался по некоторым вопросам, поэтому я не удивился его очередному звонку, кажется, в середине 1938 года.

— Леонид Федорович, — сказал Журавлев после обычных приветствий, — тут у меня есть на примете один человек, еще молодой, наш негласный сотрудник. Очень одаренная личность. Я убежден, что его надо использовать в Центре, у нас ему просто нечего делать.

— Кто он? — спросил я.

¹ Об этом человеке сегодня в различных публикациях можно прочитать разное. Как любому сотруднику НКВД предвоенных лет, ему приписывают участие во многих преступлениях Лубянки. Не исключаю, что какая-то часть этих слухов имеет под собой основание. Судить не берусь, потому что всю правду о том времени мы не знаем и почти наверняка так и не узнаем до конца. Жизнь Райхмана сложилась трагически. Уже после войны, а он принимал в ней активное участие, в том числе и на фронте, он дважды подвергался аресту, без суда провел в тюрьме несколько лет, подвергался пыткам. Будучи личностью весьма неординарной, умудрился в заключении всерьез заниматься проблемами космологии. Во всяком случае, все старые чекисты, как бы лично ни относились к Райхману, признавали, что он был выдающимся мастером контрразведки, имеющим неоспоримые заслуги перед страной. О его высоком интеллекте, остром уме свидетельствует в воспоминаниях и его бывшая жена, знаменитая балерина Ольга Лепешинская.

Это же примерно можно сказать и о некоторых других руководителях органов разведки и контрразведки той поры, упоминаемых в этой книге, поскольку они имели прямое отношение к жизни и деятельности Кузнецова.

— Специалист по лесному делу. Честный, умный, волевой, энергичный, инициативный. И с поразительными лингвистическими способностями. Прекрасно владеет немецким, знает эсперанто и польский. За несколько месяцев изучил коми-пермяцкий язык настолько, что его в Кудымкаре за своего принимали...

Предложение меня заинтересовало. Я понимал, что без серьезных оснований Журавлев никого рекомендовать не станет¹. А у нас в последние годы погибло множество опытных, не липовых, а настоящих контрразведчиков и разведчиков. Некоторые линии и объекты были попросту оголены или обслуживались случайными людьми.

— Присылай, — сказал я Михаилу Ивановичу. — Пусть позвонит мне домой.

Прошло несколько дней, и в моей квартире на улице Горького раздался телефонный звонок: Кузнецов. Надо же так случиться, что в это самое время у меня в гостях был старый товарищ и коллега, только что вернувшийся из продолжительной командировки в Германию, где работал с нелегальных позиций. Я выразительно посмотрел на него, а в трубку сказал:

— Товарищ Кузнецов, сейчас с вами будут говорить по-немецки.

Мой друг побеседовал с Кузнецовым несколько минут на общие темы, потом вернул мне трубку и, прикрыв микрофон ладонью, сказал удивленно:

— Говорит как исконный берлинец.

Позднее я узнал, что Кузнецов свободно владел пятью или шестью диалектами немецкого языка, кроме того, умел говорить, в случае надобности, по-русски с немецким акцентом.

Я назначил Кузнецову свидание на завтра, и он пришел ко мне домой. Когда он только вступил на порог, я прямо-таки ахнул: ариец! Чистокровный ариец. Росту выше среднего, стройный, худощавый, но крепкий, блондин, нос прямой, глаза серо-голубые. Настоящий немец, но без таких примет аристократического вырождения. И прекрасная выправка,

¹ О причастности М.И. Журавлева к переводу Н.И. Кузнецова в Центр автору рассказывал также старейший контрразведчик Сергей Михайлович Федосеев. На протяжении многих лет, в том числе военных, Федосеев был сослуживцем и другом Журавлева, от которого тоже впервые услышал о Кузнецове. В рассказе Райхмана есть неточность: видимо, звонил ему Журавлев уже в 1939 году.

словно у кадрового военного, и это — уральский лесовик!

Надо сказать, что мы в контрразведке, от рядового опера до начальника нашего отдела старшего майора госбезопасности¹ Петра Васильевича Федотова никогда не питали и малейших иллюзий относительно нацистской Германии ни до пакта, ни после него. Что бы там ни писали газеты, мы всегда знали, что Гитлер враг непримиримый, смертельный, что войны с ним не избежать. Ее можно в лучшем случае отсрочить, оттянуть на какое-то время. На работе контрразведки, в частности, заключение пакта сказалось лишь в том отношении, что ее по немецкой линии прибавилось, настолько активизировалась разведка Германии в Советском Союзе².

¹ К сведению читателей. В 1935 году в Красной Армии были установлены персональные воинские, а в системе НКВД персональные специальные звания. Сержант госбезопасности был приравнен к лейтенанту Красной Армии (два «кубаря» в петлицах), младший лейтенант ГБ — к старшему лейтенанту КА (три «кубаря»), лейтенант ГБ — к капитану КА (одна «шпала»), старший лейтенант ГБ — к майору КА (две «шпалы»), капитан ГБ — к полковнику, а с 1939 г. подполковнику КА (три «шпалы»), майор ГБ — к комбригу КА (один «ромб»), старший майор ГБ — к комдиву КА (два «ромба»), комиссар ГБ третьего ранга — к комкору КА (три «ромба»), комиссар ГБ второго ранга — к командарму второго ранга (четыре «ромба»), комиссар ГБ первого ранга — командарму первого ранга (четыре «ромба» и маленькая звездочка в уголке (петлицы), генеральный комиссар госбезопасности — к Маршалу Советского Союза (большая золотая звезда в петлице). В 1943 г. с введением погон начала проводиться унификация званий. Офицеры ГБ от сержанта до капитана стали носить звания и погоны соответственно от лейтенанта до подполковника, майоры ГБ — полковника, старшие майоры получали звания комиссаров ГБ и погоны, похожие на погоны генерал-майоров, комиссары ГБ третьего, второго и первого рангов — генерал-лейтенантов, генерал-полковников и генерала армии (один человек — В. Меркулов). Летом 1945 г. комиссарские звания были упразднены. Их обладателям были присвоены соответствующие генеральские звания. Генеральному комиссару госбезопасности Л. Берии тогда же было присвоено звание Маршала Советского Союза.

² Заключение пакта о ненападении с Германией неожиданным образом сказалось на московской, да и всесоюзной афише. С экранов были немедленно сняты историческая кинокартина С. Эйзенштейна «Александр Невский», антифашистские фильмы «Профессор Мамлок» (по пьесе Фридриха Вольфа) и «Семья Оппенгейм» (по роману Лиона Фейхтвангера). Зато в Большом театре было высочайше дозволено приступить к репетициям оперы Рихарда Вагнера «Тангейзер», до того находившейся под запретом, потому как давным-давно скончавшийся великий композитор, по сведениям Кремля, был любимым музыкальным сочинителем Гитлера.

Мы имели дело с настоящими, не выдуманными германскими шпионами и как профессионалы прекрасно понимали, что их деятельность направлена против нас не вообще, а именно как противника в будущей и близкой войне. И дело заключалось не только в антикоммунизме фюрера как главаря нацистской партии. Тот же Черчилль, к примеру, тоже был убежденным антикоммунистом. Но Гитлер ненавидел и презирал, считая «унтерменшами», то есть недочеловеками все народы, населявшие Советский Союз. Он был нашим смертельным врагом не только идеологическим, его изначальной целью, намеченной еще в книге «Моя борьба», был захват наших земель, их оккупация и освоение немецкими колонистами аж до самого Урала. Население же этих огромных земель подлежало частично уничтожению, частично превращению в рабочий скот.

Нам остро нужны были люди, способные активно противостоять немецкой агентуре в нашей стране, прежде всего в Москве. Мы затребовали из Свердловска личное дело «Колониста», внимательно изучили его работу на Урале. Кузнецов оказался разведчиком прирожденным, что говорится, от Бога. Как человек он мне тоже понравился. Я любил с ним разговаривать не только о делах, но и просто так, на отвлеченные темы. Помнится, я сказал ему: обрастайте связями.

И он стал заводить знакомства в среде людей, представляющих заведомый оперативный интерес для немецкой разведки.

По нашим материалам мы видели усиление активности германских спецслужб. Подписание пакта облегчило немцам проникновение в СССР, расширило возможности для подрывной работы. Мы это предвидели и принимали соответствующие меры. К началу 1940 года (я был тогда уже заместителем начальника контрразведки) мы создали 1-й отдел — немецкий. Возглавил его очень опытный контрразведчик Петр Петрович Тимофеев, между прочим, старый коллега и друг Дмитрия Николаевича Медведева. Он, кстати, когда началась война, помог Медведеву вернуться с пенсии в строй.

Но вернемся назад, к моменту приезда Кузнецова в Москву. Идеальным вариантом, конечно, было бы направить его на учебу в нашу школу, по окончании которой он был бы аттестован по меньшей мере сержантом госбезопасно-

сти, зачислен в какое-нибудь подразделение в центральном аппарате и начал службу. Но мешали два обстоятельства. Во-первых, учеба в нашей школе, как и в обычном военном училище, занимала продолжительное время, а нам нужен был работник, который приступил бы к работе немедленно, как того требовала сложившаяся оперативная обстановка. Второе обстоятельство — несколько шепетильного свойства. Зачислению в нашу школу или на курсы предшествовала длительная процедура изучения кандидата не только с деловых и моральных позиций, но и с точки зрения его анкетной чистоты. Тут наши отделы кадров были беспощадны, а у Кузнецова в прошлом — сомнительное социальное происхождение, по некоторым сведениям отец то ли кулак, то ли белогвардеец, исключение из комсомола, судимость, наконец. Да с такой анкетой его не то что в школу бы не зачислили, глядишь, потребовали бы в третий раз арестовать... В конце концов мы оформили Кузнецова как особо засекреченного спецагента с окладом содержания по ставке Кадрового оперуполномоченного центрального аппарата. Случай почти уникальный в нашей практике, я, во всяком случае, такого второго не припоминаю.

Что же касается профессиональной учебы, то, во-первых, он не с Луны свалился, новичком в оперативных делах не был, своим главным оружием — немецким языком владел великолепно, да и мы, кадровые сотрудники, которым довелось с ним работать, постарались передать ему необходимые навыки конспирации, работы с агентурой и т.п. Со своими способностями он все эти премудрости схватывал на лету. (Правда, Кузнецов не отказался от давней мечты — получить высшее образование. Так, он даже написал руководству заявление с просьбой помочь ему в поступлении на английское отделение Института иностранных языков, но из этого, к сожалению, ничего не вышло. — *Авт.*)

Кузнецов был чрезвычайно инициативным человеком и с богатым воображением. Так, он купил себе фотоаппарат, принадлежности к нему, освоил фотодело и впоследствии прекрасно сам переснимал попадавшие в его руки немецкие материалы и документы. Он научился управлять автомобилем, и, когда во время войны ему в числе иных личных документов изготовили шоферские права, выданные якобы в Кенигсберге, ему оставалось только

запомнить, чем немецкие правила уличного движения отличаются от наших.

«Колонист» был талантлив от природы, знания впитывал как губка влагу, учился жадно, быстро рос как профессионал. В то же время был чрезвычайно серьезен, сдержан, трезв в оценках и своих донесениях. Благодаря этим качествам мы смогли его впоследствии использовать как контрольного агента для проверки информации, полученной иным путем, подтверждения ее или опровержения.

К началу войны он успешно выполнил несколько моих важных поручений. Остался весьма доволен им и мой товарищ, также крупный работник контрразведки Виктор Николаевич Ильин, отвечающий тогда за работу с творческой интеллигенцией. Благодаря Ильину Кузнецов быстро оброс связями в театральной, в частности балетной Москве. Это было важно, поскольку многие дипломаты, в том числе немецкие, и установленные разведчики весьма тяготели к актрисам, особенно к балеринам. Одно время даже всерьез обсуждался вопрос о назначении Кузнецова одним из администраторов... Большого театра».

Прервем ненадолго повествование Л.Ф. Райхмана, чтобы чуть подробнее рассказать о В.Н. Ильине, тем более что о нем и по сей день в писательских кругах Москвы ходит много нелепостей, кое-что успело попасть и в опубликованные мемуары некоторых литераторов, в том числе и весьма именитых. В 1943 году этот незаурядный человек, участник гражданской войны, имел звание комиссара госбезопасности, то есть носил погоны с генеральскими зигзагами и одной звездой. По облыжному обвинению он был арестован по приказу В. Абакумова, тогдашнего начальника СМЕРШ, даже без санкции Л. Берии, и провел в одиночке без суда свыше восьми лет. Ничего не подписал, никого не оговорил, хотя к нему и применяли пресловутые «меры физического воздействия». В 1951 году новый следователь в генеральском чине вдруг потребовал от Ильина показания о предательской деятельности... Абакумова. Полагая, что это провокация, Ильин отказался даже разговаривать. Тогда следователь вывел его в коридор, открыл «глазок» в двери соседней камеры, и потрясенный Виктор Николаевич увидел в ней заросшего, в потрепанной одежде своего заклятого врага Абакумова. В конце концов Ильина освободили, но

с судимостью, вынесенной, впрочем, никаким не судом, а Особым совещанием.

Выйдя на свободу, Ильин уехал из Москвы, на жизнь зарабатывал... как грузчик на железнодорожной станции, благо был мужчиной рослым и физически сильным.

После реабилитации Ильин много лет работал оргсекретарем Московской писательской организации. Погиб он в преклонном возрасте, попав под колеса автомобиля...

Как рассказывал автору сам Виктор Николаевич, у Кузнецова было несколько близких приятельниц — балерин Большого театра, в том числе и достаточно известных, которые охотно помогали ему завязывать перспективные знакомства с наезжающими в Москву гражданами Германии, а также с дипломатами.

Но продолжим повествование Л.Ф. Райхмана:

«Прежде всего Кузнецова следовало обустроить в Москве. С жильем в столице всегда было трудно, большинство наших кадровых сотрудников ютились в коммуналках, отдельные квартиры получали только работники высокого ранга. Кузнецову же, с учетом той деятельности, которой ему предстояло заниматься, требовалась именно отдельная квартира. Пришлось пожертвовать на время одну из наших КК — конспиративных квартир. Его поселили в доме № 20 по улице К. Маркса (Старая Басманная), неподалеку от Разгуляя. (Поначалу, правда, Кузнецову пришлось пожить в «коммуналке», в доме № 10 по Напрудному переулку¹).

Придумали для Кузнецова и убедительную легенду, рассчитанную прежде всего на немецкий контингент. Русского, уральца Николая Ивановича Кузнецова превратили в этнического немца Рудольфа Вильгельмовича, фамилию оставили прежнюю, но... перевели ее на немецкий язык: Шмидт. Родился Руди Шмидт якобы в городе Саарбрюкене. Когда мальчику было года два, родители переехали в Россию, где он и вырос. В настоящее время Рудольф Шмидт — инженер-испытатель авиационного завода № 22 в Филях. На эту фамилию Кузнецову был выдан задним числом и паспорт, а позднее и бессрочное свидетельство об освобождении по

¹ Эта квартира совершенно не годилась для работы Кузнецова. Во-первых, он не мог из-за обилия соседей принимать в ней своих «друзей». Во-вторых, один из жильцов в порыве бдительности стал писать на него доносы в НКВД!

состоянию здоровья от воинской службы, так называемый «белый билет», чтобы военкоматы не трогали.

Широко известны фотографии Николая Кузнецова в форме военного летчика с тремя «кубарями» в петлицах (есть варианты в фуражке, в летном шлеме и вообще без головного убора). Из-за этой фотографии даже в некоторые энциклопедические словари попало утверждение, что Николай Иванович имел в Красной Армии звание старшего лейтенанта. На самом деле Кузнецов в армии никогда не служил и воинского звания, даже в запасе, не имел. Эту форму он использовал в тех случаях, когда именно она вызывала вполне нацеленный интерес некоторых его знакомых.

Очень скоро «Колонист» прямо-таки с виртуозной убедительностью научился завязывать знакомства с приезжающими в СССР немцами. Однажды германская делегация прибыла на ЗИС — знаменитый автозавод им. Сталина (позднее им. Лихачева). Шмидт познакомился в театре с одним членом делегации, который, в свою очередь, познакомил его со своей спутницей — технической сотрудницей германского посольства, очень красивой молодой женщиной. С нашего благословения у них завязался роман. В результате мы стали получать информацию еще по одному каналу непосредственно из посольства Третьего рейха.

Уже упоминавшийся нами друг юности Кузнецова Федор Белоусов рассказывал автору:

«В мае 1939 года я приезжал с годовым отчетом в Москву. Жил в гостинице «Москва». С начальником планового отдела моей организации Ракшой выхожу на улицу, чтобы идти в наш главк к площади Дзержинского, вдруг сзади слышу знакомый голос, но почему-то на немецком языке. Что за черт! Обернулся, смотрю — Ника! Он шел из кафе «Националь» с очень красивой дамой, как я понял — иностранкой. Он ко мне бросился, мы обнялись. Как, что... Ты, говорит, меня извини, я должен даму проводить.

Мы решили на работу не идти, возвращаемся в гостиницу. Я заказываю в номер пиво, закуски. Через полчаса появился Ника. Сказал, что пиво не пьет. А что пьешь? Заказали ему кофе.

Ника рассказал, что работает в Москве, связан с испытаниями самолетов и обучается прыжкам с парашютом. Ничего спиртного не пил, сослался на прыжки. Через час

он извинился — дела — и ушел. Я понял, что он работает в какой-то секретной организации.

Еще раз мы встретились дня через два в кафе гостиницы «Националь». Посидели опять без спиртного. Когда уходили, он подарил мне свою шляпу, серую, с маленькими по тогдашней моде полями.

После этого я его никогда больше не видел, но получил письмо, которое было мною опубликовано. Было еще одно письмо, его получили без меня, я уже был на фронте. К сожалению, оно затерялось после войны при переездах. Когда после войны я услышал по радио о Герое Советского Союза Николае Кузнецове, то не думал, что это он. Мы ведь знали его как Никанора, Нику, Никошу. Пока не увидел его фото...»

Вернемся к воспоминаниям Л.Ф. Райхмана:

«Напрямую мы, контрразведчики, с достоверностью узнали о готовящемся нападении Германии на СССР уже в марте 1941 года — в определенной мере благодаря усилиям и «Колониста». Коллеги из разведывательного управления, я полагаю, знали об этом еще раньше. 27 апреля 1941 года мы с Тимофеевым составили докладную записку на имя Сталина. В ней, в частности, мы сообщали, что необходимо загодя создавать разведывательно-диверсионные группы в западных областях страны на случай оккупации германскими войсками. Записку передали начальнику контрразведки Федотову. Тот пошел к наркому госбезопасности Всеволоду Николаевичу Меркулову¹. Вернулся назад крайне расстроенный и огорченный. Нарком докладную не подписал.

— Наверху эти сообщения принимаются с раздражением, — многозначительно сказал он Федотову. Затем, подумав, добавил: — Писать ничего не надо, но делайте то, что считаете нужным.

Помню хорошо едва ли не последнее донесение Кузнецова перед самой войной: приятельница «Руди» из посольства

¹ 3 февраля 1941 г. НКВД СССР был разделен на два наркомата: Народный комиссариат внутренних дел СССР (нарком Л.П. Берия) и Народный комиссариат государственной безопасности СССР (нарком В.Н. Меркулов). Сразу после начала войны оба наркомата были снова объединены. Наркомом стал Л.П. Берия, первым замнаркома В.Н. Меркулов. В апреле 1943 г. наркомат внутренних дел был опять разделен на НКВД и НКГБ СССР. Особые отделы НКВД были переданы в ведение Наркомата обороны СССР и Наркомата Военно-морского флота СССР.

печально, с намеком на что-то сказала, что скоро им придется расстаться...

Уже было известно и то, что в посольстве сжигают в подвале документы, что на обоях стен гостиных появились светлые пятна — здесь многие годы висели дорогие картины, теперь их сняли и вынесли, свернули великолепные ковры и гобелены, убрали старинные фарфоровые вазы».

Как уже было сказано, Кузнецов за годы пребывания в Москве выполнил несколько ответственных, можно сказать «штучных» заданий, исходящих лично от Райхмана и Ильина с ведома самого Федотова. Но для проведения повседневной контрразведывательной работы решено было передать его на оперативную связь ответственному сотруднику не столь высокого ранга.

Автор должен честно признаться, что и не чаял найти этого человека, ведь с той поры минуло более полувека, уже и то удача, что застал в живых Ильина и Райхмана, которых даже успели снять для двухсерийного документального фильма «Тайная война», в создании которого он принимал участие в качестве сценариста.

И вдруг в марте 1994 года в квартире автора раздался телефонный звонок. Глуховатый голос очень пожилого человека сообщил, что именно он перед войной, тогда капитан госбезопасности, руководил работой «Колониста».

— Приезжайте... Станция метро «Алексеевская», проспект Мира, большой дом напротив станции...

— Еду...

...Небольшая двухкомнатная квартира, очень запущенная, а потому неудобная. Старая рижская мебель, престижная в конце сороковых годов, а теперь уже исцарапанная, с потускневшим, местами облупившимся лаком. Хозяин — сухонький, легонький, в домашних брюках и тапочках, в старенькой защитной офицерской рубашке, давно утратившей первоначальный цвет. Этому живущему бобылем человеку за несколько дней до моего прихода исполнилось девяносто лет. Через год его не станет... А вот его фотография, сделанная, видимо, в пятидесятых: рослый, широкоплечий генерал-лейтенант, на мундире — и слева и справа — самые высокие награды, в том числе полководческие.

В свое время он занимал посты наркома внутренних дел Украинской ССР, начальника главного управления контрразведки и замминистра МГБ СССР, и замминистра МВД СССР. Именно он от МГБ обеспечивал безопасность и порядок на Красной площади при похоронах Сталина.

В интересующие нас предвоенные годы Василий Степанович Рясной был начальником того отделения в контрразведке, которое опекало посольство Германии и миссию тогдашней союзницы Словакии¹ в Москве.

Вот что рассказал В.С. Рясной:

«Работать с «Колонистом» мне поручил лично начальник контрразведки П.В. Федотов. Уже одно это означало, что высшее руководство придает этому парню с Урала особое значение. Появляться Кузнецову в нашем «Большом доме» было никак нельзя, поэтому я договорился с ним по телефону встретиться на площадке возле памятника первопечатнику Ивану Федорову. Узнали друг друга по описанию и приметам. Мне он понравился с первого взгляда. По всему чувствовалось, что этот молодой человек — ему еще и тридцати не было — личность, и личность неординарная. Я был старше его на девять лет, уже носил, если по-армейски, полковничьи «шпалы» в петлицах, занимал серьезную должность в центральном аппарате, тем не менее разговаривать с ним начальническим тоном не хотелось. У нас сразу сложились товарищеские отношения. Я никогда не давил на него, а он, в свою очередь, не пытался подладиться ко мне.

Остановился Кузнецов в гостинице «Урал», была тогда в Столешниковом переулке недорогая гостиница с рестораном, тоже недорогим, а потому популярным, тем более что кормили хорошо, кухня русская — печенка в горшочке по-строгановски, селедочка с отварным картофелем, грибки маринованные, соленья, и не какой-то там фабричный лимонад в бутылках, а холодный клюквенный морс по-домашнему... Теперь это здание дореволюционной постройки снесено.

¹ В результате мюнхенских соглашений Чехословакия была оккупирована немцами и расчленена. Чешская территория была присоединена к Германии в качестве «Протектората Чехия и Моравия». Южные районы Словакии отошли к хортистской Венгрии, остальная часть превращена в марионеточное государство «под защитой Германии» во главе с гитлеровским ставленником священником Йозефом Тисо.

Гостиница дело временное, потому было решено поселить его в одной из моих трех конспиративных квартир на улице Карла Маркса. Я был в ней прописан под фамилией Семенов, Кузнецова прописал как своего родственника. Квартира состояла из двух комнат. Окно одной комнаты выходило на улицу, вернее, в палисадник перед домом, другой — в боковой дворик между домами.

Из мебели имелись кровать, стулья, платяной шкаф, этажерка для книг, радиоприемник. На кухне газовая плита, столик, табуретки. О домашних холодильниках тогда никто и понятия не имел.

Главным объектом внимания нашего отделения были посольства Германии и Словакии, их дипломатический и технический персонал, квартиры дипломатов и сотрудников, не имеющих рангов.

Немецкое посольство располагалось на улице Станиславского (ныне снова Леонтьевский переулок), словацкая миссия на Малой Никитской, 18.

Штат германского посольства достигал двухсот человек. У одного только военного атташе генерал-майора Эриха Кестринга¹ было около двадцати сотрудников. Мы точно знали, что шпионажем занимались почти все. Нам также было известно, что представителем немецких спецслужб был советник посольства, глава его консульского

¹ Биография генерал-майора Эриха Кестринга весьма необычна. Он родился в... Тульской губернии, где его отец владел имением с романтическим названием Серебряные пруды. Закончил в Москве гимназию и Михайловское артиллерийское училище. Прослужив несколько лет в русской армии, перед Первой мировой войной выехал в Германию, где стал высокопоставленным офицером военной разведки уже армии кайзера Вильгельма II.

В годы Второй мировой войны занимал различные посты в вермахте, в частности возглавлял т.н. «добровольческие формирования», в том числе и власовские части. В конце войны сдился в плен американцам и уже в 1946 году оказался на свободе.

² Уже после войны стало известно, что господин фон Вальтер, руководивший шпионской работой в СССР, сам являлся... американским шпионом. Информацию он поставлял высокопоставленному сотруднику посольства США в Москве Чарльзу Болену. Впоследствии господин Ч. Болен в течение четырех лет был послом США в СССР.

отдела Генхард фон Вальтер². У него была любовница со странным именем Пуся — красивая, высокая, стройная блондинка лет тридцати. По должности — технический сотрудник аппарата военного атташе Кестринга.

Двоем, фон Вальтер и Пуся, вертели всем персоналом посольства, кроме, разумеется, трех-четырех самых высокопоставленных дипломатов. К слову сказать, Пуся откровенно заглядывалась на всех попадавшихся ей по дороге мужиков, была, грубо говоря, «слаба на передок». Это позволяло, как мы надеялись, найти к ней какие-то подходы.

В службе посольства мы имели свою агентуру, но собираемая ею информация большой ценности не представляла, так, крохи...»

В.С. Рясной не знал, что «соседи» — разведывательное управление Генерального штаба Красной Армии — имели среди персонала германского посольства своего человека. Им был заместитель заведующего отделом торговой политики советника Густава Хильгера — Герхард Кегель. Подпольщик, член Компартии Германии с 1931 года, соратник знаменитой ныне советской разведчицы Ильзы Штебе, впоследствии казненной гитлеровцами. Кегель регулярно встречался со своим советским куратором из военной разведки и передавал тому доступную ему по службе информацию.

За несколько месяцев до начала войны он сообщил интересную новость. В Москву под видом представителя химической промышленности Германии приехал странный человек, явно ничего в химии не смыслящий. Он был весьма молод, но почему-то все посольские «шишки» относились к нему с чрезвычайным почтением.

Однажды в узком кругу сотрудников после ужина с богатыми возлияниями в ресторане «Националь» этот «химик» разоткровенничался и сообщил, что война Германии против СССР начнется в ближайшее время, даже показал на карте исходные позиции немецкой армии и главные направления намечающихся ударов. От него Кегель впервые услышал выражение: «Наша цель выйти на линию А—А», что означало на линию Архангельск—Астрахань.

Звали этого эрудированного господина — Вальтер Шелленберг. Сотрудник «амт-IV» в РСХА, более известного как

гестапо, тогда имел чин всего лишь оберштурмбанфюрера СС¹.

Но в день нападения Германии на Советский Союз он станет шефом «амт-1У» в РСХА, то есть внешней разведки всемогущей эсэсовской службы безопасности — сокращенно СД. Войну Шелленберг закончит и пойдет под суд уже бригадефюрером СС.

Пока Кузнецов жил в «Урале», он успел присмотреться к специфической атмосфере Столешникова переулка. Здесь уцелел последний осколок нэпа, он стал центром, который словно магнит железные опилки притягивал к себе тьму спекулянтов, перекупщиков, жуликов, аферистов, карточных шулеров, сводников.

В дорогих магазинах, а их в Столешниковом во все времена было много, в том числе самый крупный в Москве ювелирный, существующий по сей день, и на тротуарах возле них постоянно клубилась сомнительная публика и конечно же иностранцы. Тут покупали и продавали драгоценности, меха, антиквариат, часы — товар по тем временам

¹ К сведению читателей приводим таблицу соотношения офицерских эсэсовских и воинских званий. Некоторые эсэсовцы имели одновременно звания офицеров войск СС, или полиции. Унтерштурмфюрер СС — лейтенант войск СС, оберштурмфюрер СС — обер-лейтенант войск СС, гауптштурмфюрер СС — капитан войск СС, штурмбаннфюрер СС — майор войск СС, оберштурмбаннфюрер СС — подполковник войск СС, штандартенфюрер СС — полковник войск СС, оберфюрер СС считался выше полковника войск СС, но ниже генерал-майора войск СС, погон носил полковничий, бригадефюрер СС — генерал-майор войск СС, группенфюрер СС — генерал-лейтенант войск СС, обертруппенфюрер СС — генерал рода войск. Если офицер служил не в войсках, а в полиции, то его эсэсовское звание приравнивалось к соответствующему званию в полиции. Так, известный шеф гестапо Генрих Мюллер был группенфюрером СС и генерал-лейтенантом полиции. Уже в ходе войны было введено фактически высшее эсэсовское звание — обертруппенфюрер СС, равное званию генерал-полковника войск СС. Насколько известно автору, его имели только четыре человека: военачальники Пауль Хауссер и «Зепп» Дитрих, шеф полиции порядка «орпо» Курт Далюге и казначей НСДАП Франц Шварц. У Генриха Гимmlера было единственное персональное звание рейхсфюрера СС, подобно тому, как Герман Геринг был единственным в Германии рейхсмаршалом. В СА (штурмовых отрядах) были такие же офицерские звания, за исключением первичного, оно называлось штурмфюрер СА.

дефицитный. В ближайших ресторанах — «Урале», «Арагви», «Астории», «Авроре», кафе и пивных барах теневые дельцы (таковые в Москве не переводились никогда) заключали крупные и мелкие сделки. Хватало в Столешниковом и модных дам, так сказать женщин из общества: красивых, ухоженных, хорошо одетых и... дорогих.

Николай Кузнецов в его московскую пору был все-таки еще и молодой, и в первые месяцы в чем-то провинциален. Его уральский опыт общения с женщинами здесь, в столице, особенно в Столешниковом, немногого стоил. Николай, и в том нет ничего удивительного, увлекся молодой художницей, жившей в большом доме на Петровке возле Пассажа. Несколько раз он встречал ее на улице, а потом как-то увидел на знаменитом, очень престижном динамовском катке на той же Петровке и завязал наконец знакомство. У нее было красивое имя Ксана и громкая фамилия Оболенская.

Ксане тоже понравился молодой летчик-командир тоже с необычным именем, к тому же заграничным — Руди. Летчики тогда вообще были всеобщими любимцами, особенно женщин. Очень скоро Кузнецов утратил свою первоначальную робость по отношению к заносчивым, высокомерным москвичкам, более того, он стал пользоваться у них бурным успехом. Однако навсегда сохранил какую-то зависимость от Ксаны.

Способная художница вела, что называется, светский образ жизни. У нее была тьма поклонников, в том числе знаменитости из мира кино и театра. Однажды Николай встретил в ее доме кинорежиссера-документалиста Романа Кармена, в другой раз — популярнейшего артиста Михаила Жарова.

Оболенская и Шмидт встречались до самой войны, когда осмотрительная Ксана быстро прикинула, что связь с этническим немцем, пусть трижды командиром Красной Армии, может обернуться для нее неприятностями, к сожалению, для этого предположения у нее были все основания — о поголовном выселении с родных мест семей Республики немцев Поволжья и ликвидации ее самой уже было известно. В столице тоже стали исчезать незаметно лица с немецкими фамилиями. Как бы то ни было, Оболенская навсегда ушла из жизни Шмидта.

Для Кузнецова это явилось тяжелым ударом, от которого он так и не оправился. Особенно расстроился, когда до него дошли слухи о том, что Ксана якобы вышла замуж за командира с чисто русской фамилией. Проверять слух, выяснять, что и как, он не стал — самолюбие не позволило.

Перед уходом из отряда в январе 1944 года на последнее задание во Львов Николай Иванович попросил своего командира Дмитрия Николаевича Медведева, чтобы тот, в случае его гибели, вернувшись в Москву, разыскал бы Ксану и рассказал ей, кем он был на самом деле.

Медведев просьбу выполнил. В начале зимы 1944 года, когда и он сам, и Кузнецов уже были удостоены звания Героя Советского Союза, он отправился на Петровку по известному ему адресу.

Домой вернулся злой, едва подавляя раздражение. Жена, Татьяна Ильинична, спросила было, как прошел разговор, Дмитрий Николаевич только отмахнулся, что было для него вовсе не характерно. Больше Татьяна Ильинична его об этом никогда не спрашивала. И без того ей все стало ясно.

Вернемся к рассказу В.С. Рясного:

«Колонист» быстро освоился в Столешниковом, втерся в среду, завязал знакомства с некоторыми завсегдатаями, завоевал их доверие, словом, стал своим. В Столешников всегда приезжал со стороны Хорошевки (якобы с аэродрома), выходил из троллейбуса у здания Моссовета, тогда еще двухэтажного, не надстроенного, проверялся и спускался вниз, к пятачку возле ювелирного.

Мы уже держали на примете человека, представляющего для нас значительный интерес с точки зрения возможности его вербовки на почве алчности. Это был мужчина лет тридцати пяти, прекрасно говоривший по-русски, лишь с легким акцентом. Однажды наши наружники проследили за ним после его очередного посещения Столешникова. Мужчина на троллейбусе доехал до станции «Маяковская», потом пешком дошел до Малой Никитской и скрылся за дверью здания, в котором располагалась миссия Словакии. Выяснилось, что спекулянт-незнакомец является... советником миссии по имени Гейза-Ладислав Крно и часто замещает посланника в его отсутствие.

Спустя несколько дней Кузнецов познакомился с дипломатом и вошел к нему в доверие. Оказывается,

Крно регулярно ездил в Братиславу и привозил оттуда, злоупотребляя дипломатической неприкосновенностью, на продажу ювелирные изделия и, главным образом, часы. Его заинтересованность в Кузнецове объяснялась просто: удобнее и безопаснее продавать контрабандный товар одному надежному посреднику, чем многим случайным покупателям.

Позже мы установили, что Крно был разведчиком, тем более странно, что он пустился в столь рискованную авантюру. Вот какова бывает сила жадности и стяжательства. Информированность Крно в германских делах была несомненна, чем он и привлек наше внимание к своей малопривлекательной особе».

Кузнецов поддерживал деловые связи с Крно на протяжении двух месяцев. За это время он приобрел оптом и сдал на Лубянку столько превосходных швейцарских часов, что руководство разрешило продать их «по себестоимости», то есть по весьма доступным ценам всем желающим сотрудникам, чтобы как-то окупить расходы. Естественно, что, покупая дефицитные тогда заграничные часы, сотрудники не подозревали об источнике их поступления.

Примечательно, что при знакомстве иностранец представился не словацким, а немецким дипломатом, называть его просил по-русски Иваном Андреевичем. Словно басенник дедушка Крылов... Меж тем, разумеется, Кузнецов отлично знал и его настоящую фамилию, и какую страну он на самом деле представляет. Впрочем, в этом знакомстве обе стороны пытались ввести друг друга в заблуждение: Кузнецов ведь тоже не был ни немцем, ни Шмидтом, ни инженером-испытателем.

Опять же примечательно, что Иван Андреевич — и это было не похоже на поведение карьерного дипломата — сам напросился на визит к Шмидту домой для заключения первой сделки. Правда, предпринял определенные меры предосторожности: по его просьбе они встретились в Староконюшенном переулке в районе Арбата. При этом дипломат переоделся в потрепанное пальто и кепку. Более того, во дворе дома Шмидта его ждала, тем самым подстраховывая, жена. Сказал, что если он не выйдет в обусловленное время, значит, попал в ловушку НКВД.

Ловушка-таки была подстроена, но не та, которой опасался Крно. Никакой засады, конечно, на первый раз не было, было иное.

Конспиративную квартиру 1-го отделения 3-го отдела ГУГБ с давних времен специалисты ГУГБ оснастили спецтехникой. Потому вся встреча Крно и Кузнецова оказалась запечатленной на фото пленку.

Все же Крно решил, что больше приходить к Шмидту домой не стоит, и от последующих приглашений отказался.

Впоследствии Крно настолько проникся доверием к Шмидту, что однажды разоткровенничался уже явно сверх меры.

— Я рад, — сказал он, — что случай свел меня с вами. Это первое удачное знакомство с момента моей работы в России. Я здесь с апреля 1940 года. Опыт тех стран, где я до этого работал, мало пригоден для России. Здесь много труднее. Большевики устроили народ, запугали его НКВД. Нам тоже не дают свободно работать. Хотя надо им дать понять, что ряд государств исчезли с карты не потому, что дипломаты из Германии завязывали те или иные знакомства, а потому что пришла непобедимая германская армия на их землю... Я работал во всех странах, теперь стертых германской армией с лица земли. Работал я в этих странах как сотрудник абвера... Здесь я тоже по этой специальности, мы изучаем методы работы НКВД, методы советской слежки за иностранцами, посольствами и отдельными гражданами. Чтобы вы не попались по незнанию, я вам сообщу кое-что из результатов наших наблюдений и изучения советской разведки... Поэтому не смейте заходить в посольство, хотя ваш вид может ввести их в заблуждение и они примут вас за иностранца...

Крно напрасно предостерегал своего нового знакомого: сотрудники наружного наблюдения ГУГБ уже обратили внимание на Шмидта (проходил под кличками «Фронт» и «Атлет») и регулярно докладывали начальству о его подозрительных связях. Сохранились в архивах соответствующие донесения и секретных сотрудников «Кэт» и «Надежды» (к слову: за женскими псевдонимами могли скрываться и мужчины). Соответствующие сводки поступили на стол самого наркома новообразованного НКГБ. Меркулов оказался в сложном положении: он, естественно, не мог отдать приказ об аресте своего спецаргента, но не мог и отдать распоряжение о прекращении наблюдения. Этим он мог бы раскрыть Шмидта перед «наружкой», что было совершенно недопустимо.

Достаточно умный человек, нарком наложил мудрую резолюцию: «Обратить внимание на Шмидта». Это означало: наблюдение продолжать, но не трогать.

Наконец руководство приняло решение перейти к активной работе, то есть вербовке. Для этого требовалось завлечь Крно на квартиру Кузнецова. Как-то дипломат в очередной раз вернулся из Братиславы и как обычно позвонил Руди. Телефон был предусмотрительно «посажен на кнопку». Николай сказал ему, что прийти на встречу (обычно их свидания происходили в Сокольниках или Центральном парке, однажды дипломат передал Шмидту большую партию товара в туалете Дома Союзов в антракте концерта «гвоздя сезона» — джаз-оркестра Эдди Рознера) не может, так как при аварийной посадке повредил ногу и в течение недели, а то и двух вынужден сидеть дома. Растерявшийся Крно спросил, что же делать с привезенным добром. Николай ответил, что у него есть хороший оптовый покупатель, который может сразу взять всю партию, поэтому он предлагает дипломату завезти ему товар домой. Чтобы развеять возможные подозрения, Николай попросил его даже купить для него кое-что из съестного: сосиски, хлеб, масло, бутылку молока. Весь визит, мол, займет не больше пяти минут. Крно колебался, прекрасно понимая, что ему, дипломату, лишний раз являться на дом к перекупщику, хоть и командиру Красной Армии, никак нельзя. Но жадность взяла верх над здравым смыслом. Он договорился о визите.

Кузнецову спешно забинтовали ногу, принесли костыли, на улице расставили людей для наружного наблюдения.

В назначенное время Крно приехал на трамвае номер 28, слез на остановке «Сад имени Баумана», дошел до нужного дома, проверился и нырнул в подъезд.

Кузнецов встретил его, прыгая на костылях, иногда морщился от боли. Тут он не слишком грешил истиной: ему наложили чересчур тугую повязку, ступня затекла, а перебинтовывать ногу было поздно. Крно ни в чем не усомнился. Дальше события разворачивались следующим образом.

Дипломат снял пиджак, под ним обнаружился широкий плотный пояс со множеством кармашков на молниях. В каждом лежало по паре мужских или дамских часов «мозер», «лонжин», «докса», других известных фирм, некоторые в золотых и серебряных корпусах.

В тот момент, когда Крно положил на стол тяжелый пояс, раздался звонок в дверь. Кузнецов проковылял на костылях в прихожую, отворил. Вошел Рясной с двумя оперативниками.

— Вам чего? — спросил Николай.

— Мы из домоуправления, в квартире под вами протечка потолка. Надо проверить ванную и кухню.

Трое вошли в прихожую, в раскрытую дверь комнаты увидели незнакомого человека без пиджака и какой-то странный предмет, вроде дамского корсажа на столе перед ним.

— А вы кто такой? — спросил Рясной.

Крно, побагровев, пробормотал что-то невнятное.

— Предъявите ваши документы.

— Но почему? — запротестовал Кузнецов. — Ваше дело протечка, вот и ищите ее.

— Никакой протечки нет, это предлог. Я начальник уголовного розыска района Семенов. К нам поступил сигнал, что в доме скрывается опасный преступник. Мы проверяем все квартиры подряд. Так что попрошу вашего гостя предъявить документы.

Крно растерялся. Меж тем один из оперативников уже расстегивал кармашки пояса и, словно знаменитый фокусник Эмиль Кио, извлекал из них одну пару часов за другой.

Между тем Николай, продолжая игру, прилег на кровать, поудобнее пристроив ногу.

— Я дипломат, — заявил Крно и трясущимися руками протянул Рясному свою аккредитационную карточку.

— В таком случае, — заявил псевдо-Семенов, бросив взгляд на груды часов, — я должен сообщить о вашем задержании в наркомат иностранных дел.

Он поднял трубку и стал наугад вращать диск. Крно схватил его за руку.

— Не надо!

Кузнецов вмешался:

— Мужики, кончайте базарить, сейчас ко мне врач придет.

Зайкаесь, весь вспотев, Крно стал умолять:

— Пожалуйста, не надо никуда звонить. — Указал пальцем на «патронташи» с часами. — Здесь целое состояние, забирайте хоть все.

По знаку Рясного оперативники вышли, но один из них перед этим вынул из-под плаща фотоаппарат ФЭД и сделал

несколько снимков. Уже все поняв, Крно окончательно сник.

— Часики нам не нужны, — ответил Рясной. — Но договориться можно.

Крно молча кивнул головой, он был на все согласен. Вербовка состоялась. О сотрудничестве, его условиях, формах связи договорились быстро.

Следующая встреча с дипломатом произошла на другой конспиративной квартире неподалеку от «Шарика» — так ласково называли москвичи завод шарикоподшипников — через три дня. Крно принес посольские шифры. В дальнейшем он доставлял множество секретных и важных документов, которые тут же переснимали специалисты. Крно также сообщал сведения, которыми с ним делились в германском посольстве, в частности о ходе военных действий в Югославии весной 1941 года, о подходе воинских частей вермахта к границам СССР, пересказывал свои беседы с германским послом Шуленбургом, его высказывания на регулярных встречах с послами стран прогерманской ориентации. Крно оказался кладезем полезной для руководства страны информации.

Теперь Кузнецов переключился на проникновение в посольство Германии.

Снова вернемся к рассказу В.С. Рясного:

«Одной из наиболее интересующих нас фигур в составе германского посольства был военно-морской атташе Норберт Вильгельм фон Баумбах, активный разведчик, прекрасно владеющий русским языком. Он много ездил и ходил по Москве, якшался с проститутками, имел агентуру, которую мы частично знали.

Баумбах один, без семьи, жил на улице Воровского (ныне снова Поварская), неподалеку от того здания, где потом обосновался театр Киноактера. Перед отделением была поставлена задача забраться в его документы, чтобы полностью выявить агентурную сеть. Знали, что дома он держит сейф, но квартира никогда не пустует — когда Баумбах отсутствует, в ней занимается хозяйством горничная, происхождением из русских немок, довольно миловидная особа лет тридцати.

Кузнецов познакомился с ней на нейтральной почве, завязал флирт, выяснил, когда точно по дням и часам Баумбах отсутствует. В подходящий день Кузнецов увел горничную в

кинотеатр «Баррикады», что на Пресне напротив зоопарка, мы же с мастером оперативно-технического отдела Пушкиным проникли в квартиру Баумбаха. Пушкин вскрыл сейф, вынул документы. Их пересняли и вернули на место, не оставив после себя никаких следов. Агентурная сеть гитлеровского разведчика была полностью выявлена, а затем и обезврежена. Самого Баумбаха мы потом сумели скомпрометировать на почве его чрезмерного увлечения женским полом — на квартире у Красных Ворот, где он развлекался с одной из своих, но и наших тоже знакомых. Прodelали это с помощью скрытых фотокамер.

В интересах контрразведки Кузнецов сумел очаровать горничных норвежского и иранского послов (обе были немками), а также жену личного камердинера посла Германии Ганса Флегеля Ирму. Потом, кстати, подобрался и к самому Флегелю. Он был страшным бабником, на этом подловили и его. Это тоже было значительное личное достижение Кузнецова. Флегель был настолько убежден в прогерманских и пронацистских симпатиях Шмидта, что на Рождество 1940 года подарил ему... членский значок НСДАП, а позже достал экземпляр книги Гитлера «Майн Кампф». Потом Кузнецов добился прямо-таки невероятного: во время очередного кратковременного отъезда Шуленбурга в Германию он уговорил камердинера показать ему квартиру посла в Чистом переулке (теперь в этом особняке резиденция патриарха) и потом составил точный план расположения комнат и подробнейшее описание кабинета. Не забыл даже указать, что на столе Шуленбурга стояли в рамках две фотографии: министра иностранных дел Германии фон Риббентропа и... берлинской любовницы, русской по происхождению...

От Флегеля мы узнали немало важного. В частности, он сообщил о любопытном и примечательном факте, подслушав разговор посла с одним из сотрудников, это уже было, кажется, в конце апреля 1941 года. Шуленбург тогда вернулся из Вены, где был принят Гитлером. В разговоре с фюрером посол сделал последнюю попытку отговорить его от нападения на СССР¹. Гитлер пришел в такую ярость,

¹ Посол Германии в Москве Фридрих Вернер граф фон дер Шуленбург (р. 1875) был убежденным противником войны с СССР. 10 ноября 1944 г он был казнен за участие в заговоре против Гитлера.

что смахнул на пол и вдребезги разбил дорогую настольную лампу.

Военный атташе посольства генерал Эрих Кестринг жил в особняке с наружной охраной в Хлебном переулке, 28¹. Он прекрасно владел русским языком, говорил без акцента. Проникнуть в его жилище обычным, накатанным способом было невозможно. Между тем обстановка на границе сгущалась, мы все понимали, что война на носу (она и разразилась через два месяца). Придумали такое: в полуподвал жилого дома рядом с особняком пришли строители. Жильцам объяснили, что произошел разрыв труб, нужен серьезный ремонт. На самом деле с торца дома прорыли подземный ход в подвал особняка, отсюда проникли в кабинет атташе, вскрыли сейф, пересняли важные документы, наставили повсюду «жучков» и успешно замели, как говорится, все следы своего визита.

От того же Флегеля и его жены мы узнали и о том, что уже в марте в подвале стали сжигать документы, а семьи дипломатов потихоньку, под невинными предложениями отправлять на родину. Когда началась война, мне и моим сотрудникам было поручено занять здания посольства и произвести в них тщательный обыск. Нашли много чего, в том числе и настоящий склад оружия. Занятно, что в неубранной постели вышеупомянутой Пуси обнаружили предмет, ранее никем из нас не виданный: солидных размеров искусственный мужской половой член, при сдавливании подсоединенной к нему резиновой груши он брызгал теплым молоком...

Последний раз я видел Николая Кузнецова 20 июля 1941 года, перед моим отъездом из Москвы. По приказу начальства я сопровождал специальный поезд с персоналом германского посольства в Армению, в Ленинакан. Здесь, на границе с Турцией, они были обменены на советских дипломатов и других граждан, застигнутых войной на территории третьего рейха.

В той самой КК на улице Карла Маркса выпили по рюмке и простились до победы.

Когда в ноябре 1944 года прочитал Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении ему с группой

¹ Когда-то особняк принадлежал композитору Алексею Верстовскому, автору оперы «Аскольдова могила», баллады «Черная шаль» и множества популярных романсов.

товарищей звания Героя Советского Союза, то не сразу и понял, что это наш «Колонист». Долго надеялся, что еще увидимся. Ведь в Указе слово «посмертно» после его фамилии не стояло...»

В. Рясной не мог знать, что в первые месяцы войны Кузнецов способствовал разработке сотрудника аппарата военного атташе... Японии!

По свидетельству П. Судоплатова, Кузнецов участвовал до войны в операциях по перехвату немецкой дипломатической почты, поскольку время от времени дипкурьеры останавливались не в германском посольстве, а в гостиницах «Метрополь» и «Националь».

Кузнецов так же активно участвовал в разработке взятых под подозрение контрразведчиков еще одного сотрудника японского посольства, члена германской торговой делегации Майера, венгерского гражданина с немецкой фамилией Шварце, представителя шведской авиакомпания Левенгагена, американского журналиста Джека Скотта, проявлявшего излишнюю любознательность, и ряда других лиц.

В ряде публикаций о Кузнецове утверждается (кстати, на основе его собственных писем и рассказов некоторым друзьям), что он участвовал в войне с Финляндией 1939—1940 годов, что тогда же с разведывательными заданиями (на это намекал) объездил всю Германию. Как уже отметил автор, содержание этих писем и рассказов — чистая мистификация, причина которой кроется в сугубо личных отношениях Николая с адресатами. Так, в одном из писем бывшему однокашнику он фантазирует только для того, чтобы утереть нос за былые обиды, подлинные или воображаемые, уже не имеет значения. Явление не такое уж редкое и необычное в определенном возрасте.

...На самом деле Николай Кузнецов за границей никогда не был, за пределы Москвы в служебные командировки выезжал два-три раза, в том числе в Западную Украину.

Произошло это так...

Весной 1941 года чекисты обратили внимание на то, что один из сотрудников германского посольства, занимавший в иерархической табели о рангах ступеньку весьма незначительную, вдруг изъявил желание съездить в Черновицы.

Просьба вполне заурядная, но сотрудник этот — назовем его «Карл» — был установленным опытным разведчиком,

гауптштурмфюрером СС, ранее работавшим в Чехословакии, Венгрии и Польше. Формальный предлог для поездки — выявление лиц немецкого происхождения, желающих репатрироваться на историческую родину (это предусматривалось соглашением между Германией и СССР). Но такие лица фактически покинули Западную Украину и Западную Белоруссию, а также прибалтийские республики еще в 1939—1940 годах. В Черновицах за Карлом наблюдали — безрезультатно. Теперь вот от него поступила повторная заявка на поездку в Черновицы. Что же такое особенно заинтересовало опытного разведчика в маленьком, красивом и уютном городе на берегу Прута?

Кузнецову предложили поехать в Черновицы и завязать с Карлом знакомство. Билет ему купили в то же самое купе, в котором должен был ехать и немецкий дипломат. Этим же поездом выехал и оперативный работник сопровождения.

В дороге представились друг другу самым естественным образом, как и положено в дороге попутчикам.

— Лев Михайлович, — первым назвалса высокий молодой мужчина с небольшим саквояжем, вошедший в купе вторым. — Работник сферы культуры.

(Кузнецов был предупрежден, что при случайных знакомствах Карл представляется по-русски, так что собеседник естественно полагает, что имеет дело с соотечественником, то есть советским гражданином.)

— Рудольф Вильгельмович, авиационный инженер, — назвал себя Кузнецов, протягивая попутчику руку.

Отметил, как чуть дрогнули губы Карла, когда тот услышал немецкое имя и отчество.

Вместе они вечером сходили в вагон-ресторан, поужинали, немного выпили — Кузнецов был к спиртному совершенно равнодушен, но при надобности мог составить компанию, при этом держал алкоголь хорошо, никогда не пьянея. Вернувшись в купе, долго болтали на разные темы, сыграли несколько партий в шахматы. Утром, за завтраком и чаем, «Лев Михайлович» как бы между прочим полюбопытствовал, почему у советского инженера немецкие имя и отчество.

— Так я и есть немец, — простодушно рассмеялся Николай. — У меня и фамилия немецкая — Шмидт. Мои родители переселились в Россию задолго до войны. Дома говорили по-немецки.

(Тут следует заметить, что, готовясь к исполнению роли Шмидта, чьи родители происходили из Саара, Николай научился говорить по-немецки с архаизмами начала века, к тому же характерными именно для этой земли, именно так, как должны были бы говорить его мифические родители).

И снова у попутчика что-то дрогнуло в лице.

Расставаясь на перроне Черновицкого вокзала, новые знакомцы договорились продолжить знакомство в Москве. Впрочем, предложил Лев Михайлович, почему бы им не пообедать как-нибудь и здесь. Условились встретиться через два дня в три часа в ресторане гостиницы «Палас» на улице Регины Марии, тогда лучшей в городе.

Эти два дня местные контрразведчики неотступно следовали за Карлом. И на этот раз он не совершил ничего противоправного или просто подозрительного. Заинтересовало их лишь одно обстоятельство: каждое утро Карл сам умело вел наблюдение за Шмидтом — проверял, действительно ли тот посещает предприятие, на которое был командирован своим заводом. Это был хороший признак: значит, немецкий разведчик всерьез взял Шмидта на замету.

За обедом в «Паласе» попутчики вели себя почти как старые знакомые.

Разговор был оживленный, на самую разную тематику, но, как показало позже прослушивание пленок звукозаписи, Лев Михайлович ненавязчиво, но весьма умело прошуupal биографию Шмидта.

В Москве они встретились несколько раз. Карл явно, хотя весьма осторожно и профессионально, вел дело к вербовке Шмидта, нажимая на природную любовь каждого этнического немца к фатерланду. В конце концов он признался Шмидту, что тоже немец. Немного пооткровенничал: сказал, что война Германии и СССР неминуема и близка, что все немцы по происхождению, проживающие в Советском Союзе, должны оказывать армии фюрера полнейшую поддержку в эти исторические дни, и тогда после победы их ждут признание и награда.

Как и предвидели в контрразведке, когда готовили эту подставу, Карл, завербовав Шмидта, стал давать ему задания вроде бы простенькие, а на самом деле — весьма серьезные. Например, ему поручили выяснить, что привело к гибели

летчика-испытателя Алексева. Кузнецову эта фамилия ничего не говорила, но в наркоматах обороны и авиационной промышленности сразу поняли, что к чему...

Еще со времен Вильгельма Штибера¹ немцы считались в Европе новаторами в области шпионажа. Раньше других они оценили возможности воздушной разведки. К началу тридцатых годов использование аэрофотосъемки было уже далеко не новинкой. И все же немцы, и это при полном запрете Версальским договором иметь военную авиацию, опередили своих бывших (и будущих) противников. В нарушение норм международного права и условий Версаля они стали производить аэрофотосъемку сопредельных государств в мирное время. Причем, что весьма показательно, еще до того, как Адольф Гитлер в 1935 году открыто порвал со всеми ограничениями Версаля и приступил к формированию полумиллионного вермахта, а также военно-воздушных (люфтваффе) и военно-морских (кригсмарине) сил.

Для этих целей немцы использовали специальную эскадрилью «Ровель», названную так по имени ее создателя и командира Теодора Ровеля (иногда в литературе встречается написание Рувель).

Ас Первой мировой войны, Ровель в мае 1929 года на одномоторном самолете конструктора Гуго Юнкера «Ju-34» установил мировой рекорд высоты, поднявшись на 12540 метров. Тогда же он в качестве вольнонаемного служащего поступил на службу в абвер, где и создал звено, которое для маскировки скромно и неопределенно называлось «Экспериментальный пост высотных полетов». Уже тогда самолеты Ровеля с аэродрома в Киле проводили аэрофотосъемку Польши и демилитаризованной Рейнской области.

¹ Штибер, Вильгельм (1818–1882) — считается, что именно он совершил в XIX веке переворот в организации разведки и тайной полиции. Штибер вывел знаменитую триаду: «Шпионом может быть каждый», «Шпионом должен быть каждый» и «Нет такой тайны, которую нельзя было бы выведать». Он превратил шпионаж в массовую профессию. Его агентами были жены министров и проститутки, гвардейские офицеры и карманные воры, профессора и официанты... Он же вывел формулу: «Нет отбросов, есть кадры». Считается, что в известной мере благодаря Штиберу пруссаки так легко разгромили Австрию, а затем и Францию.

Вскоре Ровель, как и тысячи других бывших офицеров, восстал на службе в вооруженных силах. Теперь у него было в распоряжении пять двухмоторных самолетов и группа опытных пилотов-ветеранов. Эскадрилья из Киля перебазировалась на аэродром Штаакен в Западном Берлине. Отсюда немцы начали регулярные полеты и над территорией Советского Союза, вели, в частности, разведку Кронштадтской военно-морской базы, Ленинграда, промышленных районов Пскова и Минска.

Теодор Ровель лично пролетел вдоль Рейна и сделал перспективные съемки возводимых французами укреплений «линии Мажино». С помощью стереографической аппаратуры он отснял также фортификационные сооружения Чехословакии. Снимки произвели огромное впечатление на командующего люфтваффе, бывшего капитана времен мировой войны, которого президент Гинденбург произвел сразу в генералы, Германа Геринга. (Уникальное звание рейхсмаршала Гитлер присвоит Герингу в 1940 году за особые заслуги в разгроме Польши и Франции.)

Геринг попросил шефа абвера адмирала Вильгельма Канариса представить ему Ровеля, что и было сделано в 1936 году. Возможности Геринга были несравнимы с таковыми Канариса. Потому было решено передать группу Ровеля в 5-е (разведывательное) отделение генерального штаба люфтваффе.

Группа была официально переименована в «Эскадрилья специального назначения». Ровель и его летчики получили новенькие самолеты «He-111». Экипаж такого самолета конструкции Эрнста Хейнкеля состоял уже из четырех человек. «He-111» обладал дальностью полета до 3000 километров, установленная на нем новейшая цейссовская оптика позволяла делать великолепные фотографии с высоты 10 тысяч метров. Радиолокаторов тогда еще не существовало, и в полете самолеты-шпионы с земли были невидимы и неслышимы. Лишь в некоторых случаях самолет можно было обнаружить по инверсионному следу — но это средствами ПВО ничуть не помогало, лишь позволяло отметить сам факт нарушения воздушного пространства.

Если требовалось произвести аэрофотосъемку крупного города с меньших высот, на самолеты наносили опознавательные знаки гражданской авиации. Одеты в штатские костюмы

пилоты и штурманы делали вид, что осваивают новые трассы для немецкой авиакомпании «Дойче Люфтганза».

Когда Германия и СССР заключили пакт 1939 года, летчики Ровеля прекратили полеты над советской территорией... на целый месяц.

По-видимому, до немцев дошли слухи о том, что известный советский летчик Михаил Ульянович Алексеев на истребителе И-16 конструкции Николая Николаевича Петлякова испытывал новый форсированный двигатель, позволяющий серийному самолету-истребителю забираться на высоту за 10 тысяч метров. Действительно, в одном из полетов самолет потерпел катастрофу и Алексеев погиб.

Эта информация не могла не встревожить и спецслужбы и люфтваффе Германии. Появление у советских ВВС высотных истребителей создавало реальную угрозу не только продолжению разведывательных полетов эскадрильи Ровеля, но и бомбардировочной авиации люфтваффе в целом.

Контрразведка НКВД не могла достоверно знать, какой именно информацией обладают немцы, выдача им через Шмидта заведомой «дезы» могло скомпрометировать ценного разведчика. Проблема обсуждалась на высоком уровне совместно тремя заинтересованными ведомствами. Решено было просьбу немцев «уважить», передать им информацию, близкую к истинной, но дозированно, с соблюдением собственных интересов.

Результат игры был положительным. На очередной встрече немецкий разведчик сказал Кузнецову: «Должен вам сообщить, что я посвятил 15 минут для беседы с военным атташе генералом Кестрингом лично о вас. Я подробно описал генералу Кестрингу весь ход и развитие нашего с вами знакомства и связей. Он очень заинтересован работать с вами и просил передать и твердо обещать следующее: при первой же необходимости или вашем желании перебраться в Германию вам будут предоставлены все находящиеся в нашем распоряжении средства». Затем Карл подошел к тому делу, из-за которого, собственно, и ездил в Черновицы.

Оказывается, в этом городе много лет — еще со времен Первой мировой войны — жил старый, заслуженный агент немецкой разведки. После революции в России, гражданской войны и прочих событий этот шпион — некто Десидор Кестнер — был законсервирован.

За годы, предшествовавшие воссоединению Северной Буковины с УССР, Кестнер разбогател, стал владельцем ювелирной мастерской и магазина. В Берлине приняли решение вывезти старика в Германию. В первую свою поездку в Черновицы Карл передал Кестнеру выездные анкеты, тот мог бы уже давно и спокойно выехать в фатерланд. Но все дело в том, что советские таможенные власти ни за что не пропустили бы за кордон огромные ценности — ювелирные изделия и валюту, которые Кестнер сумел припрятать при национализации своей мастерской и магазина. Когда Карл вторично приехал в Черновицы, чтобы попытаться заполучить эти ценности, доставить их в Москву, чтобы потом переправить в Берлин с дипломатической почтой, ему не повезло. Кестнер неожиданно перед самым его появлением очутился в больнице. Аппендицит, острый приступ. Тяжелая, с учетом возраста и состояния здоровья больного, операция.

В третий раз подряд ни ему, Карлу, ни другому немецкому дипломату ехать в Черновицы нельзя, слишком уж будет подозрительно. Вот если он, советский гражданин со знаменитой теперь фамилией Шмидт, съездит в Черновицы, разыщет на улице Мирона Костина дом 11-а, спросит Кестнера, представится сотрудником германского посольства Рудольфом Фальке, назовет пароль...

Все было понятно. А с фамилией Карл хорошо подметил: в прошлый приезд Николая приняли за родственника знаменитого полярника, хотели поселить непременно в «люксе»...

Шмидт выполнил задание немецкой разведки. 17 апреля 1941 года он приехал в Черновицы, дважды встретился с Кестнером — у него дома и в гостинице «Палас». И привез в Москву небольшой, но очень тяжелый чемоданчик.

Драгоценности на внушительную сумму, а также иностранная валюта так никогда в Берлин и не попали. Папаша Кестнер тоже.

Как Карл отчитался перед своим начальством за их пропажу — осталось неизвестно. Вскоре разразилась война, и инженер Шмидт так и остался не дешифрован немецкой разведкой. Впрочем, это уже не имело особого значения. Рудольфу Вильгельмовичу Шмидту все равно предстояло исчезнуть. Чтобы уступить место Паулю Вильгельму Зиберту.

Глава 6

В старых газетных подшивках в номерах от 22 июня 1941 года — самая обычная, сугубо мирная информация о жизни страны. В этот день на Центральном стадионе «Динамо» должен был состояться большой спортивный праздник, посвященный окончанию учебного года. На трибуны приглашены тридцать тысяч выпускников московских школ. В Большом театре объявлена премьера оперы Шарля Гуно «Ромео и Джульетта» с Сергеем Лемешевым и Валерией Барсовой в заглавных партиях.

К столетию со дня смерти М.Ю. Лермонтова наркомат связи выпустил две почтовые марки, посвященные памяти великого поэта. К этой же дате приурочен выход на экраны кинофильма «Маскарад» с Николаем Мордвиновым в роли Арбенина. Музыка к картине написал Арам Хачатурян.

Публиковали газеты также сводку о ходе сева яровых, сообщения о работах советских физиков над проблемами атомного ядра и космических лучей, об успехах станкостроителей завода «Красный пролетарий» и начале лова акул у побережья полуострова Канин.

Мелким шрифтом — информация о войне в Западной Европе: за предыдущую неделю над Англией сбито 17 немецких самолетов.

Газеты набирались и печатались ночью, в киоски поступили ранним утром, когда вся западная граница уже полыхала в огне, а на Киев, Минск, Севастополь упали первые бомбы. Москвичи узнали о войне лишь в полдень из экстренного правительственного заявления, сделанного заместителем председателя Совнаркома и наркомом иностранных дел СССР В.М. Молотовым.

Заключительные слова заявления: «Наше дело правое! Враг будет разбит! Победа будет за нами!» на долгие 1418 дней и ночей стали смыслом жизни и смерти всего многомиллионного народа.

Николай Кузнецов переживал в эти черные минуты те же чувства, что и каждый советский человек: гнев и ненависть к захватчикам. Но удивлен не был. Слишком хорошо знал Германию, слишком точно был осведомлен о лихорадочной, но и весьма обстоятельной подготовке фюрера и его генералов к нападению на СССР. Не могло у него быть и шапко-

закидательских настроений, надежд на быструю и малой кровью победу. Популярную в те годы песню «Если завтра война» всерьез не принимал. И не потому, что не верил в силу Красной Армии. Просто достаточно трезво представлял мощь и опыт вермахта, технико-промышленный потенциал Германии, располагавшей военными заводами и ресурсами почти всей оккупированной Европы.

Кузнецов твердо и с самого первого часа знал: война будет страшная и кровопролитная. Какой еще не случалось в истории. Но вот что характерно и примечательно: точно так думали тогда, 22 июня, почти все советские люди, хотя большинство из них не было информировано на сей счет в той мере, как профессиональный контрразведчик Кузнецов, именно на Германии специализировавшийся.

Николай включил портативный, но достаточно сильный в коротковолновом диапазоне радиоприемник «Хорнифон». Привычно настроился на Берлин. Передавали браваурную музыку, специально, как потом выяснилось, написанную к этому дню песню вермахта «Фюрер, вели, мы выполним твой приказ!», потом дикторское изложение выступления министра пропаганды Геббельса. Ответственность за войну, разумеется, в нем полностью возлагалась на СССР, якобы нарушивший пакт. Потом следовала короткая сводка: победоносные германские войска продвигались по всему фронту в пять тысяч километров протяженностью в глубь советской территории.

Хватит... Щелкнул тумблером. Поднял трубку телефона и набрал номер Рясного. Позвонил еще несколькими знакомым сотрудникам управления. Результат тот же — длинные гудки. Хотелось выйти на улицу, послушать, что люди говорят. Сдержал себя. Надо дозвониться хоть кому-нибудь либо самому дождаться звонка.

Ближе к вечеру позвонил Райхман.

— Слышал радио?

— Слышал...

— Надолго никуда не уходи. Жди распоряжений...

Не прощаясь положил трубку.

Второй звонок последовал совсем затемно. Инструкция была короткой: никаких шагов самому не предпринимать, звонками никому не надоедать, надолго квартиру не оставлять, надолго телефон не занимать. Ждать дальнейших указаний.

День за днем раскручивался маховик войны. Советские сводки были уклончивы и туманны. Понять из них что-либо о реальном положении на фронтах было затруднительно. Но скрыть сдачу крупнейших городов, таких как Минск, Рига, Таллин, Вильнюс, наконец, Киев, сам факт неслыханных потерь, утрату огромных территорий было невозможно.

Кузнецов слушал и немецкие сводки. В первые же дни всем владельцам радиоприемников (тогда они регистрировались в обязательном порядке, словно оружие) было предложено сдать их на специальные склады — на хранение, впредь до особого распоряжения. Николаю, однако, руководство оставило его «Хорнифон». Но и немецкие сообщения не давали правдивой информации, если им верить, то Красной Армии давно уже не существовало. Оставалось лишь гадать, кто же в таком случае оказывает столь ожесточенное сопротивление не знавшему ранее преград вермахту? В первый же день войны в Москве было объявлено угрожаемое положение. Вводилось затемнение всех жилых зданий, фабрик, заводов, учреждений, транспортных средств. Населению раздавались противогазы. В продаже появились и шли нарасхват синие лампочки и ручные фонарики со шторками. Приводились в готовность бомбоубежища, для оповещения населения установлены были сигналы «воздушной тревоги» и «отбоя».

Повсюду создавались группы и отряды МПВО — местной противовоздушной обороны.

А душным вечером 21 июля в 22 часа 7 минут впервые в столице завывали сирены... Головная волна немецких самолетов была замечена на линии Рославль—Смоленск на высоте 2500—3000 метров. Налет длился несколько часов. Основная масса «юнкерсов» и «хейнкелей» была отогнана советскими истребителями и зенитным заградительным огнем. Но первые жертвы и разрушения в городе все же появились. Война быстро изменила облик города, его площадей и улиц. Зеркальные витрины центральных магазинов заложили мешками с песком. На стенах домов масляной краской стрелы — указатели ближайших бомбоубежищ. Перекрещены бумажными полосками окна квартир. Серебристо-тусклые туши аэростатов заграждения в ночном небе. Счетверенные зенитные пулеметы на крышах.

Почти каждую ночь надсадно завывали сирены воздушной тревоги, вонзались в черноту беспощадные дымящиеся лучи прожекторов, яростно и неумолчно рвали воздух зенитки, осыпая мостовые градом звонких стальных осколков с зазубренными краями. И каждое утро дворничихи заливали доверху водой сорокаведерные бочки на чердаках и лестничных площадках всех домов в городе. Еще до дворничих немногочисленные оставшиеся в городе мальчишки выбирали со дна блестящие черные стабилизаторы и обгорелые корпуса немецких зажигалок. Бойцы МПВО тушили их в бочках с песком на дне во время налетов.

Город защищали как могли, в том числе и средствами маскировки. Мавзолей В.И. Ленина на Красной площади был накрыт макетом двухэтажного дома, золотые купола кремлевских соборов покрыты защитной краской, рубиновые звезды на башнях зачехлены. Замаскированы — умело и эффективно — были крупные здания, могущие стать ориентирами для немецких пилотов: Большой театр, Центральный телеграф, гостиница «Москва», МОГЭС вместе с трубами и даже — под улицу — Обводной канал.

Массированные налеты продолжались до 20 ноября. Были разрушены жилые дома на Моховой, улицах Горького и Фрунзе, в Мерзляковском переулке и на Овчинниковской набережной. Бомбы поразили здания Большого театра, Центрального комитета ВКП(б), театра имени Е. Вахтангова — при этом погиб политрук группы МПВО заслуженный артист республики Василий Куза. Пятнадцать фугасок и сотни зажигательных бомб упали на территорию Кремля. От взрывов и при тушении пожаров погибли более 90 воинов кремлевского гарнизона.

Сгорела полностью Книжная палата на улице Чайковского, с великим трудом пожарные и бойцы МПВО отстояли от огня музей-усадьбу Л. Толстого в Хамовниках, Третьяковскую галерею, консерваторию.

Но при всех потерях было очевидно, что план гитлеровского командования парализовать жизнь советской столицы бомбардировками с воздуха сорван. С 21 июля 1941 года по апрель 1942 года в налетах на Москву участвовало 8600 самолетов. Из них 1392 было сбито. Непосредственно к городу смогли прорваться лишь 234. Остальные, сбросив бомбы на подмосковные леса и огороды, вынуждены были

вернуться на свои аэродромы, так и не выполнив приказ рейхсмаршала Геринга.

Очень скоро стала ощущаться нехватка продовольствия, и в городе ввели карточки различных категорий: для рабочих, служащих, иждивенцев, детей. Впрочем, ребятишек в городе заметно поубавилось. Большинство было эвакуировано в глубь страны. Школы в первую военную зиму в Москве не функционировали, в их зданиях, как правило, были развернуты госпитали.

Во многих газетно-журнальных публикациях и даже серьезных книгах утверждается, что, дескать, Гитлер уже назначил парад победителей на Красной площади и банкет для отличившихся при взятии столицы СССР солдат, офицеров и генералов. Якобы уже были отпечатаны на лучшей бумаге с золотым обрезом пригласительные билеты и на парад, и на банкет в ресторане лучшей московской гостиницы «Метрополь». Правда, в документах ни одного разгромленного немецкого штаба, а позднее и в берлинских архивах оных приглашений обнаружить не удалось. Это — один из мифов, связанных с личностью фюрера.

Но зато был захвачен — автор держал его в руках — другой, куда более интересный документ. Его составил начальник VII (идеологического) управления Главного управления имперской безопасности (РСХА) штандартенфюрер СС профессор Альфред Франц Зикс. Документ представлял несколько книг в обложках розовато-брусничного цвета и назывался «Специальный розыскной список для СССР». Советские граждане, удостоенные чести быть занесенными в его I-й том, озаглавленный «Персональная часть», должны были быть при обнаружении немедленно арестованы и переданы в соответствующее управление и реферат РСХА. Дальнейшее, надо полагать, не сулило им ничего хорошего.

Список, составленный по алфавиту, насчитывал 5 тысяч 256 фамилий. Приведем лишь некоторые.

T93 — Алексей Николаевич Толстой.

G113— Эмиль Григорьевич Гилельс.

E21 — Илья Григорьевич Эренбург.

Был в этом списке один из первых Героев Советского Союза знаменитый летчик Сергей Данилин и главный редактор журнала «Машиностроение» будущий Герой Советского Союза Цезарь Куников...

Фамилии старшего лейтенанта ВВС Р.В. Шмидта в этом перечне не было и быть не могло. Однако она наверняка значилась в каком-либо другом списке — с фамилиями лиц, на которых могли положиться будущие оккупационные власти.

Наконец, что тоже вовсе не миф — это образование в системе Министерства по делам оккупированных восточных территорий будущего рейхскомиссариата «Москва», включавшего всю Центральную Россию до самого Урала. Намечен был и будущий рейхскомиссар Москвы — обергруппенфюрер СА Зигфрид Каше.

Гражданин Рудольф Вильгельмович Шмидт на самом деле нигде не работал, так называемому бронированию от мобилизации в Красную Армию не подлежал. Между тем по всему городу дено и ношно ходили группами по трое вооруженные комендантские патрули, они имели право проверять документы не только у подозрительных лиц, но вообще у всех мужчин призывного возраста. Если у них не оказывалось а военном билете отметки о бронировании (таковые ставились незаменимым специалистам и высококвалифицированным рабочим оборонных заводов), задержанных незамедлительно препровождали в ближайший призывной участок. Гражданин Шмидт, как этнический немец, вообще мог быть подвергнут депортации далеко на Восток.

Контрразведке пришлось предпринять необходимые меры, чтобы обезопасить Кузнецова от подобных неприятностей, да и пайком обеспечить.

Разумеется, Кузнецов много думал о своем месте в войне. Он не проходил, так случилось, действительную службу, не был командиром запаса и прекрасно понимал, что в качестве рядового необученного красноармейца он в свои тридцать лет особой ценности не представляет. Да и не отпустит его ни в армию, ни в народное ополчение (оно уже формировалось в Москве) руководство управления. Все же он сделал попытку попасть в воздушно-десантные войска. Даже успел написать некоторым близким, что в составе таковых вот-вот отправится на фронт. Прыгать с парашютом, и много, Кузнецову в скором времени довелось, но десантником он не стал, а во вражеский тыл опустился с парашютом лишь единожды, да и то год спустя.

Руководители Кузнецова дальновидно рассудили, что человека с таким знанием немецкого языка и Германии, с опытом контрразведывательной и разведывательной работы использовать в обычном парашютно-десантном подразделении просто нецелесообразно.

В определенном смысле Кузнецов был действительно уникалом. К этому времени, кроме усредненного чистого «хохойч», он владел семью диалектами немецкого языка, умел говорить по-русски с немецким акцентом.

Кузнецов не знал, что в первые же дни после 22 июня его фамилия была внесена в некий список, в котором значилось совсем немного фамилий. Из этого списка людей на фронт не отправляли. Их забрасывали, или, по терминологии разведчиков, «запускали», за линию фронта. И не в составе подразделений, а поодиночке, иногда маленькими группами. В этом списке ему был присвоен позднее еще один псевдоним — «Пух».

Личные достоинства этих людей, их знания, способности, опыт, даже внешность позволяли использовать их в условиях сложных и специфических. Танкисты, летчики, артиллеристы тоже нужны были Родине. Но научить человека водить танк, управлять самолетом, стрелять из пушки все-таки легче, чем сделать его своим солдатом в стане врагов.

...Меж тем в октябре 1941 года немцы подошли к Москве, что называется, на расстояние выстрела из дальнобойного орудия. Уже были захвачены многие поселки и деревни, где москвичи снимали на лето дачи, куда предприятия отправляли в пионерские лагеря детей своих рабочих и служащих.

Заводы, в первую очередь оборонные, спешно вывозились на восток, на Урал и в Сибирь. Многие правительственные учреждения и дипломатические представительства эвакуировались в Куйбышев (ныне снова Самара).

Постановлением Государственного комитета обороны (ГКО) в Москве и прилегающих районах было введено осадное положение. Не исключался прорыв передовых частей врага в столицу. На этот случай в самом городе было определено три оборонительных рубежа: по окружной железной дороге, Садовому кольцу, Бульварному кольцу. Повсюду возводились долговременные оборонительные

точки, устанавливались противотанковые надолбы и «ежи», строились баррикады.

В частности, защищать город должны были и формируемые специальные подразделения НКВД, одно из них должно было разместиться даже в... Доме Союзов! Их руководство перебрасывалось с Лубянки в здание Пожарного училища неподалеку от Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Эти подразделения получили приказ быть готовыми к обороне самого центра столицы. В обстановке строжайшей тайны минировались, готовились к взрыву мосты, особо важные объекты и предприятия.

На случай, если немцы все-таки захватят Москву, в ней заранее создавались независимые друг от друга разведывательные и диверсионные сети. Одной из них, к примеру, должен был руководить майор госбезопасности Виктор Дроздов, для конспирации он был даже назначен заместителем начальника... аптечного управления Москвы!

Другим подпольем должен был руководить начальник контрразведки Петр Федотов. Одна из групп этой сети, возглавляемая бывшим белым офицером, ставшим известным советским композитором Львом Книппером (автором популярнейшей песни «Полюшко-поле»), должна была уничтожить Гитлера в случае его прибытия в Москву. Мало кто знал, что Книппер был братом постоянно проживающей в Германии знаменитой актрисы Ольги Чеховой, которая одно время была женой еще более знаменитого артиста — Михаила Чехова, племянника гениального классика русской литературы. В свою очередь, Ольга и Лев были племянниками ведущей актрисы МХАТа, народной артистки СССР, вдовы писателя Ольги Леонардовны Книппер-Чеховой. Ольга Чехова вращалась в высших кругах третьего рейха, что давало ей возможность оказывать серьезные услуги нашей разведке.

В этой разветвленной сети, которая, к счастью, так и не была задействована, свое место было отведено и «Колонисту».

Нет надобности описывать то, что хорошо известно читателю из истории. Не знающий дотоле поражения вермахт был остановлен под Москвой, понес неслыханные потери в силе и технике и отброшен от столицы на многие десятки километров.

И снова для Кузнецова потянулись долгие, томительные месяцы ожидания в бездействии (хотя и не в безделье). Ра-

порт за рапортом и отказ за отказом. Он бродил по городу и стыдился собственной молодости и здоровья — мужчин его лет в то время в столице можно было встретить лишь в военной форме или на костылях. Николай поймал себя как-то на мысли, что стесняется присесть в трамвае на свободное место, дабы избежать укоризненных, а то и презрительных взглядов всего вагона.

Уже воевал младший брат Виктор, а он, старший, все еще топтал асфальт московских улиц.

Виктор был призван в Красную Армию в мае 1940 года. К месту службы ехал из Уфы, где тогда жил, через Москву, и братья встретились после двухлетней разлуки. Виктор служил шофером в Барановичах. Его воинская часть приняла боевое крещение в первые же дни войны. Под городом Ярцево в Смоленской области подразделение оказалось в окружении и тридцать четыре дня пробивалось к своим. В ночь с 6 на 7 ноября группа, в которой находился Виктор, под Волоколамском прорвалась через линию фронта. Оттуда «окруженцев» (этот термин вошел в обиход) направили на переформирование в подмосковный город Клязьму.

Ранним утром команда Виктора прибыла на Ржевский вокзал. Из первого же телефона-автомата он позвонил брату. Минут через сорок Николай уже был на привокзальной площади и обнимал Виктора, от которого не имел вестей с самого 22 июня. Старший по команде командир разрешил своему бойцу отлучиться на три часа, и братья поехали к Николаю.

Долго и откровенно Виктор рассказывал о больших потерях Красной Армии убитыми, пленными, о преимуществе врага в авиации, танках, автоматическом оружии, в организации и порядке. Однако не сомневался, что скоро немцев остановят, а там и назад погонят. Приводил примеры мужества и стойкости красноармейцев, всенародного сопротивления оккупантам, ему уже пришлось встречаться, на долгом пути к фронту и с партизанами. Сам Виктор сумел сохранить в этой сложной и опасной обстановке и оружие, и партийный билет.

Подошла пора младшему брату отправляться на Ярославский вокзал. На прощание он подарил старшему безопасную бритву и запас лезвий. Николай ничего не сказал Виктору, чем он занимается в Москве, а тот с расспросами не приставал, видимо, сам кое о чем догадывался.

Между тем, невзирая на бомбардировки, трудный военный быт, Москва жила и работала. Каждое утро переполненные трамваи и троллейбусы развозили тысячи москвичей по фабрикам и заводам, в классных комнатах школ, превращенных в госпитальные палаты, склонялись над ранеными врачи и сиделки, на пустырях вчерашние девятиклассники изучали трехлинейки и ползали по-пластунски. И совсем как до войны заполняли по вечерам театральные и концертные залы зрители, на экранах кинотеатров и клубов шли «Боевые киносборники» и довоенная комедия «Сердца четырех» с популярнейшими тогда актрисами Валентиной Серовой и Людмилой Целиковской.

В это же время в «Большом доме» на Лубянке проводилась серьезная реорганизация. Как уже было сказано ранее, два наркомата — НКВД и НКГБ — снова были слиты. Наркомом объединенного НКВД стал Л.П. Берия, бывший нарком НКГБ В.Н. Меркулов снова стал его первым заместителем.

Ведущими управлениями НКГБ были Первое — разведывательное и Второе — контрразведывательное. Их возглавляли соответственно комиссар госбезопасности 3-го ранга Павел Михайлович Фитин и комиссар госбезопасности 3-го ранга Петр Васильевич Федотов. Их заместителями были соответственно старшие майоры госбезопасности Павел Анатольевич Судоплатов и Леонид Федорович Райхман. Оба управления, естественно, сохранили свои позиции и функции в составе воссоединенного НКВД.

С началом Великой Отечественной войны перед органами госбезопасности встали новые задачи. Для организации и руководства разведывательно-диверсионной работы за линией фронта, в тылу германской армии на оккупированной советской территории (а позднее и в захваченных Германией странах Восточной Европы) было сформировано специальное подразделение — Особая группа при наркомате НКВД СССР. 5 июля 1941 года начальником группы был назначен «товарищ Андрей» — Павел Судоплатов, один из немногих руководителей высшего эшелона разведки, имеющий личный опыт закордонной работы с нелегальных позиций. Его первым заместителем стал один из виднейших советских разведчиков, много лет проработавший в качестве нелегала во многих странах Европы, Азии и Америки, майор госбезопасности Леонид

(Наум) Александрович Эйтингон (в Испании в годы гражданской войны он был известен как «генерал Котов»).

Особая группа испытывала острый недостаток в квалифицированных кадрах, и Судоплатов добился у наркома Берии освобождения из заключения ряда крупных разведчиков и контрразведчиков, которых еще не успели расстрелять. Так, прямо из камер внутренней тюрьмы были извлечены и тут же получили назначения, даже не успев заехать домой, побриться и переодеться, опытные разведчики Яков Серебрянский («Яша») и Петр Зубов. Из запаса были призваны многие, ранее уволенные из НКВД, но избежавшие репрессий профессионалы, в том числе капитаны госбезопасности Дмитрий Медведев («Тимофей») и Александр Лукин («Шура») — будущие прямые руководители Николая Кузнецова в тылу врага.

В Особую группу пришли и другие сильные чекисты, имевшие опыт гражданской войны в Испании, будущие Герои Советского Союза Станислав Ваупшасов, Кирилл Орловский, Николай Прокопюк, пришел мастер оперативных комбинаций Михаил Маклярский, после войны ставший автором сценария знаменитого кинофильма «Подвиг разведчика», в котором прообразом главного героя майора Федотова был Николай Кузнецов.

С расширением объема деятельности Особая группа в октябре 1941 года была реорганизована в самостоятельный 2-й отдел НКВД, а в начале 1942 года в 4-е управление НКВД СССР.

Со временем в управлении выстроилась стройная структура по территориальному принципу. Интересующий нас украинский отдел возглавлял давний сослуживец Д.Н. Медведева по Донбассу майор госбезопасности Виктор Александрович Дроздов. Его заместителями были Лев Ильич Сташко и Петр Яковлевич Зубов. Начальником отделения — капитан госбезопасности Анатолий Семенович Вотоловский, его заместителем — лейтенант госбезопасности Саул Львович Окунь. В этом отделении служил и сержант госбезопасности Федор Иванович Бакин, с которым Кузнецову предстояло вскоре познакомиться и иметь дело на протяжении нескольких недель.

Примечательно, что начальником отделения связи в новой службе был также возвращенный в НКВД, ранее из него

уволенный, Вильям Генрихович Фишер, через много лет ставший известным на весь мир как советский разведчик-нелегал «полковник Абель».

Управление энергично и успешно развивало новую, очень перспективную форму работы во вражеском тылу — с использованием небольших, специально подготовленных опергрупп, возглавляемых профессиональными разведчиками. Некоторые группы специализировались на диверсиях на железных дорогах, другие в сборе военной информации. Работали они весьма результативно, потому что действовали в тесном контакте с местным населением, подпольем, партизанскими отрядами. Обычные методы немецкой контрразведки и карателей против таких групп оказывались малоэффективными. В состав некоторых групп предполагалось включать индивидуально подготовленных, законспирированных разведчиков, способных проникать непосредственно в среду оккупантов. Среди них были немецкие, австрийские, испанские политэмигранты, имевшие конспиративный опыт, были и советские граждане разных национальностей.

Для подготовки бойцов будущих опергрупп (в ходе войны многие из них переросли в сильные отряды и даже многотысячные партизанские соединения) спешно формировалась Отдельная мотострелковая бригада особого назначения НКВД СССР — ОМСБОН. Основным местом, своеобразным сборным пунктом бригады стал старинный Петровский парк и расположенный на его территории Центральный стадион «Динамо».

ОМСБОН формировался в составе двух полков. С. Ядро бригады, ее комсостав составили опытные чекисты, преподаватели специальных школ и военных академий, командиры внутренних и пограничных войск. Бойцов, преимущественно добровольцев, подбирали в ОМСБОН с чрезвычайной строгостью. Сюда пришла большая группа молодых рабочих с передовых московских предприятий: 1-го шарикоподшипникового, 1-го часового, автомобильного им. Сталина заводов. ЦК ВЛКСМ прислал студентов нескольких столичных институтов, даже из такого, вроде бы сугубо миролюбивого, как ИФЛИ (Институт философии, литературы и искусства). Влилось в бригаду около двух тысяч добровольцев-интернационалистов: немцев, австрийцев,

венгров, югославов, болгар, поляков, англичан, французов, даже несколько вьетнамцев, к Собрался в ОМСБОН и цвет советского спорта, чемпионы и рекордсмены Москвы и СССР, заслуженные мастера спорта, в том числе боксеры Николай Королев и Сергей Щербаков, штангист Николай Шатов, конькобежец Анатолий Капчинский, стайеры братья Серафим и Георгий Знаменские, гребец Александр Долгушин, дискоболы Леонид Митропольский и Али Исаев, велосипедист Виктор Зайпольд, гимнаст Сергей Коржуев, борец Григорий Пыльнов, лыжница Любовь Кулакова, группа футболистов минского «Динамо».

Напряженные занятия в условиях, максимально приближенных к боевым, проходили на стрельбище «Динамо» в Мытищах, на станции Строитель, в районе Озер и других местах Подмосковья.

Командир первого полка ОМСБОН полковник М.Ф. Орлов вспоминал: «Главное место в программе боевой подготовки заняли минно-подрывное дело, изучение подрывной техники врага, тактика действий небольшими подразделениями, разведка, ночные учения, марш-броски, преодоление водных преград, топография, радиодело и прыжки с парашютом».

Для автора любого документального повествования характерна неистребимая тяга к тому, что на языке бюрократов называется «цифровыми показателями». Они и в самом деле бывают весьма примечательными. Вот какими цифрами можно подвести итог деятельности 4-го управления НКВД СССР (а с апреля 1943 года НКГБ СССР) за период Великой Отечественной войны.

В ОМСБОН числилось более двадцати пяти тысяч бойцов и командиров, из них две тысячи — иностранцев. В тыл врага было направлено более двух тысяч оперативных групп и разведывательно-диверсионных резидентур (РДР), общей численностью пятнадцать тысяч человек. Многие группы за счет притока местных жителей, окруженцев и бежавших из плена красноармейцев переросли в мощные партизанские отряды и соединения. Двадцать пять командиров и разведчиков получили высшую награду Родины — звание Героя Советского Союза, а по прошествии ряда лет и Героя Российской Федерации, свыше восьми тысяч — иные правительственные награды. Подразделения управления

и ОМСБОН уничтожили 157 тысяч немецких солдат и офицеров, 87 генералов и приравненных к ним высокопоставленных чиновников, разоблачили и обезвредили 2045 агентурных групп противника.

Кроме того, уничтожено значительное количество боевой техники врага: танков, орудий, минометов и пулеметов, взорвано множество железнодорожных и шоссейных мостов, пущены под откос сотни эшелонов, уничтожены многие узлы связи, склады с вооружением и боеприпасами. И уж совсем не поддается цифровому исчислению оценка военной, политической и экономической информации, добытой во вражеском тылу.

Продолжим рассказ Л.Ф. Райхмана:

«Кузнецов нас замучил рапортами с требованием незамедлительно направить его в действующую армию. Почему-то очень хотел попасть в парашютные части. Он был не одинок, подобные рапорта тогда пачками поступали от наших сотрудников и в Центре, и на местах. Руководство их не рассматривало. Но Николаю все же довелось попасть на войну — правда, всего на несколько дней. Поздней осенью развернулась оборонительно-наступательная операция Калининского фронта, которым командовал тогда генерал-лейтенант И.С. Конев, будущий Маршал Советского Союза. Противостояла ему 9-я немецкая армия группы армий «Центр». Кузнецова и забросили с разведывательным заданием в тыл этой армии. Впоследствии мы получили о нем прекрасный отзыв от армейского командования.

У Судоплатова отрядами, которым предстояло воевать на Украине, занимался Сташко, я его давно знал. Там остро не хватало подготовленных людей, которые могли бы действовать в их составе в качестве разведчиков. Судоплатов искал их повсюду, обращался во все отделы и подразделения НКВД. К нам с Ильиным пришел Сташко.

Как ни жалко нам было, но мы все же решили передать Кузнецова в распоряжение Судоплатова, но не насовсем, а как бы «одолжить». У себя фактически на тот момент мы все возможности его использовать исчерпали. Федотов перевод санкционировал, но при условии, что формально он будет по-прежнему числиться за негласным штатом нашего управления контрразведки.

Надо сказать, что, насколько мне известно, Кузнецова сразу решили направить в немецкий тыл, по первоначальному замыслу в качестве командира Красной Армии, военного переводчика, который якобы перебежал на сторону противника. Но затем от этого замысла отказались и начали разрабатывать легенду для использования «Колониста» в опергруппе Медведева».

Невысокий, темноволосый и темноглазый, улыбчивый, всегда доброжелательный с любым собеседником, Павел Судоплатов походил на кого угодно — директора дома культуры или учителя истории, врача-педиатра или инструктора профсоюза, нежели на того, кем был в действительности — профессиональным разведчиком, организатором диверсионно-террористических операции высшего класса.

Судоплатов был всего на четыре года старше Кузнецова, но уже многое в жизни успел и преуспел. Мальчишкой он участвовал в гражданской войне на Украине. Потом стал сотрудником ВЧК—ОГПУ. Родившийся и выросший на Украине, Павел Анатольевич специализировался на борьбе с подрывной — вплоть до актов террора и диверсий — деятельностью здешних националистов, после прихода Гитлера к власти в Германии установивших прямую связь и с гестапо и с абвером. Если называть вещи своими именами, это означало, что так называемые вожди и руководители ОУН превратились в платных агентов гитлеровских спецслужб. Надо отметить, что рядовые оуновцы в массе своей об этом и не подозревали.

В Иностраннный отдел Судоплатов пришел, уже имея изрядный опыт работы в контрразведке. Старейший чекист Борис Игнатьевич Гудзь — к моменту написания первого варианта данной книги ему исполнилось девяносто восемь лет — не раз повторял автору слова знаменитого руководителя КРО, а затем ИНО Артура Артузова, что лучшие разведчики чаще всего получают из контрразведчиков. В случае с Судоплатовым это правило оказалось как никогда верным. По тщательно разработанной в Центре легенде, Судоплатов сумел проникнуть в Организацию украинских националистов (ОУН) в Европе и войти в доверие к ее руководителю — бывшему полковнику австро-венгерской армии Евгению Коновальцу. Судоплатов стал доверенным курьером Коновальца, объездил в этом качестве несколько

европейских стран, а в 1936 году даже закончил в Лейпциге курсы, на которых гитлеровские спецслужбы готовили кадры оуновцев для последующей нелегальной заброски в СССР.

Занятия на курсах пошли Судоплатову на пользу: во-первых, он прошел на них основательную, по-немецки дотошную профессиональную подготовку, во-вторых, лично выявил значительное число будущих агентов гитлеровских спецслужб из числа в основном уроженцев Западной Украины.

Коновалец был фигурой опасной, и в высших инстанциях (а точнее единолично Сталиным), было принято решение лидера Организации украинских националистов ликвидировать.

Это задание, чрезвычайно опасное для исполнителя, выполнил Судоплатов: 23 мая 1938 года на главной улице Роттердама в ресторане «Атланта» он, расставаясь с полковником после очередной встречи, передал ему подарок: коробку киевских конфет с яркими украинскими узорами. (Было известно, что полковник большой сластена.) Через несколько минут Коновалец был убит мощным взрывом... Содержимое коробки было изготовлено умельцами из отдела оперативной техники ГУГБ НКВД.

Так началось стремительное восхождение Судоплатова по служебной лестнице. Уже удостоенный первого ордена Красного Знамени, он получил звание майора государственной безопасности — в 31 год — и был назначен помощником (заместителем) начальника 5-го отдела ГУГБ — так теперь называлось бывшее ИНО. Казалось бы...

Высокое назначение едва не обернулось для Павла Анатольевича пулей в затылок в подвале углового дома по Варсонофьевскому переулку. К власти на Лубянке пришел новый нарком — Лаврентий Берия, и начал планомерное уничтожение руководящих сотрудников, выдвинувшихся при наркOME Николае Ежове.

Уже подготовлено было решение об исключении Судоплатова из партии (вплоть до распада СССР полагалось перед арестом или после, но задним числом, членов ВКП(б)—КПСС из партии исключать. Чтобы судить как беспартийных).

Спасло Судоплатова решение Сталина расправиться наконец-то с его злейшим врагом — Троцким.

Решить-то решил, но подходящими кадрами для столь сложной операции (Троцкий жил за океаном — в Мексике, и его дом представлял настоящую крепость с многочисленной и преданной ему лично охраной) не располагал. Многолетний начальник знаменитой «группы Яши» Яков Серебрянский сидел во внутренней тюрьме в ожидании смертного приговора, основной костяк его боевиков был разгромлен — кого расстрелял еще Ежов, кого уничтожили или пощадили уже при Берии.

Так и получилось, что поручить ликвидацию Троцкого кроме Судоплатова было попросту некому.

Приказ Павел Анатольевич получил в Кремле устный от самого вождя в присутствии Берии. Судоплатов предложил, чтобы на месте, то есть за океаном, непосредственно операцию (она получила почему-то наименование «Утка») осуществлял его давний друг Наум Эйтингон, только что вернувшийся из Испании. Судоплатов объяснил, что он не владеет испанским языком, поэтому в Мексике работать просто не сможет, в то время как Эйтингон этим языком, как и еще несколькими, владеет свободно. Сталин согласился с этим разумным доводом (когда это соответствовало его планам и намерениям, он прислушивался к аргументам и мнению собеседника независимо от должности и ранга), но оставил общее руководство операцией за Судоплатовым.

Плотного сложения, с лицом того типа, что принято называть «волевым», слегка прихрамывающий после давнего ранения, Эйтингон был на восемь лет старше Судоплатова, соответственно был богаче и его чекистский опыт. Он был прирожденным разведчиком, причем со склонностью к боевым и рискованным операциям.

Операция «Утка» была успешно завершена 20 августа 1940 года. Лев Троцкий был смертельно ранен ударом по голове альпинистским ледорубом, который нанес ему агент Эйтингона офицер испанской республиканской армии Рамон Меркадер.

Все участники операции «Утка» получили высокие правительственные награды, в том числе Эйтингон — орден Ленина, Судоплатов — второй орден Красного Знамени.

Меркадер, схваченный охранниками на месте преступления, был приговорен к 20 годам тюремного заключения, это была в Мексике высшая мера наказания. Отсидев этот

срок «от звонка до звонка» он был вывезен в СССР. 31 мая 1960 года секретным Указом Президиума Верховного Совета СССР ему под именем Рамона Ивановича Лопеса было присвоено звание Героя Советского Союза.

Таковы были некоторые люди, руководители того управления, к которому ныне был приписан «Колонист»¹.

21 августа 1953 года они были осуждены как активные участники столь же липового заговора Берии: Судоплатов — к 15 годам, Эйтингон — к 12 годам тюремного заключения. Срок оба отбыли полностью.

Судоплатов после освобождения занимался литературным трудом: под псевдонимом «Андреев» написал, а также перевел с украинского несколько книг.

В 1992 году П.А. Судоплатов был полностью реабилитирован. Скончался 24 сентября 1996 года в Москве.

Пятнадцать лет назад вышла сразу ставшая сенсацией книга его воспоминаний «Разведка и Кремль».

Н. Эйтингон после освобождения работал в издательстве «Международные отношения» переводчиком и редактором, помогло безукоризненное знание нескольких языков. Скончался в Москве в мае 1981 года, так и не дождавшись реабилитации, которая последовала в 1992-м.

М.Б. Маклярскому, к тому времени полковнику в отставке и дважды лауреату Сталинской премии, также пришлось провести несколько лет в заключении, поскольку имел неосторожность родиться евреем, как и Эйтингон.

К слову сказать, зачисление «Колониста» в состав опергруппы «Победители» под командованием капитана госбезопасности Д.Н. Медведева было произведено по приказу первого заместителя наркома НКВД СССР В.Н. Меркулова — таков был уровень назначения спецагентов ранга Кузнецова. Опергруппе Медведева предстояло действовать вблизи важного административного центра

¹ Вплоть до 21 августа 1953 года генерал-лейтенант П. Судоплатов руководил службой (она неоднократно меняла свой номер или название), занимавшейся подготовкой актов террора и диверсий в странах вероятных противников в случае новой войны. Генерал-майор Н. Эйтингон (на службе его называли Леонидом Александровичем) почти все время, за исключением нескольких лет, которые он провел во внутренней тюрьме, когда сажали сотрудников-евреев — «участников» липового «сионистского заговора в МГБ», был его заместителем.

оккупированной Украины. «Колонист» должен был работать непосредственно в среде захватчиков, причем в форме и с документами офицера немецкой армии. О его роли никто в опергруппе не должен был знать, кроме, конечно, непосредственных начальников и тех разведчиков, которые будут ему приданы. В целях большей конспирации он будет внесен в списки бойцов отряда под собственным именем, но вымышленным отчеством и фамилией. Для всех он будет Николаем Васильевичем Грачевым.

Новый высший руководитель Кузнецова в заключение ознакомительной беседы прямо спросил: согласен ли он и в состоянии ли выполнить такое задание?

Кузнецов задумался... Нет, он не собирался отказываться от сделанного ему предложения, не для этого он добивался чести быть посланным в тыл врага, не боялся он и возможной смерти от рук гитлеровских палачей в случае провала. Его смущало другое, и он почел своим долгом поделиться сомнениями с собеседником. Тот понял его с полуслова:

— Конечно, вы правильно сделали, что высказались откровенно. По отзывам работавших с вами товарищей Германию вы знаете хорошо, языком владеете в совершенстве. Внешне похожи на настоящего прусского уроженца, я бы даже сказал, аристократа. Но мы, как и вы сами, понимаем, что вы не знаете германскую армию, как ее должен знать немецкий офицер. Что ж, в вашем распоряжении есть время. Эта война надолго. Работать вы умеете, преподавателей дадим отменных, уверены, что к нужному сроку успеете перевоплотиться в настоящего офицера вермахта. Кстати, когда вы вошли в этот кабинет, я отметил про себя, что у вас превосходная выправка, хотя вы никогда в армии не служили.

Последующие месяцы в жизни Кузнецова были заполнены напряженным трудом. Учебным классом стала его собственная квартира (разумеется, это не относилось к занятиям стрельбой из разнообразного оружия и прыжкам с парашютом). Основными наставниками в эти дни стали тогда тоже еще совсем молодые лейтенант госбезопасности Саул Львович Окунь и сержант госбезопасности Федор Иванович Бакин.

Рабочий стол Кузнецова был завален книгами, уставами, наставлениями, схемами. Преимущественно на немецком

языке, но были и на русском — всякого рода пособия для советских военных переводчиков, словари. Он изучал организацию и структуру — в мельчайших деталях — германских вооруженных сил, порядок официальных и внеслужебных отношений между военнослужащими. Награды, звания, знаки различия всех родов войск, полиции, СС, гражданских и партийных чиновников.

Имена, фамилии, чины огромного количества высших сановников и военачальников третьего рейха.

Правила ношения военной формы — в немецкой армии предусматривалось четырнадцать вариантов различных комбинаций предметов обмундирования и обуви. К примеру, точно регламентировалось, в каких случаях брюки носить навыпуск, а в каких — заправлять в сапоги.

Внимательное изучение подлинных трофейных немецких документов, от так называемой единой солдатской книжки («зольдбух») до образцов железнодорожных билетов. Порядок проставления различных штампов и отметок. Чтение дневников и писем, взятых у пленных или снятых с убитых гитлеровцев. Приходилось заучивать массу мелочей, знать, к примеру, что обложка солдатской книжки в сухопутных войсках коричневая, а в войсках СС серая, с эмблемой «44». Что окантовка погон у пехотинцев белого, саперов — черного, артиллеристов — красного, связистов — лимонного цветов...

Попутно решали вопрос, к какому роду войск следует приписать будущего офицера. Первоначально из него хотели «сделать» летчика, но потом от этой мысли отказались. Офицеры люфтваффе принадлежали к элите вооруженных сил, носили шикарную форму, чем привлекали к себе почтительное внимание, что в данном случае вовсе не требовалось. И как объяснить присутствие офицера-авиатора в гарнизоне, где авиационных частей нет вообще? В конечном счете пришли к мысли, что надежнее всего принадлежать к самому массовому роду войск — пехоте. И звание присвоить наиболее подходящее возрасту — обер-лейтенанта. От несостоявшейся идеи осталось несколько фото в летной форме.

Особое внимание в обучении уделялось немецкой военной технике. Кузнецов должен был различать ее образцы с первого взгляда и безошибочно. По специальным альбомам и плакатам он запоминал типы бомбардировщиков

«юнкерс» и «хейнкель», истребителей «мессершмитт» и «фокке-вульф», танков Т-III и Т-IV, автомобилей «майбах», «мерседес», бесчисленных видов «опелей», мотоциклов БМВ, НСУ, «цундапп», орудий, минометов и пулеметов.

Стрелковое оружие он должен был не только знать, но и уметь из него стрелять. На первых же занятиях в тире Федор Бакин обнаружил, что как охотник Николай хорошо стрелял из винтовки и карабина, но совсем никудышно из пистолета. Рослый, крупноголовый, с неожиданно голубыми глазами, Федор терпеливо и настойчиво обучал Кузнецова и этому искусству. Через несколько недель тренировок Николай уже метко и с обеих рук поражал мишени из «парабеллума», «вальтера», «браунинга».

Весьма скрупулезно изучал Кузнецов структуру и методы работы гитлеровских спецслужб. От этого в значительной мере зависел не только успех его деятельности во вражеском стане, но и сама жизнь.

Система была сложной и запутанной. В ней причудливо переплелись государственные и партийные структуры, что было и характерно и типично для тоталитарного гитлеровского режима.

До сих пор в книгах и кинофильмах встречается аббревиатура РСХА — Главное управление имперской безопасности. В представлении многих это нечто вроде гигантского министерства по шпионско-репрессивным делам. На самом деле такого сверхучреждения никогда не существовало. Этот термин был своего рода маскировкой.

Ничего подобного РСХА в мировой практике не встречалось. В Германии при Гитлере свои спецслужбы имели и государство, и партия в образе «охранных отрядов» — СС. При этом полицией именовались только официальные государственные службы.

Итак... С давних времен в Германии сохранялись полиция земель. Затем общегерманская полиция порядка — «орднунг-полицай», сокращенно «орпо», подчиненная министерству внутренних дел. Орпо носила форму и открыто оружие. Возглавлял ее Курт Далюге. Он имел одновременно два звания — генерала полиции и обергруппенфюрера СС.

Была уголовная полиция — «криминалполицай», или «крипо», во главе с группенфюрером СС и генерал-лейтенантом

полиции Артуром Небе. В отличие от орпо, крипо входила в состав РСХА как управление «амт-V».

Далее следует назвать «государственную тайную полицию», печально знаменитое гестапо. В РСХА она также входила как «амт-IV». Возглавлял гестапо генерал-лейтенант полиции и группенфюрер СС Генрих Мюллер.

Крипо и гестапо вместе образовывали так называемую полицию безопасности, сокращенно «зипо».

Охранные отряды партии — СС со временем создали собственную «службу безопасности», сокращенно СД, которая пронизывала решительно все структуры Третьего рейха. Различалось «внутреннее СД» и «заграница СД» со специализацией в контрразведке и разведке. В систему РСХА они входили как «амт-III» и «амт-VI». Возглавляли их соответственно бригадефюрер СС Отто Олендорф и оберштурмбаннфюрер (в конце войны также бригадефюрер) Вальтер Шелленберг.

Как уже было сказано, официальной должности начальника РСХА не существовало. Но обергруппенфюрер СС Рейнхард Гейдрих занимал сразу два поста. Как шефу полиции безопасности — зипо, ему подчинялись крипо и гестапо. Как шефу службы безопасности ему подчинялось и внутреннее и внешнее СД. (В 1943 году должности Гейдриха, убитого в 1942 году в Праге чешскими патриотами, занял обергруппенфюрер СС Эрнст Кальтенбруннер.)

В свою очередь, Генрих Гиммлер как рейхсфюрер СС был высшим руководителем и СД. В то же время ему, как шефу немецкой полиции, а затем и министру внутренних дел, подчинялись и орпо, и крипо, и гестапо.

Вооруженные силы Германии располагали собственной военной разведкой и контрразведкой — абвером, также с достаточно сложной структурой, большим количеством центров и школ, даже с собственной диверсионно-террористической дивизией «Бранденбург». Возглавлял абвер долгие годы адмирал Вильгельм Канарис. (В 1944 году абвер, которому Гитлер никогда не доверял, был поглощен РСХА. Сам Канарис в 1945 году по обвинению в участии в покушении на Гитлера повешен.)

РСХА также не доверяло ни вермахту, ни абверу, ни Канарису. Поэтому для внутреннего надзора над действующей

армией был создан военный аналог гестапо «гехаймфельдполицай» — «тайная полевая полиция», сокращенно ГФП. Команды ГФП (в их рядовой состав входили и предатели) на Оккупированной советской территории осуществляли также карательные акции по отношению к мирным жителям, заподозренным в поддержке партизан.

Офицеры ГФП носили форму тех родов войск, к которым были приписаны. В вооруженных силах существовала еще «фельджандармерия» — «полевая жандармерия», которая в основном выполняла функции военной полиции.

Компетенция гестапо распространялась только на территорию Германии, а также Францию и Польшу. На оккупированных землях СССР гестапо не функционировало, его заменяли аппараты так называемых высших СС и полицейфюреров, а также подчиненных им уполномоченных зипо и СД, то есть полиции безопасности и службы безопасности. Наконец, оккупанты создали и в городах и в селах местную «вспомогательную» полицию. Разумеется, «полицай», как называли их презрительно жители, не смели и близко подходить к немецким военнослужащим. Но полиция есть полиция, даже эрзац-качества, и не считаться с ее существованием не следовало.

Хитросплетенная система спецслужб нацистской Германии обладала и сильными и слабыми сторонами. Опытный разведчик мог эти обстоятельства умело использовать в своих целях, следовательно, в интересах советской разведки. Это хорошо понимали и руководители Кузнецова, и он сам.

Существовало и многое другое, что обязан был знать человек, которому пришлось бы в голову выдавать себя за немца, но в Германии никогда не живший.

Речь идет о каком-то минимуме книг, написанных уже в гитлеровские времена, кинофильмах, актерах, крупных спортивных событиях, популярных исполнителях и тому подобном. Провал мог случиться из-за сущей ерунды, скажем, в ходе пустяк но го разговора всплыло бы, что немецкий офицер представления не имеет об именах Зары Леандер, Марики Рокк или Макса Шмеллинга. Такое было немисливо: Зара (шведка по национальности) и Марика почитались самыми именитыми кинозвездами, Макс стал идолом нации после того, как 19 июня 1936 года выиграл

матч на звание чемпиона мира по боксу в тяжелом весе у самого Джо Луиса.

Кузнецову организовали просмотр двух самых шумных фильмов знаменитой кинодокументалиста третьего рейха Лени Рифеншталь «Триумф воли» (о съездах НСДАП) и «Олимпия» — об Олимпийских играх 1936 года в Берлине. Удалось достать и трофейную ленту «Еврей Зюсс». Эту антисемитскую картину, снятую по заданию Геббельса, организованно показывали почти всему составу вермахта, войскам СС, полиции и жандармерии. Нашлось и несколько музыкальных картин с участием Марики Рокк. Обладавший хорошим слухом, Кузнецов без труда запомнил популярный шлягер Зары Леандер «Я знаю, чудо не заставит ждать», любимую солдатами песенку «Лили Марлен», «Песню Хорста Весселя», ставшую официальным гимном нацистской партии. (С изумлением, кстати, обнаружил, что ее мелодия один к одному совпадает с мелодией... советского «Марша энтузиастов».)

Слава Богу, офицер вермахта не обязан был быть слишком уж начитанным. Это позволило Кузнецову обойтись чтением всего лишь нескольких романов в дешевых изданиях, оказавшихся в ранцах взятых под Москвой пленных.

Однажды осенью у гостиницы «Метрополь» Кузнецов нос к носу столкнулся с бывшим сослуживцем по Уралмашу инженером Грабовским, которого не видел лет пять. Когда-то их сблизил общий интерес к немецкому языку. Тогда они часто вместе гуляли, ходили в лес, в кино, дома у Леонида Константиновича читали вслух книги и журналы на немецком языке, упражнялись в разговорной речи.

Николай пригласил старого знакомого в гости, и вместе они провели вечер. Оказывается, война застала Грабовского в служебной командировке в Германии. Лишь в августе ему, как и другим интернированным в рейхе советским гражданам, удалось кружным путем вернуться на Родину.

Грабовский, отвечая на жадные вопросы Кузнецова, охотно и подробно рассказывал ему о Германии, о берлинском быте, порядках и тому подобном.

...Уже отгремела битва под Москвой, завершившаяся первым настоящим поражением немецкой армии за все два с половиной года мировой войны. Впоследствии историки

признают, что сражение под стенами советской столицы означало начало конца гитлеровского режима.

А Кузнецов все ждал... Ждал и учился. И тут в однообразии затянувшегося по его представлению школярства было привнесено нечто новое и неожиданное. Для лучшего ознакомления с бытом и нравами вермахта было решено заслать Кузнецова на своеобразную стажировку в среду немецких военнопленных. Под Москвой, в Красногорске, находился центральный лагерь немецких пленных №27/1¹. В одном из офицерских барачков и объявился однажды с очередной партией пехотный лейтенант.

Советское правительство не подписывало Женевской международной конвенции, регулирующей правовой статус военнопленных. Собственных бойцов и командиров, попавших в плен по вине советского же верховного командования, а таковых за первые полгода войны насчитывалось уже около 4 миллионов человек, оно объявило изменниками. Отданный Сталиным приказ № 270 от 16 августа 1941 года был бесчеловечным и преступным. Он бросал на произвол судьбы советских военнослужащих, оказавшихся за колючей проволокой, и развязывал руки гитлеровцам. От голода, холода, болезней, лишений свыше 3 миллионов советских пленников умерли или были убиты охраной уже к январю 1942 года.

В то же время Сталин гарантировал соблюдение конвенции по отношению к немецким военнопленным. Им гарантировалась жизнь и безопасность, нормальное питание и медицинское обслуживание. Им сохранялись форма, знаки различия, награды, личные вещи, а генералам даже холодное оружие. Офицеры могли привлекаться к работам лишь с их согласия. В основном все эти условия соблюдались.

Естественно, что никаких особых невзгод в период пребывания в советском плену некий германский лейтенант не испытывал. Единственное, что ему реально грозило, — прямое убийство (или инсценировка самоубийства, гибели от несчастного случая) при разоблачении. То был жестокий

¹ Позднее на базе этого лагеря была создана Центральная антифашистская школа. Здесь были образованы Национальный комитет «Свободная Германия» и «Союз немецких офицеров».

экзамен для разведчика, когда экзаменаторы могли оказать-
ся и палачами.

В специфической среде пленных Кузнецов прижился на удивление легко и естественно. Никто его ни в чем так до конца и не заподозрил, правда, и держался он с предельной осторожностью.

Общение с немцами подтвердило его некоторые опасения, идущие вразрез с официальной пропагандой «Правды» и «Красной звезды», которым ему, как и всем советским читателям, полагалось верить слепо, без тени сомнения.

То, что принято называть «воинским духом», у обитателей Красногорского лагеря было на высоте. В бараке поддерживалась армейская дисциплина и образцовый порядок, соблюдалось старшинство в чинах. Никто из этих офицеров не сдался в плен добровольно и не собирался восклицать «Гитлер капут!». Поражение под Москвой все они, от лейтенанта до полковника, воспринимали как временную неудачу, от каких в ходе серьезной войны не застрахован ни один военачальник. Поэтому пленные молчаливо, но заметно не одобряли приказ Гитлера сместить с поста главнокомандующего сухопутными войсками генерал-фельдмаршала Вальтера фон Браухича, а с ним еще около сорока высших генералов. Они, похоже, не считали, что фюрер лучше фон Браухича справится с принятыми на себя его обязанностями.

Убежденных, идейных нацистов среди офицеров старших возрастов было сравнительно немного. Однако верность присяге у них считалась обязательной и абсолютной. Что же касается молодых лейтенантов и капитанов, не призванных из запаса, а кадровых, воспитанных уже «гитлерюгендом» и так называемыми «трудовыми лагерями», то это были фанатичные приверженцы фюрера, не способные к самостоятельной, тем более критичной оценке действительности. Из всего этого Кузнецов сделал для себя правильный, хотя и не слишком оптимистичный вывод, что ожидать развала вермахта и, следовательно, военного поражения рейха в скором времени не приходится. Война, стало быть, предстоит долгая, тяжелая и упорная до конца.

Насколько вжился Кузнецов в роль немецкого офицера, говорит такая парадоксальная история, рассказанная автору Окунем. В лагере было создано нечто вроде самодеятельной театральной студии. Руководил ею офицер, призванный из

запаса, по гражданской профессии — режиссер одного из берлинских драматических театров. Кузнецов ходил в студию на занятия, разучивал стихотворения Гете и Шиллера. И как-то на репетиции раздосадованный бездарным чтением какого-то студийца, режиссер прервал его на полуслове:

— Берите пример с этого господина, — он указал на Кузнецова, — у него классическое литературное произношение!

Несколько позже, когда Кузнецов уже вернулся из лагеря, он присутствовал в качестве переводчика на допросе сбитого немецкого летчика. Причем сам был тоже в форме люфтваффе. Стоило ему произнести первые, чисто протокольного характера вопросы, как немец отвечать категорически отказался.

— Пусть лучше переводит ваш переводчик, чем этот изменник, — заявил он.

Пребывание в лагере сослужило Николаю Ивановичу хорошую службу еще в одном отношении. От своих временных соседей он услышал и, разумеется, намертво запомнил жаргонные словечки и выражения, которых не сыщешь ни в каком словаре, но употребляемые в обиходе и солдатами и многими офицерами. Как всякий фольклор, они были меткими и выразительными. «Волынская лихорадка» — засилье вшей в окопах. «Швейная машинка» — русский легкий самолет У-2. «Штука» — пикирующий бомбардировщик Ю-87. Партийных бонз за горчичного цвета с золотым шитьем форму называли «золотыми фазанами». Ротный фельдфебель — это «шпис». Партийный значок, круглый, красно-белый с черной свастикой в центре — «бычий глаз». Медаль «За зимний поход на Восток» на багрово-красной ленте солдаты непочтительно, но очень точно именовали «мороженое мясо».

Так называемый «народный приемник», способный принимать только немецкие радиостанции, с характерным полукруглым корпусом и шкалой, смахивающей на раскрытый рот, получил презрительное прозвище «геббельсшнауце» — «морда Геббельса».

При нацистском режиме сложились специфические, своеобразные и обязательные правила речи. Так, когда упоминали Гитлера, Геринга и Гимmlера, то их именовали только фюрером, рейхсмаршалом и рейхсфюрером, без до-

бавления фамилии. Это само собой разумелось, потому что сами эти звания были уникальными.

Вторжение в Польшу по этим же неписанным правилам полагалось называть только «поленфельдцуг» — «Польский поход», и никак иначе. О немецком народе в целом полагалось выражаться выпендренно: «фольксгемайншафт» — «народное сообщество». Члены НСДАП называли друг друга «партайгеноссе» — «товарищ по партии». Беспартийных официально называли «фольксгеноссе» — «товарищ по народу». Эсэсовцы обращались друг к другу просто по званию, без добавления слова «господин». Например «гауптштурмфюрер» (это соответствовало чину капитана в армии). Но к тому же гауптштурмфюреру, если дело происходило в войсках СС, уже обращались по-военному: «герр гауптман».

Вернувшись в Москву, Кузнецов полагал, что уж теперь-то его пошлют за линию фронта, а может — чем черт не шутит! — в саму Германию, не сегодня, так завтра. Но проходили день за днем, а он все так же торчал в опостылевшей квартире. И это при том, что он уже действительно добился многого.

Полковник Федор Иванович Бакин сорок пять лет спустя рассказывал автору, что, когда однажды он пришел к Кузнецову домой и впервые застал того в немецкой форме, ему стало аж муторно.

Партизанский врач Альберт Вениаминович Цессарский тоже пережил в подобной ситуации (к тому же не в Москве, а во вражеском тылу) нечто подобное.

«...Я просто не верил своим глазам. Он гордо запрокинул голову, выдвинул вперед нижнюю челюсть, на лице его появилось выражение напыщенного презрения. В первое мгновение мне было даже неприятно увидеть его таким. Чтобы разрушить это впечатление, я шутливо обратился к нему:

— Как чувствуете себя в этой шкурке?

Он смерил меня уничтожающим взглядом, брезгливо опустив углы губ, и произнес лающим, гнусавым голосом:

— Альзо, нихт зо ляут, герр артц! (Но не так громко, господин доктор!)

Холодом повеяло от этого высокомерного офицера. Я физически ощутил расстояние, на которое он отодвинул меня от себя. Удивительный дар перевоплощения».

Перед большим зеркалом Кузнецов расхаживал часами, отрабатывая движения, позы, манеры. Учитывалось все: в

русской армии, например, по стойке «смирно» всегда полагось руки плотно прижимать «по швам», в германской же прижимались только ладони, локти при этом выворачивались наружу, отчего по-петушиному выпячивалась грудь.

То, что Кузнецов был человеком штатским, неожиданно кое в чем помогало: кадровому советскому командиру самое обычное воинское приветствие, которое после годов службы отдается под козырек всей ладонью совершенно механически, переделать на немецкое было бы чрезвычайно трудно.

В сущности, Николай Иванович занимался сейчас уже только мелочами, но их, этих мелочей, было несусветное множество, так что, в полном соответствии с законом диалектики, количество переходило в качество. Именно их точное и неукоснительное соответствие и должно было окончательно превратить сугубо гражданского русского человека, недавнего уральского лесничего, в кадрового прусского офицера. И любая из этих мелочей могла бы провалить разведчика. Вздумай он взять под козырек полной ладонью, как принято в Красной Армии, на улице оккупированного города, его бы изобличил даже не опытный сотрудник военной контрразведки, а первый встречный унтер-офицер.

Между тем газеты и радио приносили дурные вести. Верховное главнокомандование Красной Армии не сумело использовать в должной мере успех под Москвой. Немцам же удалось ввести в заблуждение Сталина и перейти в наступление на направлениях, где их не ждали. Под мощным натиском врага 19 мая 1942 года Красная Армия оставила Керчь. 4 июля после неслыханной по героизму обороны завершилась вторая Севастопольская страда. 24 июля сдан Ростов. Тяжелые неудачи под Харьковом и Воронежем усугубили ситуацию. Немцы заняли Донбасс; вышли к Сталинграду и Кавказу.

На всех фронтах шли грандиозные сражения, а Николай Кузнецов все готовил и готовил себя к исполнению роли офицера пока еще одерживающей победы германской армии. Иногда ему становилось настолько тошно, что он еле подавлял желание бросить все к черту, отказаться от туманного задания, просить руководство отпустить его на фронт рядовым десантником, чтобы собственными руками уничтожить захватчиков.

Именно в эти дни Кузнецов подает «наверх» свой последний, отчаянный по форме и содержанию рапорт.

«Настоящим считаю необходимым заявить Вам следующее: в первые же дни после нападения гитлеровских армий на нашу страну мною был подан рапорт на имя моего непосредственного начальника с просьбой об использовании меня в активной борьбе против германского фашизма на фронте и в тылу вторгшихся на нашу землю германских войск.

На этот рапорт мне тогда ответили, что имеется перспектива переброски меня в тыл к немцам за линию фронта для диверсионно-разведывательной деятельности, и мне велено ждать приказа. Позднее, в сентябре 1941 г. мне было заявлено, что ввиду некоторой известности моей личности среди дипкорпуса держав оси в Москве до войны... во избежание бесцельных жертв, посылка меня к немцам пока не является целесообразной. Меня решили тогда временно направить под видом германского солдата в лагерь германских военнопленных для несения службы разведки. Мне была дана подготовка под руководством соответствующего лица из военной разведки. Эта подготовка дала мне элементарные знания и сведения о германской армии... 16 октября 1941 г. этот план был отменен и мне было сообщено об оставлении меня в Москве на случай оккупации столицы германской армией. Так прошел 1941 год. В начале 1942 г. мне сообщили, что перспектива переброски меня к немцам стала снова актуальной. Для этой цели мне дали элементарную подготовку биографического характера. Однако осуществления этого плана до сих пор по неизвестным мне причинам не произошло. Таким образом, прошел год без нескольких дней с того времени, как я нахожусь на полном содержании советской разведки и не приношу никакой пользы, находясь в состоянии вынужденной консервации и полного бездействия, ожидая приказа. Завязывание же самостоятельных связей типа довоенного времени исключено, т. к. один тот факт, что лицо «германского происхождения» оставлено в Москве во время войны, уже сам по себе является подозрительным. Естественно, что я как всякий советский человек горю желанием принести пользу моей Родине в момент, когда решается вопрос о существовании нашего государства и нас самих. Бесконечное ожидание (почти год!) и вынужденное бездействие при сознании того, что я безусловно имею в себе силы и способности принести существенную пользу моей Родине в минуту, когда решается вопрос быть

или не быть, страшно угнетает меня. Всю мою сознательную жизнь я нахожусь на службе в советской разведке. Она меня воспитала и научила ненавидеть фашизм и всех врагов моей Родины. Так не для того же меня воспитывали, чтоб в момент, когда пришел час испытания, заставлять меня прозябать в бездействии и есть даром советский хлеб? В конце концов как русский человек я имею право требовать дать мне возможность принести пользу моему Отечеству в борьбе против злейшего врага, вторгшегося в пределы моей Родины и угрожающего всему нашему существованию! Разве легко мне в бездействии читать в течение года сообщения наших газет о тех чудовишных злодеяниях германских оккупантов на нашей земле, этих диких зверей?

Тем более, что я знаю в совершенстве язык этих зверей, их повадку, характер, привычки, образ жизни. Я специализировался на этого зверя. В моих руках сильное и страшное для врага оружие, гораздо серьезнее огнестрельного. Так почему же до сих пор я сижу у моря и жду погоды?

Дальнейшее пребывание в бездействии я считаю преступным перед моей совестью и Родиной. Поэтому прошу Вас довести до сведения верховного руководства этот рапорт. В заключение заявляю следующее: если почему-либо невозможно осуществить выработанный план заброски меня к немцам, то я с радостью выполнял бы следующие функции:

Участие в военных диверсиях и разведке в составе парашютных соединений РККА на вражеской территории.

Групповая диверсионная деятельность в форме германских войск в тылу у немцев.

Партизанская деятельность в составе одного из партизанских отрядов.

Я вполне отдаю себе отчет в том, что очень вероятно возможность моей гибели при выполнении заданий разведки, но смело пойду на дело, т. к. сознание правоты нашего дела вселяет в меня великую силу и уверенность в конечной победе. Это сознание дает мне силу выполнить мой долг перед Родиной до конца.

3 июня 1942 г. «Колонист»
г. Москва

Кузнецов мог бы и не писать этого рапорта. Вопрос об его использовании был уже конкретно решен. Его включили в

состав опергруппы «Победители», которая под командованием капитана госбезопасности Дмитрия Николаевича Медведа должна была действовать в районе города Ровно.

Пожалуй, на всей захваченной врагом советской территории не было населенного пункта, более интересующего разведку. И дело заключалось отнюдь не в том, что это был важный центр на железной и шоссейной дорогах, по которым немцы осуществляли значительную долю перевозок живой силы, техники и боеприпасов на Восточный фронт.

Главное — именно скромный Ровно, а не Киев гитлеровцы объявили «столицей» оккупированной Украины. Немцы знали, что почти миллионный Киев контролировать им будет куда труднее, нежели Ровно, население которого до войны не превышало сорока тысяч человек. Они не сомневались, что в Киеве оставлена не одна профессионально подготовленная разведывательная группа, не говоря уже о партизанском подполье.

В отличие от Киева, маленький Ровно германским спецслужбам просматривать будет, они полагали, не так уж трудно. Значительных предприятий нет. Основное население — рабочие мелких заводиков и мастерских, кустари, торговцы, служащие. К тому же город лишь за два года до войны воссоединился с Советской Украиной. И в самом Ровно и в округе оккупанты рассчитывали найти опору хотя бы у части местных жителей.

За этим выбором скрывался и далеко идущий политический расчет: в случае победы Германии над Советским Союзом перенос столицы из исторического Киева в захудалый, окраинный городок, каким было тогда Ровно, означал бы окончательный подрыв и фактическую ликвидацию украинской государственности.

Разгромив Польшу, Гитлер ее западные территории включил в состав третьего рейха в качестве сорок второго гау Вартланд с центром в Познани (по-немецки Позене). Гаулейтером Вартланда был назначен группенфюрер СС Артур Грейзер. Остальной части Польши 12 декабря 1939 года Гитлер присвоил наименование «генерал-губернаторство» с центром в Кракове. Генерал-губернатором был назначен рейхсминистр и рейхслейтер, обергруппенфюрер СС и СА Ганс Франк. Высшим СС и полицейфюрером генерал-

губернаторства стал обергруппенфюрер СС и генерал полиции Фридрих-Вильгельм Крюгер.

Генерал-губернаторство делилось на четыре дистрикта (района или округа): Краков, Люблин, Радом и Варшава.

Оккупировав Украину, немцы расчленили ее на четыре неравные части, в каждой был установлен особый порядок, действовала своя администрация, имели силу разные законы и распоряжения. Западные области: Львовская, Дрогобычская, Станиславская и Тернопольская (без северных районов) были включены в польское генерал-губернаторство в качестве пятого дистрикта «Галиция» с центром во Львове, который теперь называли по-немецки Лемберг. Управлял дистриктом губернатор, профессиональный разведчик бригадефюрер СС Оттон Вехтер.

Земли между Бугом и Днестром, а также Буковину под общим названием «Транснистрия» с центром в Одессе Гитлер передал королевской Румынии в качестве платы за ее участие в войне против СССР. Некоторая часть Украины была подарена другой союзнице — фашистской Венгрии.

Остальные области УССР (в том числе Волынь и Подолия), а также почти вся Гомельская, части Пинской и Брестской областей Белоруссии, юг Орловской области РСФСР были объявлены рейхскомиссариатом «Украина» (РКУ), центром которого и стал Ровно.

Правда, Сумская, Харьковская, Черниговская области, а также Донбасс лишь номинально входили в РКУ и непосредственно управлялись военным командованием. Рейхскомиссаром Украины Гитлер назначил обер-президента и гаулейтера Восточной Пруссии, начальника Цеханувского и Белостокского округов (последние были польскими территориями) Эриха Коха.

После прихода Гитлера к власти в Германии в 1933 году фюрер оставил в своем личном распоряжении новые членские билеты НСДАП и почетные золотые членские значки с номерами от 1 по 100. Партбилет за номером 90 получил Эрих Кох. Этот номер в красном кружке рядом с обычным для эсэсовцев (а Кох был и почетным группенфюрером СС) обозначением группы крови был вытатуирован у него на левом предплечье.

Отношение Коха к вверенному ему рейхскомиссариату выражалось им вполне откровенно следующим признанием,

сделанным на совещании в Ровно: «Нет никакой свободной Украины. Цель нашей работы заключается в том, что украинцы должны работать на Германию, а не в том, чтобы мы делали этот народ счастливым. Украина должна дать то, чего не хватает Германии».

И еще более цинично по отношению к украинцам как нации: «Колониальный народ, с которым следует обращаться, как с неграми, при помощи кнута».

Кох был настолько жесток, что встревожил даже своего формального руководителя — имперского министра по делам восточных оккупированных территорий Альфреда Розенберга. Министр написал шефу рейхсканцелярии, также имперскому министру доктору Гансу Ламмерсу: «Если украинцы повернутся против немцев, это будет результатом политической деятельности рейхскомиссара Коха».

Гитлер отмахнулся от разумного предостережения. Видимо, методы рейхскомиссара его полностью устраивали. Самодурство Коха — «гроссгерцога Эриха», как его называли сами немцы, не знало границ. Рейхсминистр Розенберг был ему не указ: как гаулейтер Кох по партийной линии подчинялся непосредственно фюреру.

Отличался Кох также и масштабным стяжательством. Его имение Фридрихсберг в пригороде Кенигсберга Модиттене и особняк на Оттокарштрассе были заполнены произведениями искусства, доставленными со всей Европы, в том числе украденными из киевских музеев. Была у Коха и сабля Стефана Батория. Почему-то он всерьез намеревался заполучить в свою коллекцию, чтобы повесить рядом с ней, шпагу Суворова и золотую саблю Барклая де Толли, полученную за битву под Прейсиш-Эйлау.

Отличавшийся невероятным самолюбием, Эрих Кох даже потребовал от высшего СС и полицейфюрера Украины обергруппенфюрера СС и генерала полиции Ганса Прюцмана, чтобы тот напрямую подчинялся ему, как рейхскомиссару Украины, а не рейхсфюреру СС Генриху Гиммлеру. И всеильный вроде бы Гиммлер так ничего и не смог поделаться с Кохом, как не в состоянии оказался воздействовать на него и собственный рейхсминистр Розенберг.

Рейхскомиссариат «Украина» делился на шесть генеральных округов (генералбецирк) во главе с генеральными комиссарами. Город Ровно одновременно являлся и цен-

тром РКУ, и центром генералбецирка «Волынь». В этот генеральный округ входили Ровенская, Луцкая, Каменец-Подольская области Украины, а также часть Брестской и Пинской областей Белоруссии. Генеральным комиссаром генералбецирка «Волынь» был обергруппенфюрер СА Шене. Разумеется, в Ровно был и местный, городской гебитскомиссариат во главе с доктором Беером.

В Ровно разместился и немецкий суд, выполнявший фактически функции основного юридического органа РКУ во главе с оберфюрером СА Функом, штаб командующего соединением 740 так называемых «Остентруппен» — «Восточных войск», сформированных из бывших советских военнопленных разных национальностей, штаб начальника тыловых воинских частей на территории Украины генерал-лейтенанта авиации Китцингера на Шульштрассе, штаб главного интендантства, хозяйственный штаб группы армий «Юг», а также Центральный эмиссионный банк Украины, выпускавший с марта 1942 года пресловутые оккупационные «карбованцы», каковыми обязано было пользоваться население. Немецкие военнослужащие и вообще все граждане рейха тоже должны были расплачиваться с местными жителями только этой валютой.

Значительный аппарат РКУ, а также другие важные учреждения оккупантов, штабы и военные учреждения (их точные наименования, адреса, функции и прочее еще предстояло выяснить или уточнить разведчикам, и в первую очередь «Колонисту») и должны были стать объектами самого пристального внимания отряда. Лично Медведеву в Москве было дано еще одно особо важное и секретное задание: организовать уничтожение наместника Гитлера, палача Украины Эриха Коха.

...В последующие дни для Николая Кузнецова была разработана легенда его новой биографии, которую он должен был знать лучше настоящей, а потому повторять денно и нощно до головной боли, до оскомины на зубах.

Внедрить Кузнецова в какое-либо военное учреждение оккупантов или воинскую часть в короткий срок было практически невозможно, да и не нужно. Такая настоящая служба сковывала бы Кузнецова, ставила его в зависимость от немецкого командования, привязывала к одному месту. Стало быть, требовалось придумать для будущего офицера

вермахта такую должность, которая позволяла ему сколь угодно часто появляться в Ровно и оставлять его, свободно перемещаться по оккупированной территории, бывать в различных учреждениях, не вызывая подозрения.

Разработкой легенды Кузнецова занимались в основном Сташко, Вотоловский и Окунь. Они и определили для него прекрасную должность — чрезвычайного уполномоченного хозяйственного командования по использованию материальных ресурсов оккупированных областей СССР в интересах вермахта — «Виртшафтскомmando», сокращенно «Викдо».

Это было превосходное прикрытие для советского разведчика. Он не был прикреплен ни к какому конкретному учреждению гитлеровцев в Ровно, но имел основания для появления в любом. Он никому не подчинялся и ни от кого не зависел. Наконец, он мог располагать куда большими денежными средствами, нежели строевой офицер.

Соответственно была отработана вся биография Пауля Вильгельма Зиберта — так звали немецкого офицера, роль которого предстояло сыграть Николаю Кузнецову.

Итак, Пауль Вильгельм Зиберт родился 28 июля 1913 года в Кенигсберге, в семье лесничего. Отец — Эрнст Зиберт служил в имении князя Рихарда Юон-Шлобиттена близ города Эльбинга¹ в Восточной Пруссии, куда переехала семья. Мать, урожденная Хильда Кюнерт, происходила из учительской семьи. Когда разразилась мировая война, отец был призван в кавалерийский полк и в 1915 году погиб в Мазурском сражении.

Начальное образование Пауль получил в реальной гимназии, мать хотела, чтобы он стал юристом или священником, однако финансовые трудности заставили отказаться от этих планов. Пауль решил продолжить профессию отца и поступил в Эльбинге в училище практического сельского хозяйства по лесному отделению (составители легенды, таким образом, учитывали гражданскую профессию Кузнецова).

В 1935 году Гитлер отбросил ограничения Версальского договора и приступил к формированию вермахта. В стране это было встречено с ликованием, по этому поводу была даже отчеканена серебряная медаль. Встал вопрос о воинской службе.

¹ Ныне г. Эльблонг в Польше.

Весной 1936 года Пауль Зиберт был призван в 207-й пехотный Бранденбургский полк, расквартированный в Берлине. Зиберта направили на двухмесячные курсы, на которых готовили ефрейторов, однако его, как одного из лучших при выпуске, аттестовали унтер-офицером.

Благодаря покровительству князи Шлобиттена Пауль был уволен в резерв первого разряда, вернулся в Восточную Пруссию и стал работать в имении представителем владельца.

В 1937 году умерла его мать. Несколько позже он познакомился, а затем и обручился с дочерью тамошнего землемера Лоттой Шиллер. В конце августа 1939 года Зиберт получил мобилизационное предписание и был зачислен в 230-й пехотный полк 76-й пехотной дивизии, сформированной из прусских резервистов. Участвовал в польском походе, отличился в первых же боях и уже 10 сентября 1939 года был награжден только что восстановленным Железным крестом¹ второго класса. 7 ноября того же года аттестован фельдфебелем.

До марта 1940 года Зиберт служил на оккупированной территории Польши, затем его часть была перебросена на Запад, и он участвовал во многих боях во Франции. 23 июня 1940 года был контужен и ранен разрывом гранаты. Несколько недель находился в госпитале, потом был переведен в Берлин, в команду выздоравливающих. В это время Зиберт уже был офицером — еще 20 апреля его аттестовали лейтенантом.

По состоянию здоровья осенью Зиберт был уволен из армии и снова вернулся в имение князя Шлобиттена. 4 августа 1940 года ему был вручен Железный крест первого класса, 26 августа — знак отличия раненого.

После нападения Германии на Советский Союз Зиберта снова призвали, однако до полного выздоровления предложили нестроевую должность чрезвычайного уполномоченного хозяйственного командования в прифронтовых областях. Так Зиберт попал в пресловутое «Викдо». Одновременно его аттестовали обер-лейтенантом. В его

¹ Железный крест как высшая награда за храбрость на поле боя вновь вводился только с началом крупной войны. Это делалось после первоначального учреждения в 1813 году трижды: в 1870, 1914 и 1939 годах. Награждение производилось, как правило, последовательно: от «Ж.К.» второго класса до «Рыцарского Ж.К.» с золотыми дубовыми листьями, мечами и бриллиантами.

обязанности входило обеспечение фронта лесом по маршруту Чернигов—Киев—Овруч—Дубно—Ровно. В реальных ситуациях Кузнецов допускал, если того требовала обстановка, некоторые серьезные отклонения от этой легенды. Так, освоившись в Ровно, он стал рассказывать случайным знакомым немцам, что участвовал в боях под Москвой, где якобы получил ранение. «Родной» дивизией Зиберта командовал в описываемое время генерал-лейтенант Максимилиан де Ангелис. Его подпись, в частности, украшала свидетельство Зиберта о награждении Железным крестом. Таким образом, обер-лейтенанту обеспечивалась репутация боевого, а не интендантского офицера, которых фронтовики, мягко говоря, недолюбливали.

...Прошло каких-нибудь полгода. Радисты отряда приняли в феврале 1943 года текст сообщения Совинформбюро о завершении Сталинградской битвы. В ходе этого гигантского сражения было разгромлено и уничтожено свыше тридцати вражеских дивизий. Среди них оказалась и... 76-я дивизия, которой теперь командовал другой генерал-лейтенант — Карл Розенбург. Обер-лейтенанту Паулю Зиберту в пору было принимать соболезнования немецких друзей по этому поводу. Некоторые, впрочем, говорили и такое: «Вам повезло, приятель, что не попали в это пекло...» Для подтверждения разработанной легенды Кузнецов был обеспечен полным комплектом соответствующих документов. Этим занимались большие знатоки своего дела — австрийский политэмигрант, бывший шкюцбундовец Георг Мюллер и Павел Георгиевич Громушкин. Строго говоря, дело обстояло совсем наоборот: легенда составлялась по документам. Вот что рассказал автору П. Громушкин:

«Как известно, под Москвой было разгромлено множество немецких частей и подразделений. В штабе одной такой части было обнаружено много документов, принадлежащих погибшим офицерам, но еще не оформленных, как положено. Несколько таких комплектов показали Кузнецову, и он просто ахнул, изучив один из них. Приметы некоего обер-лейтенанта Пауля Вильгельма Зиберта (а в «зольдбухе» кроме фотографии было описание примет): рост, цвет волос, цвет глаз, размер обуви, даже группа крови полностью совпадали! Единственное, что не сходилось, — возраст. Кузнецов родился в 1911-м, а настоящий Зиберт в 1913 году.

Но на глаз заметить такое различие в возрасте невозможно. Нам оставалось только добавить кое-что в «зольдбух», скажем, внести запись о ранении. От нас потребовалось также научить Кузнецова расписываться, как Зиберт, поскольку в «зольдбухе» была строка «собственноручная подпись владельца».

Вместе со служебным фотографом мы приехали на квартиру, где жил Кузнецов, и сфотографировали его в немецкой форме с погонами обер-лейтенанта и Железным крестом, фотографии были нужны для подмены на подлинных документах настоящего Зиберта. Конечно, снимок отпечатали на трофейной немецкой фотобумаге, приклеили немецким фотоклеем, использовали для печати подлинную мастику, для записей в документах немецкие чернила и т. п.».

Итак, документы Зиберта были абсолютно надежны, если только в разведке вообще можно говорить об абсолютной надежности.

Поскольку часть настоящего Зиберта была полностью уничтожена под Москвой, а штаб ее захвачен Красной Армией, проверить личность Зиберта обычным путем было невозможно, только через Берлин. Но немцы затеяли бы столь глубокую проверку лишь в том случае, если бы Зиберт вызвал уж слишком серьезное подозрение своим поведением, но никак не документами. Следовательно, в какой-то степени многое зависело от профессионального мастерства, выдержки, хладнокровия и находчивости самого Кузнецова. Он твердо усвоил, что не имеет права вызывать и тени подозрения у гитлеровцев, поскольку в этом случае его отличные документы уже не защита от разоблачения и гибели.

Забегая вперед, сообщим, что за полтора почти года деятельности Зиберта в Ровно его документы проверялись (в том числе офицерами личной охраны Коха) около семи-десяти раз и — благополучно!

...Когда Николай Кузнецов впервые увидел себя в зеркале облаченным в полную повседневную, так называемого «фельдграу» — «полевого серого» цвета форму обер-лейтенанта немецкой армии, у него самого голова пошла кругом. Неужто он? Таким ненавистным ему показался человек, стоящий перед ним во весь рост. Но с точки зрения разведчика Николая Васильевича Грачева (он же «Колонист», он же «Пух») обер-лейтенант Зиберт выглядел превосходно.

Подтянутый, по-мужски привлекательный. Форма сидит как влитая. Погоны, пуговицы, ремень с пряжкой, серебряный орел, сжимающий в когтях венки со свастикой, над правым карманом, петлицы — все в полном порядке. На левом кармане приколот наглухо Железный крест первого класса, в петлю второй пуговицы продернута красно-белочерная ленточка второго класса. Ниже кармана — знак тяжелого ранения.

Последние недели перед запуском Кузнецов обрабатывает детали уже конкретной легенды именно Зиберта, а не усредненного офицера вообще.

Иллюстрированные журналы, открытки с видами Берлина, Кенигсберга, Эльбинга, сведения об учебных заведениях, в которых должен был учиться Зиберт. Названия ресторанов, где мог бывать с друзьями. Адреса магазинов, где мог покупать перчатки. Результаты футбольных матчей, которые мог видеть. Танго, которые мог танцевать с девушкой. И конечно же боевой путь 76-й пехотной дивизии, фамилии офицеров и т. п.

Еще в школе Кузнецов привык не зубрить тупо, но непременно использовать какой-нибудь свой метод для осмысленного усвоения предмета или темы. Теперь он тоже придумал своеобразный способ для успеха перевоплощения. Он внушал себе, что то, что штудирует в настоящий момент, вовсе не новое, ему чуждое, но нечто, действительно с ним когда-то случившееся. Его Зиберт не заучивал выдуманные факты биографии, а как бы припоминал их.

В июне 1942 года Николай последний раз видел брата, служившего некоторое время под Москвой. 25 июня Виктор тоже неожиданно приехал в город, Николая дома не застал и оставил открытку с новым своим адресом — город Козельск Калужской области. Через день, 27 июня, Николай ответил брату: «Получил оставленную тобой открытку... Я все еще в Москве, но в ближайшие дни отправляюсь на фронт. Лечу на самолете. Витя, мой любимый брат и боевой товарищ, поэтому я хочу быть с тобой откровенным перед отправкой на выполнение боевого задания. Война за освобождение нашей Родины от фашистской нечисти требует жертв. Неизбежно придется пролить много своей крови, чтобы наша любимая отчизна цвела и развивалась и чтобы наш народ жил свободно. Для победы над врагом наш народ не жалеет самого дорогого — своей жизни. Жертвы неизбежны. И я

хочу откровенно сказать тебе, что очень мало шансов за то, чтоб я вернулся живым. Почти сто процентов за то, что придется пойти на самопожертвование. И я совершенно спокойно и сознательно иду на это, так как глубоко сознаю, что отдаю жизнь за святое правое дело, за настоящее и цветущее будущее нашей Родины.

Мы уничтожим фашизм, мы спасем Отечество. Нас вечно будет помнить Россия, счастливые дети будут петь о нас песни, и матери с благодарностью и благословением будут рассказывать детям о том, как в 1942 году мы отдали жизнь за счастье нашей горячо любимой Отчизны. Нас будут чтить и освобожденные народы Европы. Разве может остановить меня, — русского человека, большевика¹, страх перед смертью? Нет, никогда наша земля не будет под рабской кабалой фашистов. Не перевелись на Руси патриоты, на смерть пойдём, но уничтожим дракона!

Храни это письмо на память, если я погибну, и помни, что мстить это наш лозунг, за пролитые моря крови невинных детей и стариков. Мечь фашистским людоедам! Беспощадная мечь. Чтоб в веках их потомки наказывали своим внукам не совать своей подлой морды в Россию. Здесь их ждет только смерть.

Перед самым отлетом я еще тебе черкну. Будь здоров, братец. Целую крепко. Твой Николай».

Это страшное и провидческое письмо. И слова о готовности пойти на самопожертвование в нем — вовсе не патетика, простительная для уходящего на фронт человека: Кузнецов уже знал, что кроме разведки ему предстоит выполнить еще одно задание, действительно связанное почти со стопроцентной вероятностью гибели — уничтожение палача Коха.

Он сдержал слово, данное брату. 23 августа «черкнул» Виктору несколько строк:

«Дорогой братец! До свидания после победоносного окончания войны. Смерть немецким оккупантам!

Будь здоров, счастлив, желаю успехов в борьбе против немцев. Если окажусь в Москве, то напишу до востр. Центр, почтаamt.

Целую. Твой брат Николай».

¹ Чисто эмоциональный момент. Н. Кузнецов не был членом ВКП(б).